

ВЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ВЕЧТОМОВА ЮЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА

**РАЗВИТИЕ КРАЕВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ
ПРОВИНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ВЯТСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор В.А. Бердинских

Киров 2006

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Губернские ученые архивные комиссии и русское общество в конце XIX - начале XX вв.	
1.1. Проблемы разработки и прохождения в научных и правительственных кругах проекта архивной реформы. Создание губернских ученых архивных комиссий.....	28
1.2. Научно-исторические общества на рубеже XIX-XX вв. Проблемы учреждения и основные направления деятельности Вятской ученой архивной комиссии (ВУАК).....	53
1.3. Сотрудники ВУАК: социальный состав, менталитет, деятельность.....	85
Глава II. Деятельность Вятской ученой архивной комиссии по изучению истории Вятского края.	
2.1. Деятельность ВУАК по созданию и комплектованию исторического архива.....	104
2.2. Археографическая деятельность ВУАК. Научно-исследовательская работа членов комиссии.....	134
2.3. Провинциальные музеи на рубеже XIX-XX вв. и деятельность Трифоновского церковно-археологического музея.....	163
Заключение.....	182
Примечания.....	192
Список использованных источников и литературы.....	225
Приложения.....	251

Введение

Актуальность темы. Провинциальные научно-исторические общества в России дали уникальный опыт коллективных научных исследований и занимают в силу этого особое место в истории отечественной исторической науки. Их деятельность по своей широте и разносторонности не имела аналогов в предшествующие периоды развития провинциальной исторической мысли.

С момента создания губернских ученых архивных комиссий (ГУАК) ведут свое начало историко-краеведческие традиции многих российских краев и областей. ГУАК стали своеобразными культурными гнездами в провинции, где интерес к истории родного края был культурной традицией, а любительское занятие краеведением – почетным делом. «Ни одна наука не распахивает так широко двери широкой публике, как история, - писал нидерландский историк и культуролог Йохан Хейзинга. - Специальных предварительных знаний научного характера нигде не требуется в столь незначительной степени, как для понимания истории или деятельности историка»¹.

Благодаря этой особенности исторической науки она позволила широкому кругу представителей местной интеллигенции (учителям, врачам, священникам, чиновникам), у которых сформировался устойчивый интерес к истории, заняться разработкой вопросов местной истории. Вследствие отдаленности от Москвы и Петербурга местным любителям старины приходилось проявлять свои творческие, вступая в ряды членов ГУАК. Для многих местных исследователей изучение истории родного края стало самоцелью, главнейшей, а порой и единственной формой проявления своей индивидуальности.

Необходимость изучения деятельности ГУАК обусловлена тем, что архивные комиссии являются неотъемлемой частью процесса историографии, которая не исчерпывается одной лишь столичной академической наукой. Существенными чертами дореволюционной

историографии являлось осознание единства общероссийской исторической науки, тесная взаимосвязь столичных ученых и местных историков-любителей. Идея децентрализации исторической науки, стремление писать историю не из Москвы или Петербурга, а снизу – явилась стержнем теории «областничества», разработанной А.П. Щаповым. Его идеи обосновывали право провинциальных историков на разработку истории своего родного края. Местная история провозглашалась Щаповым не просто предметом, достойным изучения, но предметом важнейшим в русской истории².

Данное положение неоднократно звучало в работах многих отечественных историков. С.О. Шмидт подчеркивал, что эффективность развития научных знаний определяется не только особо выдающимися исследовательскими трудами, но во многом рядовыми историографическими фактами, типичными для той или иной эпохи и создающими микроклимат науки. Согласно С.О. Шмидту, краеведение - это «не только способ освоения исторического опыта, но и отбор, а зачастую и усовершенствование того, что выдержало испытание временем», и что определяет как характер освоения прошлого, так и способ переустройства настоящего³.

По словам М.В. Нечкиной, «никак нельзя прямолинейно подменять общее понятие исторической науки данного периода понятием науки “университетской”, “академической”, “официальной” для этих же лет»⁴.

Важное значение исторических исследований на уровне отдельных регионов не раз подчеркивалось и зарубежными авторами. Так, Йохан Хейзинга в монографии «Homo Ludens» писал о значении работ местных исследователей: «Непосредственное, спонтанное, наивное восхищение старинными вещами ушедших дней, воодушевляет дилетанта, интересующегося историей данной местности. Это не только первичная, но и полноценная форма стремления знать историю. Это прорыв к прошлому. Движимый этим стремлением, возможно, хочет понять историю совсем крохотного местечка, какую-нибудь незначительную взаимосвязь, существующую в прошлом, но прорыв его может быть столь же глубоким и

чистым, сколь же чреватым подлинной мудростью, как и у того, кто желает объять своим знанием небо и землю»⁵. Указал Хейзинга и на то, что по мере разработки какой-либо узкой темы исследования коллективом историков «границы его научной значимости расширяются, захватывая все больший круг ученых, заинтересованных постановкой проблемы. И, напротив, теряющаяся в деталях трактовка “общезначимой” темы легко обесценивает ее в глазах большинства ученых»⁶.

Таким образом, исторические исследования местных любителей старины представляют собой полноценную составляющую общего процесса историографии. Изучение их позволяет более масштабно и полно воссоздать картину накопления и распространения исторических знаний. Исследование краеведческих традиций отдельных областей способствует определению соотношения общего и особенного в историографическом процессе, показу закономерностей его развития на локальном уровне.

Отчетливо видна в провинции взаимосвязь и взаимозависимость развития истории и ряда других наук, в первую очередь естественных. Шло своего рода взаимопроникновение идей. Во второй половине XIX в. началось триумфальное шествие естественнонаучных идей. Теория эволюции Ч.Дарвина завороживала целые поколения исследователей в разных областях знания. Показательным является тот факт, что первый вятский историк А.И. Вештомов одновременно был и первым вятским ботаником. Большинство местных любителей истории были людьми разноплановыми. «Чистых» историков среди них было немного. В формировании их взглядов большое значение принадлежало центральной и местной прессе – именно она позволяла приобщаться к тем проблемам, которые составляли содержание всей жизни общества.

Наблюдающийся в последнее время подъем исторического краеведения также диктует необходимость изучения и обобщения опыта краеведческих традиций, накопленных российской наукой в провинции, в целях его практического использования. В историографии последних лет увлечение

русской провинцией отмечено как характерная черта времени. Некоторые из историков усматривают в этом начало нового этапа в краеведческой работе, отличительной чертой которой является непредвзятое изучение исторических реалий⁷.

В данной работе сделана попытка не просто показать развитие исторической мысли на уровне провинции, но и раскрыть процесс складывания и функционирования системы ГУАК как специфического общественного явления, как части российского провинциального общества. Архивные комиссии в силу своего особого статуса занимали двойственное положение. С одной стороны они являлись общественными организациями, строящимися на добровольной основе из местных историков, этнографов, а с другой стороны представляли собой часть государственного аппарата.

В связи с этим история ГУАК представляет особый интерес. Она является свидетельством высокого творческого потенциала русской провинции, способности к реализации даже в самых неблагоприятных условиях. Лишенные необходимой материальной базы, а зачастую и поддержки местных властей, архивные комиссии осуществляли широкую научную работу по исследованию родного края в историческом, этнографическом, археологическом и культурном плане, а также вели просветительную работу среди местного населения. Членами ГУАК были собраны, систематизированы и введены в научный оборот разнообразные исторические источники, созданы исторические архивы, музеи и библиотеки, ставшие прочной основой для развития культурно-просветительных традиций на местах. Значительным представляется вклад ГУАК в дело сохранения архивных богатств, памятников искусства и старины, что особенно важно в связи с отсутствием в дореволюционной России соответствующего законодательства.

Таким образом, провинциальные научно-исторические общества, объединившие в своих рамках местных любителей старины, сумели показать себя как жизнеспособные учреждения, опыт которых нуждается во

всестороннем изучении. ГУАК на протяжении длительного времени не являлись объектом специальных научных исследований. Во многом это было связано с отсутствием в историографии интереса к проблеме организационной структуры дореволюционной исторической науки в целом. Лишь в последние годы в исторической литературе отчетливо наметилась тенденция к изучению истории ГУАК.

Объектом исследования является Вятская ученая архивная комиссия (ВУАК) как один из элементов системы ГУАК.

Предметом исследования является формирование и развитие ВУАК как краеведческой организации, основные направления ее деятельности (формирование исторического архива, изучения прошлого края в историческом и этнографическом отношении, охрана памятников старины, организация просветительной работы среди местного населения).

Территориальные рамки исследования. Выбор истории Вятской ученой архивной комиссии в качестве объекта исследования не является случайным. Он обусловлен рядом факторов. Во-первых, несмотря на непродолжительный отрезок времени, в течение которого действовала ВУАК (с конца 1904 г. до начала 1920 г), она являлась одной из комиссий, наиболее плодотворно работавших в области издательского дела, и оставила после себя значительное наследие в виде «Трудов». Во-вторых, условия развития общественной, научной и культурной жизни г. Вятки имели ряд отличий от соседних губерний, что делает необходимым показать специфику деятельности ВУАК.

Хронологические рамки исследования охватывает период с 1904 г. по начало 1920 г. Начальная дата обусловлена фактом создания ВУАК (28 ноября 1904 г.). Конечная дата определяется кончиной последнего председателя комиссии Н.А. Спасского (1 марта 1920 г.) и преобразованием ВУАК в Вятское историческое общество. В то же время, нельзя рассматривать историю ВУАК без предварительного обзора положения

архивного дела в России во второй половине XIX в. и в отрыве от деятельности других архивных комиссий.

Степень изученности проблемы. Деятельность ГУАК находилась в поле зрения как дореволюционных, так и советских историков. В то же время, следует признать, что глубокой и всесторонней разработки эта тема до сих пор не получила. В исторической литературе рассмотрены либо отдельные направления работы ГУАК (в основном деятельность по созданию и комплектованию исторических архивов), либо история некоторых из комиссий.

До революции основные направления работы архивных комиссий освещались на страницах таких периодических изданий, как «Исторический вестник», «Вестник археологии и истории», «Русская старина», «Русская мысль», «Русский архив». В них публиковались обзоры деятельности ГУАК, составлявшиеся директорами Петербургского археологического института И.Е. Андреевским, Н.В. Покровским, А.Н. Труворовым и другими¹¹. Работа ГУАК привлекала к себе внимание многих видных историков, например, В.С. Иконникова, А.С. Лаппо-Данилевского, В.Н. Сторожева, М.В. Довнар-Запольского¹².

Дореволюционные публикации носили преимущественно обзорный описательный характер, хотя и содержали определенные попытки анализа места и роли ГУАК в системе научно-исторических обществ. Так, Н.В. Покровский видел в ученых комиссиях «готовых проводников древлеведения в общественное сознание» и органы по охране памятников старины, способные объединить провинциальные научные силы в деле изучения местного исторического прошлого¹³. В.Е. Рудаков указывал на характер комиссий как местных историко-археологических обществ, призванных следить за состоянием и упорядочением многочисленных провинциальных архивов¹⁴.

Резко отрицательную оценку деятельности ГУАК давал профессор Д.Я. Самоквасов, который обвинял комиссии в «разрушении исторически

слагавшихся архивных фондов» и в уничтожении ценных документальных источников¹⁵. Более того, даже слабую материальную обеспеченность архивных комиссий Самоквасов ставил в вину самим ГУАК. Его работы содержали в основном пересказ содержания годовых отчетов комиссий, причем только тех мест, где описывались трудности и недостатки в работе ГУАК. Издательская работа комиссий осталась вне поля зрения Самоквасова. В целом дореволюционные работы, посвященные деятельности ГУАК, имеют для исследователей скорее источниковедческое, чем историографическое значение.

В советский период тема провинциальных научных обществ в течение длительного времени не привлекала к себе внимания историков. Данное обстоятельство объясняется не только отсутствием интереса советской исторической науки к местным «проводникам охранительного направления» дореволюционной историографии, но и небезопасностью самого факта обращения к подобной проблематике в условиях разгрома отечественного краеведения и наклеивания на него ярлыка «гробокопательства».

До 50-х гг. в свет вышли лишь три публикации, посвященные истории ГУАК. Это, прежде всего, вышедшая в 1921 г. статья Ю.И. Гессена «Из жизни архивных комиссий»¹⁶. В ней автор достаточно подробно рассматривает предысторию создания комиссий, а также освещает те трудности, с которыми столкнулись комиссии при своем учреждении.

В отличие от объективного исследования Ю.И. Гессена статья И.С. Назина, напечатанная в журнале "Архивное дело" в 1936 г.¹⁷, носила крайне тенденциозный характер. Ее автор стоял на позиции полного отрицания вклада ГУАК в развитие отечественной исторической науки. Он не только не признавал за комиссиями заслуг в исследовательской деятельности, но и ставил под сомнение научный характер их работы. По мнению Назина, деятельность ГУАК в силу неопределенности их правового статуса не имела законченного характера и «самым губительным образом отзывалась на сохранности архивного материала». В вину ГУАК ставилось

необоснованное уничтожение огромного количества ценных для исторической науки документов. В заключение И.С. Назин сделал вывод о том, что вся работа архивных комиссий была направлена на «укрепление царского строя, прославление самодержавия и дворянства, на укрепление “православия, самодержавия и народности” - трех китов, на которых держалась империя Романовых»¹⁸.

В 1940 г. вышла работа А.В. Чернова «История и организация архивного дела в СССР»¹⁹. Чернов считал, что деятельность ГУАК отрицательно отразилась на сохранности архивных документов и служила интересам господствующих классов. Работу комиссий по созданию своих исторических архивов Чернов назвал «некультурной», обосновывая это заключение тем, что документы описывались и хранились в «валовом порядке», а научной обработки материалов и вовсе не производилось. Вслед за Д.Я. Самоквасовым Чернов повторял, что исторические архивы при ГУАК не являлись архивами в полном смысле этого слова, а были лишь «архивными коллекциями разрозненных единиц хранения». Таким образом, Чернов делал вывод о том, что ГУАК не выполнили возложенной на них роли, то есть не сумели сохранить ценный документальный материал, и более того - своими действиями уничтожали миллионы дел. Деятельность ГУАК после Октябрьской революции Чернов охарактеризовал как контрреволюционную, а сотрудников комиссий назвал «ярыми врагами народа и революции»²⁰.

Первая серьезная попытка осмысления богатейшего опыта ГУАК в области создания исторических архивов принадлежит Н.В. Бржостовской, защитившей в 1951 г. в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ) кандидатскую диссертацию на тему «Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела», а в 1954г. опубликовавшей статью под тем же названием²¹. В своей работе автор поставила следующие вопросы, связанные с деятельностью ГУАК: удалось ли архивным комиссиям выполнить задачу упорядочения архивного дела в провинции; имела ли их деятельность по сохранению, описанию и

организации использования местных документов положительные результаты. Н.В. Бржостовская признавала идею создания научных обществ в целом прогрессивной, отражающей потребности науки, но идея эта осуществлялась в период, когда «...второй раз после освобождения крестьян, волна революционного прибоя была отбита, и либеральные движения, вслед за этим и вследствие этого второй раз сменились реакцией»²². Таким образом, Бржостовская пришла к выводу о том, что на всей деятельности комиссий лежала «печать реакционности». Самой отрицательной стороной деятельности ГУАК Н.В. Бржостовская называла уничтожение архивных дел по описям, обосновывая свое утверждение тем, что комиссии способствовали уничтожению документов еще в более широких масштабах, поскольку снимали ответственность с чиновников. Вывод Бржостовской заключался в том, что создание ГУАК было неудачной попыткой передовой общественной мысли добиться проведения архивной реформы, которая «противоречила интересам правительства, желавшего сохранить архивы в руках дворянской бюрократии»²³. По ее мнению, комиссии не внесли в состояние местных архивов никаких позитивных изменений и не смогли хоть сколько-нибудь приостановить уничтожение архивных материалов.

Столь же бескомпромиссная характеристика была дана ГУАК И.Л. Маяковским в работе «Очерки по истории архивного дела в СССР»²⁴. Если издательскую работу комиссий автор признавал просто неудовлетворительной, то главное направление в деятельности ГУАК – отбор документов для хранения в губернских исторических архивах, автор оценил как «вредную», назвав ГУАК «почвой для массового уничтожения дел в провинции»²⁵.

Общепринятую в историографии 1950-60-х гг. оценку деятельности ГУАК поддерживали авторы разделов по истории архивного дела в «Очерках истории исторической науки в СССР» К.В. Сивков, В.А. Кондратьев, В.К. Яцунский²⁶. К.В. Сивков утверждал, что архивные комиссии занимались преимущественно вопросами местной археологии, причем «узко и

поверхностно». Обвинение в поверхностности вытекало из того, что Сивков сводил все многообразие направлений деятельности ГУАК к одному, причем далеко не самому главному, из них. Вряд ли можно согласиться с К.В. Сивковым и в выборе в качестве основного критерия оценки деятельности ГУАК количество опубликованных ими выпусков «Трудов», что дало автору повод говорить о «полной бездеятельности» ряда ГУАК. В.К. Яцунский, указав на то, что возникновение архивных комиссий «несколько содействовало в организационном отношении местной историографии», отмечал в то же время, что оно зачастую неблагоприятно отражалось на ее научном уровне в силу преобладания во многих ГУАК реакционных элементов.

Исключение в ряду негативных оценок деятельности ГУАК, данных историографией советского периода, составляет точка зрения О.И. Шведовой²⁷. Ее заслуга заключается не только в том, что она впервые обобщила сведения об изданиях комиссий и подготовила их сводный указатель, но и в том, что подвергла сомнению правомерность резкой критики ГУАК. О.И. Шведова показала несоответствие значительного объема работ комиссий и почти полного отсутствия у них необходимой материальной базы и официального статуса. Однако в целом подобные попытки объективного анализа положения архивных комиссий были не характерны для историографии 1950-60-х гг.

Качественно новый этап в постановке проблемы наступил в 1970-х гг. В данный период, во-первых, произошли определенные изменения в оценке деятельности комиссий, а во-вторых, наметился поворот от изучения их истории в общем плане к разработке истории отдельных комиссий. Так, Н.В. Бржостовская пересмотрела свой взгляд на деятельность ГУАК и на этот раз охарактеризовала их как «закономерное и положительное явление в культурной жизни...нуждающееся во внимательном изучении»²⁸. Коренной переоценке подверглись взгляды автора на личный состав сотрудников комиссии. Если раньше она утверждала, что отдельные прогрессивно

настроенные лица не могли изменить общего реакционного направления деятельности комиссий, то теперь подчеркивала, что представители реакционной идеологии в ГУАК не получали широкой поддержки.

Положительно в целом оценена деятельность ГУАК В.Н. Самошенко в учебном пособии по истории архивного дела²⁹. Самошенко с достаточной объективностью проанализировал деятельность ГУАК. Издательскую деятельность большинства комиссий он счел мало результативной, поскольку сборники документов отражали события далекого прошлого, «прославляя самодержавие, дворянство, православие». Вместе с тем Самошенко отмечал, что ряд изданий (по истории городов, войн и другие) не потеряли своего значения и через много лет. Положительно оценил Самошенко культурно-просветительную работу комиссий (участие в различного рода выставках, создание музеев и библиотек). Рассмотрел автор и положение архивов в целом по России, различные варианты реформирования архивного дела в направлении централизации, вклад Русского исторического общества, Петербургского археологического института, съездов представителей ГУАК в дело улучшения положения архивов и самих архивных комиссий.

Существенным шагом вперед в разработке данной проблемы стало изучение деятельности ряда ГУАК (исследования по Рязанской, Костромской, Симбирской, Владимирской, Полтавской, Орловской, Воронежской, Нижегородской, Пермской, Оренбургской, Таврической, Екатеринославской комиссиям)³⁰. Кроме того, появились и статьи, посвященные наиболее выдающимся деятелям ГУАК³¹. Авторы этих статей на основании местных источников показали условия деятельности ГУАК в отдельных регионах, осветили основные направления их работы, указали на вклад тех или иных представителей архивных комиссий в развитие и организацию научно-исторических исследований родного края.

Наряду с тенденцией всестороннего изучения деятельности отдельных ГУАК в конце 1980-х - начале 90-х гг. в исторической литературе проявился

интерес к изучению определенных направлений работы ряда объединенных по территориальному принципу комиссий с позиций сравнительного анализа. Например, Т.О. Размустова исследовала вклад Курской, Воронежской и Тамбовской комиссий в археологическое обследование областей, а также их деятельность по охране вещественных памятников старины³². Автор проследила направление археологических исследований, работу по изучению отдельных археологических памятников и составлению археологических карт губерний. Выявлению роли ГУАК в развитии исторических исследований на региональном уровне посвящены исследования В.П. Макарихина³³.

Общий обзор условий деятельности комиссий, их материального положения, социального состава, основных направлений работы, взаимоотношений с Петербургским Археологическим институтом дан в статьях Н.Л. Зубовой³⁴ и Л.Ф. Писарьковой³⁵. Писарькова указала на назревшую необходимость глубокого и полного изучения всех сторон деятельности ГУАК, выявления вклада, внесенного комиссиями «в дело сохранения историко-культурного наследия, формирования национального самосознания народа, развития культурной жизни в провинции и отечественного краеведения»³⁶.

Логическим результатом процесса изучения истории ГУАК стало появление в 1991 г. первой обобщающей монографии по данной теме под названием "Губернские ученые архивные комиссии России" В.П. Макарихина³⁷. В ней получили освещение многие вопросы истории ГУАК: предпосылки организации комиссий, основные направления научно-исследовательской и просветительной деятельности, связи с другими научными обществами. Основное внимание В.П. Макарихин сосредоточил на истории комиссий Поволжского региона: Тверской, Костромской, Ярославской, Нижегородской, Саратовской и Симбирской. Таким образом, деятельность других комиссий все еще требует детального и всестороннего изучения.

В 2003 г. вышла монография Т.И. Хорхординой «Российская наука об архивах. История. Теория. Люди»³⁸. В ней автор рассматривает становление архивного дела в России в XIX-начале XX вв., анализирует различные варианты архивной реформы и причины их неудачи. Хорхордина уделяет большое внимание не только проектам реформы централизации архивной системы, которые предлагались Н.В. Калачовым и Д.Я. Самоквасовым, но и рассмотрела первый из подобных проектов, принадлежащий барону Г.А. Розенкампу. Хорхордина пришла к выводу, что именно проект Розенкампа был положен в основу программы Калачова. Автор проанализировала причины, по которым проект Розенкампа, провалившийся в начале XIX в, удалось, хотя и частично, реализовать Н.В. Калачову в 1870-1880 гг. Главную причину этого Хорхордина видит в изменении отношения к архивам в обществе и государстве, что было обусловлено сменой к середине XIX в. социальной и политической обстановки в стране. Хорхордина подчеркнула, что именно Калачов вывел архивоведение «из узкопрофессиональных рамок на простор гуманитарных дисциплин историко-юридического характера, впервые определил архивы как общенациональное достояние»³⁹.

В связи с проектами централизации архивного дела в России Хорхордина рассматривает и деятельность ГУАК. Главной заслугой комиссий она называет объединение вокруг ГУАК научных сил провинции. По словам Хорхординой, ГУАК являлись «первыми создателями единого архивно-информационного поля в его самом идеальном, целостном воплощении... Их деятельность была реализацией основной идеи интегрального архивоведения, согласно которой понятие “архивоведение” почти полностью сливалось с понятием “культура” в самом широком толковании»⁴⁰. Причинами, по которым ГУАК не смогли справиться со всеми поставленными перед ними задачами, автор назвала крайнюю скудость средств, отсутствие юридической основы для реализации комиссиями их обязанностей, недостаток научных сил на местах.

Значительную ценность для данного исследования представляют работы В.Р. Лейкиной-Свирской⁴¹ и Б.Н. Миронова⁴² по истории российской интеллигенции. Анализ этих работ позволяет определить состав, мировоззрение, формы деятельности, особенности положения и роли интеллигенции в научной и культурной жизни страны. Современные исследования акцентируют внимание на широком участии интеллигенции в научных обществах, на социальной значимости деятельности интеллигенции, носившей просветительный характер.

Что касается истории Вятской ученой архивной комиссии, то она на протяжении длительного времени не привлекала особого внимания исследователей истории края. Причины этого крылись в указанных выше мотивах недостаточной разработанности проблемы ГУАК в советской историографии. Однако отдельные статьи все же выходили в свет. В 1923 г. в журнале «Вятская жизнь» была напечатана статья Л.Н. Спасской «Вятская ученая архивная комиссия»⁴³. В данной статье автор рассказала о проблемах, с которыми столкнулись местные исследователи при открытии архивной комиссии в г. Вятке, дала общую характеристику основных направлений работы ВУАК. Весь период деятельности комиссии Спасская разделила на три этапа: организационный этап, этап систематической работы и затухание деятельности.

Первый этап (1904-1908 гг.), связанный с открытием комиссии и первыми шагами научно-исследовательской работы, прошел под влиянием и непререкаемым авторитетом товарища председателя и редактора «Трудов ВУАК» Александра Степановича Верещагина. Именно он определил основные направления работы комиссии и разработал программу издательской деятельности ВУАК. Второй этап (1909-1913 гг.) Л.Н. Спасская связывала с деятельностью в комиссии своего мужа Николая Александровича Спасского. Главными его заслугами она называла расширение программы «Трудов ВУАК» за счет материалов археологического и этнографического характера и открытие Трифоновского

музея. Третий период – время затухания работы ВУАК (1914-1917 гг.) был связан с первой мировой войной и революциями. В это время комиссия теряет помещение музея, в 1917 г. прекращается издательская деятельность. 1 марта 1920 г. (день смерти Н.А. Спасского) Лидия Николаевна называет последним днем жизни комиссии. В целом Спасская характеризует работу комиссии как плодотворную, много значившую для сохранения архивного материала, предметов старины.

В 1920 гг. появлялись отдельные работы, посвященные сотрудникам ВУАК. Так, в 1922 г. вышла статья А.Н. Луппова «Биографический очерк об Иване Михайловиче Осокине»⁴⁴. В ней автор рассмотрел научно-историческую и административно-воспитательную деятельность одного из наиболее активных членов ВУАК – И.М.Осокина.

В 1980-х-начале 90-х гг. XX в. в связи с общим подъемом краеведческих исследований местные историки все чаще стали обращаться к дореволюционному опыту изучения истории Вятского края. Одна из первых попыток в этом направлении была предпринята Г.Ф. Чудовой в книге «В те далекие годы»⁴⁵. Рассматривая развитие научной работы в Вятской губернии на протяжении XIX-начала XX вв., Чудова поставила вопрос и о месте ученой архивной комиссии в культурной жизни Вятки. Автор определила характер ВУАК как многопрофильной общественной просветительной организации, рассмотрела организационную структуру комиссии и указала на основные направления в ее деятельности. Деятельность комиссии рассматривается в контексте истории других научных обществ Вятской губернии, таких как Кукарское образовательное общество, Общество изучения Прикамского края (г. Сарапул).

Чудова выделила два этапа в деятельности комиссии. Первый этап она связывала с началом работы ВУАК в обстановке первой русской революции (1905-1907 гг.), когда было велико влияние либеральных общественных деятелей. Именно в этот период проходила наиболее оживленная издательская работа комиссии, шла «живая» работа ВУАК (регулярные

заседания – раз в две недели, обсуждение рефератов, дискуссии). Второй период Чудова связала с назначением на пост Вятского губернатора князя С.Д. Горчакова, которого она охарактеризовала как «ярого поборника самодержавия и душителя революции». По словам Чудовой, Горчаков, являясь председателем ВУАК, связал руки ее либеральным членам и заставил перейти комиссию на клерикально-монархические позиции, в результате чего на страницах «Трудов ВУАК» в стали печататься в основном материалы по истории церквей и монастырей, биографии деятелей царской администрации и церковных иерархов⁴⁶.

В последнее время появилось значительное количество статей, посвященных различным сторонам деятельности ВУАК. Наибольший вклад в изучение работы комиссии внесли В.А. Бердинских, М.С. Судовиков, А.А. Марков, В.В. Ванчиков, Л.А. Сенникова, Н.А. Хан, Ю.П. Сапегина, Г.Е. Комарова⁴⁷.

В.А. Бердинских в монографии «Уездные историки. Русская провинциальная историография» посвятил несколько глав выдающимся членам ВУАК – А.С. Верещагину, П.Н. Луппову и А.А. Спицыну. В главе о Верещагине рассмотрены вопросы образования и становления ВУАК. Главное внимание уделено издательской работе комиссии в период, когда редактором комиссии являлся А.С. Верещагин. В статье, посвященной И.М. Осокину, Бердинских уделил особое внимание организации Трифоновского церковно-археологического музея.

Одному из направлений деятельности ВУАК, а именно изучению Вятского края в археологическом отношении, посвящена работа В.В. Ванчикова и Л.А. Сенниковой «Искатели древностей». Авторы выделили основные формы исследовательской работы комиссии в области археологии (попытки некоторых членов комиссии участвовать в археологических раскопках в Вятской губернии, написание статей по археологии), отметили и очевидное стремление деятелей ВУАК к охране вещественных памятников старины.

Таким образом, анализ имеющейся по истории ВУАК литературы показывает, что ее деятельность не обойдена вниманием местных исследователей. В то же время следует подчеркнуть, что авторы не ставили перед собой задачу детального рассмотрения всех сторон деятельности комиссии и ограничивались описанием ее общих контуров или освещением условий работы местного научного общества. Из всех вопросов, связанных с историей ВУАК, наибольшей разработке подверглись сюжеты по научной и организационной деятельности первого редактора «Трудов ВУАК» А.С. Верещагина, последнего председателя комиссии Н.А. Спасского, а также протоиерея И.М. Осокина. Широкий спектр остальных проблем - работа по организации архивного дела в губернии, археографическая деятельность, научно-исследовательская разработка истории края, место ВУАК в ряду других ученых архивных комиссий - краевой историографией не затронут и нуждается в тщательной разработке.

Цели и задачи исследования. Целью диссертации является изучение особенностей зарождения и развития краеведения в дореволюционной России на примере одной из ГУАК Волго-Вятского региона в начале XX в.

Для реализации поставленной цели необходимо последовательно решить ряд исследовательских задач:

- на основе историко-генетического метода раскрыть принципы организации и условия деятельности ГУАК, особенности их правового статуса, определить направления правительственной политики по отношению к архивным комиссиям;
- дать аналитический обзор деятельности научно-исторических обществ в России на рубеже XIX-XX вв., определить тенденции развития ГУАК, а также их взаимосвязь с развитием исторической науки и общественно-политической ситуацией в стране;
- проследить связи ГУАК с общероссийскими и местными научно-историческими обществами и учреждениями;

- посредством историко-сравнительного анализа показать основные направления деятельности ГУАК в целом по России и их специфику в ВУАК, а также раскрыть содержание каждого из направлений ее работы (архивное, археографическое, работа по созданию музея);

- охарактеризовать социальный состав архивных комиссий и показать его особенности в ВУАК, определить вклад ее наиболее видных деятелей в формирование научного наследия;

- определить место и роль ВУАК в процессе становления вятского краеведения.

Источники исследования. Источниковая база исследования представляет собой совокупность архивных документов, опубликованных Вятской ученой архивной комиссией «Трудов», а также других печатных материалов, имеющих отношение к деятельности ГУАК.

Первую группу источников составляют архивные материалы. Непосредственным куратором научной деятельности ГУАК являлась Российская Академия наук. В архиве ее Петербургского отделения отложился ряд материалов, имеющих отношение к истории ученых архивных комиссий. В диссертации использовался фонд Конференции Академии наук (Ф.1), включающий в себя протоколы общих и экстраординарных собраний отделения исторических наук и филологии с обсуждением вопросов о положении ГУАК. Фонд канцелярии Академии наук (Ф.2) содержит материалы о предыстории комиссий, переписку с ними, в том числе и по вопросу их положения в послереволюционный период, материалы по подготовке съезда архивных деятелей в 1917 г. Немаловажный материал содержит фонд А.С. Лаппо-Данилевского (Ф.113), занимавшегося по поручению Историко-филологического отделения Академии наук обобщением сведений о деятельности ГУАК. В его личном фонде отложились документы о руководстве комиссиями (протоколы и выписки из протоколов Академии наук, отчеты ГУАК и переписка за период 1899-1918 гг., проекты учреждения центральных губернских архивов, дела о

распределении между ГУАК зон деятельности по просмотру описей предназначенных к уничтожению дел, материалы Совета Союза российских архивных деятелей о положении комиссий после революции).

В Центральном государственном историческом архиве г. Москвы (ЦГИА г. Москвы) наибольший интерес для данной темы представляет фонд Московского археологического общества (Ф.454). Он включает в себе отчеты ряда архивных комиссий, материалы о подготовке архивной реформы и реорганизации ГУАК, протоколы заседаний Московского археологического общества по вопросу постановки архивного дела и состояния архивов после Февральской революции, переписку с комиссиями относительно хранения и уничтожения архивных дел, материалы о подготовке и проведении Всероссийских археологических съездов, материалы о работе Союза российских архивных деятелей.

Немаловажное значение для данной диссертации имеет Российский государственный исторический архив (РГИА), ряд фондов которого содержит материал по организации и деятельности архивных комиссий. Из материалов РГИА использован фонд департамента общих дел министерства внутренних дел (Ф.1284), где хранятся дела по организационному развитию ГУАК и их финансовому положению, документы по вопросам охраны памятников старины. Фонд общей канцелярии (Ф.560) и фонд департамента государственного казначейства (Ф.565) министерства финансов освещают разработку проекта архивной реформы в начале XX в. и содержат сведения об ассигновании средств на издательскую деятельность некоторых ГУАК. Значительный по объему материал представляет фонд министерства народного просвещения (Ф. 733) – это дела, касающиеся деятельности ряда научных учреждений и ВУЗов. Документы данного фонда позволяют рассмотреть процесс разработки проектов закона по охране памятников старины и архивной реформы по проекту Д.Я. Самоквасова, содержат дела о подготовке к съезду представителей ГУАК в 1914 г.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) содержатся документы о подготовке и деятельности первого Всероссийского археологического съезда в Москве (Ф.99. Оп.1) Здесь же представлены материалы о положении провинциальных архивов в России в середине XIX в.

Наиболее значительный комплекс документов, освещающих историю ВУАК, хранится в Государственном архиве Кировской области (ГАКО). Наибольшую ценность для раскрытия темы представляет фонд Вятской ученой архивной комиссии. Документы ВУАК поступили на хранение в ГАКО в декабре 1923 г. и составили фонд комиссии, которому был присвоен № 170.

Материалы фонда подразделены на две группы, включенные соответственно в две описи. В первую опись оказались включены материалы, собранные членами комиссии (413 дел): выписки из летописей, писцовых и дозорных книг, относящиеся к истории Вятки; копии царских грамот, писцовые и переписные книги, купчие и т.д. Также в первую опись вошли рукописи статей, очерков и рефератов членов ВУАК по истории, этнографии, географии, экономике, культуре и быту Вятского края.

Вторую опись составили документы об образовании ВУАК, ее деятельности за 1903-1920 гг. (88 дел). По вопросу учреждения ВУАК сохранились следующие документы: докладная записка членов Вятского губернского статистического комитета вятскому губернатору от 28 ноября 1903 г. о необходимости организовать в г. Вятке ученую архивную комиссию (Ф.170. Оп.2. Д.3. Лл.1-7об.); выписка из журнала заседания Вятской городской думы от 11 декабря 1903 г. «Об оказании пособия на учреждение и содержание Вятской архивной комиссии» и отказе в выделении помещения для комиссии (Ф.170. Оп.2. Д.3. Л.15); переписка Вятского губернатора П.Ф. Хомутова с министром внутренних дел, а так же директором Петербургского археологического института Н.В. Покровским о создании в Вятке архивной комиссии (Ф.170. Оп.2. Д.3. Лл.58-60об., 62-64, 73).

Сведения о деятельности комиссии, составе ее членов можно найти в журналах заседаний ВУАК. Подлинники журналов заседаний комиссии также находятся во второй описи фонда ВУАК (Ф.170. Оп.2. Д.5, 16, 21, 22, 27-29а, 32-34). В журналах нашли отражение основные направления деятельности комиссии, развитие организационной структуры ВУАК, ее финансовое положение и т.д.

Важным источником, освещающим деятельность комиссии, являются годовые отчеты за 1905–1918 гг. (Ф.170. Оп.2. Д.8, 48, 72, 75, 80), выступавшие в качестве основного вида отчетной документации всех ГУАК. При характеристике данного вида источников следует отметить наличие ряда количественных показателей, характеризующих работу комиссии в области архивного дела, формировании библиотеки, музея. Данная опись также содержит материалы о выборах почетных и действительных членов ВУАК (Ф.170. Оп.2. Д.7, 13). Среди этих документов находятся письма избранных в почетные члены комиссии историков В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, Н.П. Лихачева с благодарностью за оказанное внимание (Ф.170. Оп.2. Д.20, 21, 23).

Важным комплексом архивных материалов является переписка комиссии, позволяющая выявить ее разносторонние связи. В качестве корреспондентов ВУАК выступали научно-исторические общества и учреждения (Московское археологическое общество, Петербургский археологический институт, губернские ученые архивные комиссии). Главной целью данной переписки был обмен опытом работы, обмен своими «Трудами» и научной литературой (Ф.170. Оп.2. Д.6, 10, 12, 19, 36, 67). Отдельным блоком материалов является переписка комиссии с местными органами власти - городской думой, губернской и уездными земскими управами по поводу оказания материальной помощи комиссии (Ф.170. Оп.2. Д.25, 49), переписка с организациями и учреждениями об отборе и уничтожении архивных материалов, не подлежащих дальнейшему хранению (Ф.170, Оп.2. Д.73). Также в фонде содержатся материалы, отражающие

процесс устройства Трифоновского церковно-археологического музея (Ф.170. Оп.2. Д.24, 29а, 48).

Определенную информацию по теме исследования содержат хранящиеся в ГАКО фонды губернского архивного управления (Ф. Р.-875 и Р.-1016). Здесь можно найти материал о преобразовании ВУАК в Вятское историческое общество и о деятельности данного общества.

Важнейшей частью источниковой базы исследования являются материалы печатного органа комиссии «Трудов ВУАК», вышедшие в количестве 46 выпусков. В «Трудах ВУАК» печатались отчеты и протоколы комиссии, документальные материалы, собранные членами комиссии, научные заметки, статьи и рефераты. «Труды ВУАК» отражают многочисленные аспекты деятельности комиссии и позволяют оценить вклад ВУАК в развитие краевой историографии. При написании работы использовалась также губернская периодическая печать: «Вятские епархиальные ведомости», «Вятские губернские ведомости», «Вятский край», «Вятская речь». На страницах данных изданий получили освещение некоторые направления деятельности ВУАК. Здесь также печатались заметки и статьи вятских историков и архивистов.

Следующую группу источников составляют законодательные и нормативные документы, определявшие политику отдельных ведомств и министерств в отношении архивов в дореволюционный период, а также наметившиеся направления реорганизации архивного дела в государственном масштабе в первые годы Советской власти⁴⁸. Отдельный блок официальных документов представлен актами, относящимися к учреждению и деятельности ГУАК.

В число важных источников диссертации входят материалы всероссийских и областных археологических съездов. Всероссийские съезды способствовали координации деятельности столичных и провинциальных историков, выявлению наиболее важных проблем организационного и исследовательского плана. На съездах обсуждались вопросы, связанные с

изучением, как памятников материальной культуры, так и документальных материалов. Целый ряд докладов был посвящен положению архивного дела в стране⁴⁹, проблемам архивоведческой теории и методики⁵⁰, развитию археографии⁵¹ и музейного дела⁵². На всероссийских и областных съездах неоднократно поднимались вопросы о положении ГУАК⁵³. Общую картину их состояния, круг проблем организационного порядка, а также возможные перспективы развития позволяют представить материалы первого съезда ГУАК, состоявшегося в 1914 г.⁵⁴.

В целом следует констатировать наличие широкого круга архивных и опубликованных источников по теме диссертационной работы. Их комплексное исследование позволило произвести анализ характера историко-краеведческого движения в Вятской губернии в начале XX вв., выявить основные направления работы ВУАК, раскрыть формы и методы изучения прошлого края.

Методологическая основа работы. В основу работы положен принцип историзма, предполагающий исследование отдельных фактов в связи с другими, а также в связи с конкретным историческим и историографическим опытом. Более углубленному изучению исторических и историографических явлений способствовало также использование общенаучных методов, например, анализа и синтеза. Аналитический метод позволяет определить особенности деятельности ВУАК, а синтетический - выявить ее место в ряду ГУАК. Остальные методы, использовавшиеся при написании диссертации, обусловлены спецификой предмета диссертации. М.А. Рыбаков, выделивший ряд отличий историко-краеведческих исследований от собственно исторических, подчеркивал, что исследователь краевой истории «изучает предметы и явления не как таковые, а те особенности, которые обусловлены их положением в данном конкретном месте и отношением этих предметов и явлений к другим элементам...общественной жизни»⁵⁵. В то же время локальное исследование не предполагает изучения местного материала в отрыве от общероссийских процессов. Этим обусловлено использование в

настоящей диссертации историко-сравнительного метода, позволяющего выявить общие и особенные черты деятельности Вятской комиссии по сравнению с другими ГУАК.

Составной частью процесса изучения деятельности ГУАК является анализ количественных показателей результатов их работы, в связи с чем необходимо применение количественного метода. Использование данного метода позволило раскрыть количественную сторону деятельности ВУАК, например, в области формирования и описания исторического архива. Это, в свою очередь, дало возможность уточнить ряд качественных характеристик изучаемого предмета.

Принцип комплексности предполагал выявление на основе возможно более широкого круга источников всей совокупности фактов и явлений, относящихся к данной теме. При написании работы также обращалось внимание на воссоздание биографий вятских историков, что определило необходимость использования социально-психологического анализа.

Научная новизна исследования. Новизна работы во многом определяется ее темой, которая до последнего времени не являлась предметом системного и углубленного изучения. Ввиду этого в научный оборот впервые вводится значительный круг нового исторического материала. Он позволил обобщить деятельность ВУАК по разным направлениям, показать ее вклад в разработку истории края, в становление системы научных и культурно-просветительных учреждений губернии. На примере ВУАК прослежены условия деятельности ГУАК, их организационное и структурное развитие. Предпринята попытка осветить послереволюционный период истории комиссии, а также определить общие и специфические черты ее деятельности по сравнению с другими комиссиями и тем самым продемонстрировать ее вклад в общее дело развития исторических исследований на региональном уровне.

Практическая значимость работы. Изучение опыта историко-краеведческих традиций, бесспорно, имеет не только чисто научное, но и

практическое значение. Материал настоящего исследования может быть использован в практической краеведческой работе, при чтении лекционных курсов по историческому краеведению, подготовке пособий по соответствующей тематике. Отдельные части работы, посвященные формированию губернского исторического архива и музея, могут представлять интерес для архивных и музейных работников.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, примечаний, списка источников и литературы, приложения.

Глава I. Губернские ученые архивные комиссии и русское общество в конце XIX – начале XX вв.

1.1. Проблемы разработки и прохождение в научных и правительственных кругах проекта архивной реформы. Создание губернских ученых архивных комиссий.

В XVI-XVII вв. вследствие развития книгопечатания, письменные материалы отделились от библиотек. Центральные и местные учреждения имели собственные хранилища письменных источников. Крупные комплексы материалов отлагались в приказах. В результате деятельности органов местного самоуправления создавались архивы местных учреждений. Большое количество материалов концентрировалось в архивах церквей и монастырей. Однако в этот период архивный материал еще являлся составной частью текущего делопроизводства.

В первой четверти XVIII в. начался новый этап в развитии архивного дела, что было следствием реформ Петра I. Преобразования в системе государственного аппарата привели к созданию архивов при высших, центральных и местных учреждениях и устройству фондов упраздненных учреждений. Начала формироваться сеть архивов судебных учреждений. Важным моментом стало появление исторических архивов, в которых хранились документы, потерявшие практическое значение. Центральные органы власти уделяли пристальное внимание постановке архивного дела. Так, Сенат выпустил ряд указов, направленных на улучшение положения архивов. В первой половине XIX в. положение значительно меняется. Начинается уничтожение документов ведомственных и исторических архивов, причем данный процесс постепенно освобождается от контроля высшей власти.

Вторая половина XIX в. занимает в истории архивного дела России особое место. Великие реформы 1860-70-х гг. привлекли внимание научной общественности, понимавшей важность дела сохранения отечественного

документального наследия, к положению архивов. Свидетельством этого явилась предпринятая в начале 70-80-х гг. XIX в. попытка коренной реорганизации архивного дела.

В ходе реформ произошли значительные изменения в системе государственных учреждений, что повлекло за собой и перестройку сети ведомственных и исторических архивов. Документация упраздненных и преобразованных учреждений передавалась в архивы других учреждений. В результате этого как в центре, так и на местах, архивы оказались переполнены документами, что повлекло за собой массовое уничтожение архивных материалов.

Чтобы как-то упорядочить процесс уничтожения дел министерства и ведомства вырабатывали соответствующие инструкции и распоряжения. Так, в 1860-61 гг. инструкции по хранению архивных дел были изданы министерством Государственного контроля, морским министерством, министерством народного просвещения, военным министерством и другими¹. Однако, как отмечалось многими отечественными историками и архивистами, данные инструкции преследовали своей целью не столько разработку и упорядочение архивов, сколько освобождение в них места путем уничтожения дел, признанных необязательными для хранения².

Инструкции предписывали секретные материалы сжигать, а несекретные продавать с торгов. Вырученные средства, зачастую очень крупные, поскольку продавались тысячи пудов бумаги, поступали в казну. С 1891 г. по распоряжению министерства финансов 50% от вырученных средств шло на устройство архивов и награды «отличившимся» чиновникам, что лишь усилило заинтересованность служащих в увеличении количества уничтожаемого и продаваемого архивного материала.

Первые правила, касающиеся урегулирования процесса уничтожения архивных дел, появились еще в 40-х гг. XIX в. Так, в 1845 г. вышло «Положение об учреждении губернских правлений», которое предусматривало создание специальных комиссий по разбору старых дел. В

данные комиссии включались, как правило, чиновники, не имеющие специального образования и знаний, необходимых для оценки значимости документов. В результате деятельности таких комиссий за один только 1847г. в восемнадцати губерниях к уничтожению было представлено 30 тысяч единиц хранения, а в 1852 – 68 тысяч³.

Все правила по уничтожению дел имели ряд общих черт. Документы обычно делились на три категории: «всегдашнего» хранения, временного хранения (от трех до двадцати пяти лет) и бумаги, подлежащие уничтожению⁴. На «всегдашнее» хранение оставлялись дела, содержавшие «высочайшие повеления», отвечавшие интересам государственной власти и дворянства. На временное хранение оставлялись источники, необходимые для справок: различного рода отчеты, дела о личном составе данного учреждения и т.п. Основная же масса дел подвергалась немедленному уничтожению (после окончания делопроизводства).

Таким образом, пореформенный период стал временем массового уничтожения архивного материала. Тезис академика Н.В. Калачова «лучше лишнее хранится, чем полезное уничтожается» – полностью игнорировался.

Огромный урон архивам наносило невежество чиновников. Многие из них, с целью ускорения работы по освобождению места в архивах для новых документов, топили печи связками древних актов. А чиновники Московского дворцового архива дарили посетителям старинные документы «на память»⁵. Член Вятской ученой архивной комиссии И.И. Зубарев писал, что главными истребителями документов были не пожары или вражеские нападения, а людское невежество: «С целью освобождения от лишних хлопот и ответственности, архивы нарочно помещали на чердаках, башнях и колокольнях, доступных и дождю, и снегу, и ветру, их помещали в сырых подвалах и выгребных ямах, ими оклеивали стены жилых помещений...в них завертывали купленный в лавках товар и жгли в печах»⁶.

Академик Н.В. Калачов неоднократно указывал на то, что «в провинции документы гибнут, можно сказать, ежечасно и от небрежного их хранения и от целенаправленного их истребления, то вследствие непонимания их важности, то по другим, еще менее похвальным причинам»⁷.

Несмотря на то, что «Архивный кодекс» появился еще в 1811 г. и предписывал служащим архивов содержать документы в надлежащем порядке, составлять им описи, работники архивов весьма редко следовали кодексу, а то и вовсе не слышали о нем. Чиновники относились к архивам как к неважному, третьестепенному свалочному месту для ненужных бумаг. Многие чиновники в канцелярии считали унижительным для себя входить в такие мелочи, как разбор архивных материалов. Их понимание важности архивного материала не шло дальше извлечений сведений, необходимых для справок и докладов. «Единственное, что было выдумано по части архивоведения, - писал И.И.Зубарев, - это беспощадное уничтожение дел на основании выработанных правил»⁸.

Массовая гибель ценного документального материала не могла не вызвать обеспокоенность в среде научной общественности. Интересы развивающейся исторической науки и вспомогательных исторических дисциплин должны были иметь опору в упорядоченной архивной сети. Особенно в этом нуждалась археография, переживавшая во второй половине XIX в. свой расцвет.

Таким образом, принятие мер по устранению «архивного нестроения» и реорганизация архивного дела в России определялась как потребностями исторической науки, так и необходимостью решения проблем, стоящих перед архивами и связанными с угрозой потери документального наследия.

По словам Т.И. Хорхординой, в ходе проведения реформ 1860-70-х гг. перед архивами «встала проблема выживания: или раствориться в системе бюрократических учреждений, предназначенных для выдачи справок,... или стать разновидностью библиотек утилитарного назначения и предназначенных для предоставления историкам старинных актов,

рукописей и старопечатных книг». Именно в этот период «уходит с арены эмпирический архив, существовавший между двумя полюсами – чиновничьим произволом и «библиотечным» дилетантизмом историков» и зарождается «наука об архивах»⁹. Необходимость профессионализации архивистов, по мнению Хорхординой, и породила «феномен Калачова».

Выразителем интересов научной интеллигенции, выступившим в защиту архивов, стал историк, архивист, сенатор Николай Васильевич Калачов (1819-1885)¹⁰. На I археологическом съезде в Москве (1869 г.) Калачов, пытаясь привлечь внимание делегатов съезда к положению российских архивов, выступил с докладом о необходимости реформирования архивного дела в России¹¹. Впервые была озвучена мысль о превращении архивов из «складочного места покойников» и «лабиринтов» в «богатые сокровищницы, откуда исследователи черпают сведения, дающие жизнь, и плоть идеям и соображениям, а люди деловые выносят доказательства для своих заявлений или требований в судебных или иных установлениях»¹². Калачов предлагал создать в губерниях центральные исторические архивы, улучшить описание дел, расширить доступ ученых в архивы, прекратить уничтожение документов и т.д.

По проекту Николая Васильевича все архивы должны были делиться на текущие, справочные, при каждом учреждении, и центральные исторические. Последние в свою очередь разделялись на две категории: центральные архивы при министерствах и других высших правительственных учреждений и центральные архивы для каждой губернии. В центральных губернских архивах, по проекту, должны были функционировать особые комиссии из чиновников и местных знатоков старины, которые занимались бы разбором дел в архивах. По замыслу Калачова, документы могли бы уничтожаться только с разрешения Главной архивной комиссии, подчиненной Министерству народного просвещения. В заключение Калачов высказался о том, что до тех пор, пока в архивах будут работать равнодушные к

памятникам старины люди, для которых всякий документ есть «хлам», положение дел не изменится.

Доклад Н.В. Калачова, вопреки его надеждам, не вызвал интереса делегатов съезда и не был обсужден «за недостатком времени». Подобное отношение к речи Калачова было вызвано специфическим характером аудитории, в которой среди полутора сотен человек не было ни одного профессионального архивиста, а повестка дня включала в основном вопросы археологии. В целом же, сама постановка вопроса о необходимости архивной реформы сыграла положительную роль. Доклад Калачова был широко распространен в виде брошюры «Архивы», что дало возможность научной общественности ознакомиться с проблемами архивного дела и предлагаемым Калачовым планом реформирования архивов.

В программу II археологического съезда в Санкт-Петербурге (1871 г.) вновь был внесен вопрос «об устройстве архивов». Члены предварительного комитета по подготовке съезда приняли во внимание тот факт, что вопрос об архивах по своей важности и значению, «какое он представляет для всех правительственных и судебных учреждений, при которых существуют архивы», требует выработки правил для руководства ими¹³. Для детальной разработки этих положений 27 февраля 1873 г. при Министерстве народного просвещения была образована межведомственная особая комиссия. В нее вошли представители от разных ведомств и научных учреждений, в том числе известные ученые и архивисты Г.В. Есипов, А.Ф. Бычков, К.К. Злобин и другие. Возглавил комиссию Н.В. Калачов, который видел назначение особой комиссии в «начертании положения о Главной архивной комиссии, как правительственном учреждении и об ее отношении к архивам разных ведомств»¹⁴. Особая комиссия провела обследование положения архивов в центре и на местах путем анкетирования. Анкеты являлись распространенным способом получения сведений о состоянии архивов. К помощи анкетирования позднее прибегали Московское археологическое общество, Русское историческое общество и другие. Анкетирование показало

неразбериху, царившую в местных архивах. Например, в архиве Нижегородского губернского правления за 1868, 1869 и 1871 гг. было уничтожено 100 000 дел, в архиве Тифлисского губернского правления с 1869 по 1872 гг. уничтожено более 130 000 дел и т.п.¹⁵

Большое количество ответов было получено из Вятской губернии¹⁶. В основном ответы присылали волостные правления, полицейские управления, городские управы. Анкетирование выявило, что огромное количество документов гибло из-за неудовлетворительных условий хранения, пожаров и наводнений. Специальных архивистов при архивах данных учреждений не состояло, а редкие разборы дел и составления описей проводились одним из служащих данного учреждения.

Калачов полагал, что для правильной постановки архивного дела в России необходимо ознакомиться с устройством архивов за границей, а затем на практике применять западные образцы. Летом 1873 г. Калачов совершил поездку по Германии, Голландии, Бельгии, Англии, Франции, Италии, Австрии, где не только осматривал архивы, но и собирал сочинения иностранных авторов, посвященные устройству архивов. Некоторые начальники архивов специально для Н.В. Калачова составили отчеты о положении и устройстве своих архивов, а также высказали ряд суждений по поводу наилучшей организации архивного дела.

В Западной Европе, в отличие от России, в сознание государства и общества прочно вошло представление о том, что знание истории есть потребность каждого гражданина и долг каждого чиновника. В Европе существовало понимание, что «беспорядок в архивах есть внутренняя болезнь государства», а потому там не жалели ни средств, ни времени на развитие архивного дела. Баварский архивист Фон-Легер писал, что «хороший архив должен быть устроен как аптека, где всякая банка имеет свое определенное место, чтобы все легко и безошибочно отыскать»¹⁷.

Во второй половине XIX в. в странах Западной Европы была осуществлена централизация архивов. Формы ее проведения и правовые

основы были различны. Так во Франции, Голландии, Бельгии централизация завершилась созданием сети государственных центральных и местных архивов¹⁸. В странах с федеративным устройством (Германии, Швейцарии) централизация архивов прошла лишь в пределах отдельных земель и отсутствовала в масштабах всей страны. Централизации подверглись лишь правительственные архивы, в то же время реформа не затронула городские, церковные, университетские архивы¹⁹. В Западной Европе существовали четко соблюдавшиеся законодательные нормы и инструкции относительно архивного дела. Кроме того, для занятия должности работника архива требовалось получение образования в специальных учебных заведениях и сдача экзамена на должность.

Знакомство с организацией обучения архивистов за границей (Калачов посетил знаменитую Школу Хартий в Париже и архивные классы в Италии и Германии) привело Николая Васильевича к убеждению в необходимости организации в России специального учебного заведения для подготовки «специалистов по русской старине, для занятия мест в архивах правительственных, общественных и частных» – Археологического института²⁰. Положение с архивными кадрами в России было катастрофическим. Должность архивариуса вплоть до начала XX в. считалась унижительной, в ней видели конец служебной карьеры. Как правило, в архивы назначались работники «нарочно самые старые, едва ли не выжившие из ума и потому неспособные быть в чем-то полезными в учреждении, где они служат»²¹.

Проект Археологического института был представлен на обсуждение в министерство народного просвещения. Министерство поставило два условия для открытия института: 1) он открывался «в виде опыта» и мог быть закрыт в любое время; 2) не должен был рассчитывать на государственные субсидии, так как это «было бы обременительным для государственной казны»²². Условия были приняты Калачовым и 15 января 1878 г. состоялось открытие Археологического института.

Археологический институт стал небольшим частным учебным заведением с довольно широкой программой (в институте преподавалось двенадцать дисциплин, в том числе палеография, хронология, нумизматика). Лекции читали известные ученые А.И. Соболевский, Н.П. Лихачев, И.Е. Андреевский²³. В первые годы работы институт готовил в основном архивистов, а преподаванию археологии отводилось незначительное место. Калачов со своими студентами совершал поездки в разные города для работы в местных архивах, поскольку в Петербургские исторические архивы слушатели не допускались. Археологический институт не мог в полной мере справиться со стоящей перед ним задачей подготовки работников для архивов. Это происходило в силу ряда причин: как частное учебное заведение институт не имел достаточного материального обеспечения, выпускники института не получили права поступления на государственную службу.

Археологический институт в полном смысле слова не являлся высшим учебным заведением. Он давал дополнительное образование лицам, желающим пополнить свои знания сведениями по архивоведению, палеографии, вспомогательным историческим дисциплинам. В данном отношении институт играл важную роль. Один из преподавателей института историк Н.П. Лихачев писал: «Не беда, если не все слушатели института станут учеными специалистами. Простое ознакомление с курсами...даст возможность каждому из них оказать при случае большие услуги Родине. Куда бы не закинула судьба бывшего слушателя института, он везде окажется на страже науки...не забудет отметить местонахождение первобытных древностей, разберется в разных культурах...встретятся рукописи – славянские и русские, ознакомленный с палеографией слушатель разберется в их древности и важности, встретится архив – и тут припомнит, как надо общаться с документами, описывать их, распределять по известной системе»²⁴.

Кроме открытия Археологического института в Петербурге, Особой комиссии удалось добиться временной приостановки уничтожения архивных документов. Члены комиссии признавали, что «нельзя точно установить ни отрицательных, ни положительных правил об устройстве архивов и крайне опасно предоставлять отдельным лицам и даже начальникам архивов право уничтожать по их усмотрению документы, лишь комиссии из специалистов могут быть уполномочены решать судьбу архивных собраний»²⁵. Члены Особой комиссии считали целесообразным образовывать при каждом ведомстве и учреждении предварительные комиссии, которые разбирали бы документы с целью определения, какие из них подлежат уничтожению, а центральная комиссия в Петербурге должна была окончательно решать этот вопрос²⁶. На первом своем заседании члены комиссии постановили «просить начальников архивов довести до сведения министров просьбу комиссии о приостановлении...уничтожения бумаг, хранящихся в подведомственных им архивах»²⁷. Крайним сроком приостановки уничтожения дел комиссия считала учреждение Главной архивной комиссии и утверждение верховной властью принципов отбора материала к уничтожению. Со смертью Калачова, Особая комиссия прекратила свое существование, а уничтожение бумаг возобновилось с новой силой.

В целом проект архивной реформы, предлагавшийся Н.В. Калачовым, практически полностью повторял выработанный еще в 1820 г. проект члена Совета Комиссии составления законов барона Г.А. Розенкампа. Розенкамп писал, что «порядочное устройство государственных архивов – есть предмет не только не маловажный, но и ...один из полезнейших и необходимых, на который правительство должно обратить свое внимание. Истина сия признана всеми просвещенными европейскими державами»²⁸. Главной мерой по упорядочению всего архивного дела Розенкамп считал создание особого органа – Главного управления архивов, с функцией руководства всей архивной сетью. Спустя полвека Калачов прошел весь путь намеченный Розенкампом: начиная с доклада «Архивы» на I археологическом съезде и

заканчивая созданием комиссии по устройству архивов и Археологического института.

Почему же Калачову удалось сделать то, что не смог барон Розенкампф в 1820-х гг.? Во-первых, в обществе и государстве изменилось отношение к архивам, что было обусловлено радикальной сменой общественно-политической обстановки в пореформенной России. Кроме того, возникновение «славной эпохи Калачова» было связано с подъемом русской исторической науки с середины XIX в, который проявился в количественном росте исследований, в том числе основанных на архивных документах, но главным образом в повышении их качественного уровня, осознании задачи широкого изучения документальных источников как условия научного прогресса.

Главным результатом деятельности Н.В. Калачова стало создание губернский ученых архивных комиссий (ГУАК). Дореволюционные авторы называли эти комиссии «любимым детищем Калачова». Потеряв надежду на проведение архивной реформы под контролем правительства, Калачов предлагал в качестве временной, но безотлагательной меры создание исторических обществ на местах. Впервые идею их создания Николай Васильевич выдвинул на III археологическом съезде в Киеве (1874 г.). По его замыслу новые исторические общества должны были создаваться при областных центральных архивах «для разработки архивного материала». Главной причиной создания ГУАК было бесконтрольное уничтожение старых дел в архивах губернских и уездных учреждений. Так, Калачов говорил, что «ученые комиссии нужны для того, чтобы положить по возможности предел вандализму чиновников, призванных к архивному делу... столбцы и книги предназначаются к уничтожению чиновниками, не умеющими читать старинные рукописи, однако, крайне заинтересованными в скорейшем получении вознаграждения за свои «неусыпные труды»²⁹. Обязанности обществ Калачов видел в спасении от гибели документов, ненужных местным учреждениям и в создании исторических архивов. Кроме

того, на новые общества возлагалась и задача по «подготовке и сообщению прочного научного направления молодым людям, приготавливающим себя к историко-археографической деятельности»³⁰. Таким образом, местные исторические общества должны были стать школой для местных кадров историков и архивистов. В своем выступлении Калачов указал на наличие предпосылок для открытия местных исторических обществ: развитие краеведения, рост интереса интеллигенции к истории своей области, края. Таким образом, кадры для работы в местных исторических обществах были.

На IV археологическом съезде в Казани (1877 г.) Калачов выступил с докладом о необходимости создания местных исторических обществ, в котором указал на тенденцию роста интереса к изучению истории отдельных регионов и предложил расширить задачи обществ за счет включения в сферу их деятельности вопросов изучения народного быта, обычаев и традиций. Кроме того, данные общества должны были сыграть ведущую роль в распространении знаний и воспитании патриотизма у местного населения. Калачов подчеркивал, что «изыскатели старины, работая на той же почве, которую возделывает земледелец, объясняя тот же памятник, мимо которого столько раз проезжал и пахарь, и всякий другой местный житель, выслушивая их легенды, былины и песни, этим самым, с одной стороны, развивают в народе дремлющие нравственные его силы и сочувствие к минувшему быту, а с другой стороны, возбуждают и укрепляют в нем любовь, которая хотя и без того есть в каждом к своему родному прошлому, но любовь эта делается через то и сознательнее и сильнее»³¹. Подобный воспитательный процесс Калачов считал чрезвычайно медленным, но и чрезвычайно важным делом, благодаря которому можно «освободить наш народ от тех увлечений нетрезвой жизнью, которым он предается по незнанию лучшего отдохновения от своих тяжелых ежедневных работ». В основу деятельности ГУАК Калачов поставил тезис о необходимости «возвышения в среде народа как образования вообще, так и любви к своей

Родине, в особенности к своей местности» через наглядное изучение истории края³².

При обсуждении доклада высказывались мнения о расширении круга деятельности новых обществ. Например, председатель Московского археологического общества граф А.С. Уваров предлагал ввести в сферу деятельности местных обществ изучение не только архивного материала, но и вещественных памятников старины. Таким образом, прозвучала и получила признание идея, которая спустя десятилетие, претерпев значительные изменения, была реализована в ГУАК.

К непосредственной реализации плана открытия местных научно-исторических обществ Н.В. Калачов приступил в 1882 г. Получив одобрение министра внутренних дел Д.А. Толстого, Калачов направил в адрес историко-филологического отделения Академии наук записку, которая была зачитана на заседании 25 октября 1883 г. В ней Калачев указывал, что «уничтожение деловых бумаг прежнего времени делается в огромных размерах, а выборка из них и определение к хранению документов с научной целью – нигде достаточно не обеспечена»³³. Далее Калачов привел ряд аргументов в пользу необходимости скорейшего открытия ученых архивных комиссий: ГУАК должны были заниматься разбором дел, предназначенных к уничтожению, и тем самым сохранять важнейшие из них; помогать Академии наук в издании государственных актов периода укрепления русского централизованного государства и т.д.

Академия Наук одобрила проект Калачова по созданию ГУАК и исторических архивов. На основе его доклада был разработан и внесен на рассмотрение министерства внутренних дел «Проект об учреждении губернских ученых архивных комиссии и исторических архивов». 17 марта 1884 г. проект был внесен на рассмотрение Кабинета министров. В представлении министерства внутренних дел Кабинету министров говорилось, что «Императорская Академия Наук озабочена сохранением многих дел и документов, находящихся в губернских и областных архивах

разных ведомств, а также различных вещественных памятников более или менее отдаленной старины, которые могут иметь значение для разработки отечественной истории и в особенности истории русского права, признала наиболее полезным для этой цели учреждение архивных комиссии и губернских исторических архивов»³⁴.

3 апреля 1884 г. на заседании Комитета Министров инициатива Калачова была признана заслуживающей «полного сочувствия и поощрения правительства». 13 апреля 1884 г. «Положение о губернских ученых архивных комиссиях и губернских исторических архивах» было утверждено императором³⁵.

Калачову удалось добиться положительного решения вопроса об учреждении ГУАК во многом благодаря своему личному влиянию и авторитету, а также благодаря расплывчатому характеру документа. Убедившись, что широкие планы архивной реформы не встречают сочувствия со стороны правительства, Калачов умышленно не конкретизировал свои замыслы. Важными обстоятельствами в принятии «Положения» об открытии ГУАК стали следующие моменты: 1) проект не предусматривал государственных субсидий на нужды комиссий, 2) в сферу деятельности ГУАК попадали только документы, подлежащие к уничтожению, 3) открытие комиссий зависело от разрешения министра внутренних дел.

Статус новых учреждений был своеобразным. «Положение», на основании которого действовали ГУАК, состояло из восьми пунктов, четыре из которых ориентировали комиссии на архивную деятельность. Первый пункт гласил, что ГУАК создаются для «сосредоточения и вечного хранения архивных дел и документов, не требующихся для текущего делопроизводства, но более или менее важных в историческом отношении»³⁶. Задачами комиссий являлось собирание и приведение в порядок данных архивных дел. В пятом пункте обязанности ГУАК раскрывались более подробно: «а) разбор дел и документов, предназначенный в губернских и

уездных архивах разных ведомств к уничтожению, для выделения из их числа тех столбцов и бумаг, которые по представляемому ими интересу подлежат передаче для хранения в исторический архив; б) составление к таковым документам и делам надлежащих описей и указателей; в) расположение их в таком порядке, чтобы они были доступны для научных занятий»³⁷.

Деятельность ГУАК не ограничивалась одной лишь архивной работой. Слово «ученые» в названии комиссий подчеркивало возможность, согласно пункту семь, включать в круг своих занятий «разыскание, описание и объяснение всяких других предметов старины». Именно на этот пункт возлагал Н.В. Калачов большие надежды. По его замыслу, ГУАК должны были стать не столько архивными, сколько общеисторическими обществами просветительного характера. «Нет сомнений, - писал он, - что как скоро откроются местные архивы и музеи, то и обогащению их как документами, так и вещественными памятниками окажут свое содействие местные жители и что они не откажут и в материальном пособии этим учреждениям, как скоро убедятся в той пользе, какую они приносят губернии развитием в ней любви к отечеству и его древностям»³⁸.

В «Положении» говорилось, что архивные комиссии создаются по взаимному соглашению директора Археологического института и губернатора «как из служащих, так и не состоящих на службе в губернии лиц, могущих быть полезными комиссии своими познаниями и усердием к делу»³⁹. Губернатор являлся неременным попечителем ГУАК.

Расходы на деятельность комиссий должны были выделяться из средств Археологического института, а также был расчет на пожертвования «в пользу науки». В финансировании архивных комиссий должны были принимать участие губернские и уездные земские организации. Частые финансовые затруднения привели позднее к тому, что члены ряда ГУАК приняли в начале XX в. решение о ежегодной уплате членских взносов.

В «Положении» не оговаривался ряд важнейших вопросов, таких как организационная структура комиссий, их правовой статус, границы компетенции. С одной стороны, отсутствие четких рамок деятельности ГУАК давало им широкие возможности в определении направлений своей работы. Комиссии могли заниматься не только архивной деятельностью, но и издательской, научной, учреждали музеи, собирали библиотеки, вели археологические раскопки на территории своих областей, организовывали празднования крупных национальных юбилеев и местных знаменательных дат. С другой стороны, неопределенность правового статуса комиссий и отсутствие государственных субсидий тормозили развитие деятельности ГУАК. Например, отсутствие четко определенного правового статуса комиссий, а соответственно и порядка их взаимоотношений с правительственными учреждениями, тормозило деятельность ГУАК по разбору архивов.

Неопределенность положения выражалась и в двойственном подчинении ГУАК. С одной стороны они находились в ведении МВД, с разрешения которого создавались, с другой – ГУАК должны были отчитываться перед Археологическим институтом и Академией наук, находившимися в ведении министерства народного просвещения. Это приводило к тому, что ряд комиссий, например Тверская, причисляли себя относящимися по ведомству министерства народного просвещения, в то время как официально состояли при МВД. Некоторые ГУАК считали себя правительственными учреждениями, а правительство полагало их «частными». В то же время как официальные учреждения ГУАК должны были требовать от ведомственных архивов присылки описей для просмотра. Все это порождало у членов комиссий сомнения относительно их статуса.

Практическая работа по созданию ГУАК началась весной 1884 г. 6 мая 1884 г. циркуляр МВД об учреждении ГУАК был разослан всем губернаторам Российской империи. В нем сообщалось об учреждении «в виде опыта» в Тверской, Рязанской, Тамбовской и Орловской губерниях

ученых архивных комиссий и исторических архивов при них. Выбор этих губерний был сделан Калачовым исходя из того, что здесь существовали необходимые условия для открытия комиссий, а именно наличие помещений для комиссий и их исторических архивов и средств на деятельность ГУАК.

Уже к концу 1884 г. с ходатайством об открытии ГУАК в МИД обратились начальники Бессарабской, Нижегородской, Тверской губерний и Одесский градоначальник. Всего с 1884 по 1917 гг. было открыто тридцать девять архивных комиссий⁴⁰. В 1880-х гг. из десяти губерний, обратившихся с ходатайством об учреждении ГУАК, разрешение на открытие комиссий получило только пять. Главным препятствием здесь было отсутствие необходимых материальных средств. Губернаторы обращались в Археологический институт, но и там денег не было.

Археологический институт, согласно проекту, должен был руководить деятельностью всех комиссий. Сначала эта задача выполнялась в полной мере. Н.В. Калачов, как директор Археологического института, присутствовал на открытии всех ГУАК, учрежденных при его жизни: Умер Николай Васильевич в октябре 1885 г. по пути из Москвы в Саратов, куда направлялся на открытие очередной комиссии. Археологический институт осуществлял научный контроль за деятельностью ГУАК, направлял общий отчет о деятельности комиссий в Академию наук.

В целом, условия появления на свет ГУАК не были благоприятными. Это было время политической реакции, когда власти с недоверием смотрели на любые общественные начинания. Хотя, предполагаемый состав ГУАК «из образованных помещиков и чиновников» не должен был внушать правительству опасений, деятельность комиссий была поставлена под строгий контроль губернаторов. Закон не обеспечивал их ни помещениями, ни средствами, ни определенными правами. Архивным комиссиям оставалось надеяться на бескорыстный труд членов комиссий и на местные пожертвования.

Непосредственным поводом для начала борьбы архивных комиссий за изменение их правового статуса стал выход в свет в 1902 г. книги профессора Д.Я. Самоквасова «Архивное дело в России». В первом томе книги деятельность ГУАК была подвергнута самой жесточайшей критике⁴¹. Автор не только обвинял членов ГУАК в уничтожении документального материала, в разрушении исторически сложившихся архивных фондов, но даже поставил им в вину материальную бедность.

Выдвинутые Самоквасовым обвинения требовали от членов ГУАК незамедлительной реакции. Так, в период проведения XII археологического съезда в Харькове (1902 г.) было созвано специальное заседание под председательством директора Археологического института Н.В. Покровского для обсуждения вопросов, связанных с критикой ГУАК. В нем приняли участие представители двадцати двух ГУАК и Археологического института. Участники заседания приняли решение, согласно которому ГУАК должны были разработать опровержения на книгу Самоквасова. Соответствующие отзывы были подготовлены Тамбовской, Оренбургской, Рязанской ГУАК, а также отдельными сотрудниками ГУАК и Археологического института.

Обсуждение обвинений Самоквасова было продолжено на Тверском областном археологическом съезде (август 1903 г.). Так, Л.М. Савелов рассматривая обвинения об уничтожении архивного материала, говорил, что комиссии просматривают дела, предназначенные уже учреждениями к уничтожению, а из них выбирают те, которые представляют интерес в научном отношении. Таким образом, Савелов делал вывод о том, что комиссии не уничтожают архивные документы, а спасают их⁴². Причину критики в адрес ГУАК Савелов видел в пристрастности Самоквасова и поверхностном знакомстве с их деятельностью. По поводу обвинения комиссий в бедности Савелов говорил: «Разве это порок? Казалось бы наоборот – это лишь повод к снисхождению. Люди ютятся из милости в самых скверных комнатах какого-нибудь губернского правления, роются в полусгнивших кучах бумаги, извлекают на свет Божий уцелевшие лоскутки и

без гроша денег делают их достоянием науки и вместо спасибо слышат обвинения в истреблении «исторически слагавшихся» архивных фондов»⁴³.

В защиту ГУАК выступил известный археограф, член ряда архивных комиссий В.Н. Сторожев. Он отметил, что архивные комиссии требуют к себе самого бережного отношения, так как представляют собой «зародыш исторических обществ, объединяющих передовую провинциальную общественность». Причину «крестового похода» Самоквасова на ГУАК Сторожев усмотрел в том, что «всякое проявление общественной деятельности, выражающееся в коллективной работе ученого общества, г. Самоквасову ненавистно»⁴⁴.

Хотя делегаты съезда признали критику Самоквасова «оскорбительной, резкой и несправедливой», все же они пришли к единогласному выводу о невозможности дальнейшей плодотворной деятельности архивных комиссий на основании «Положения» 1884 г. и необходимости выработки нового проекта положений. Главным вопросом Владимирского съезда (20-30 августа 1906 г.) стало рассмотрение вопросов, связанных с деятельностью ГУАК. Доклад о преобразовании ГУАК был сделан председателем Симбирской комиссии В.Н. Поливановым. В основе его проекта лежали правила, выработанные еще на Тверском съезде (1903 г.), которые были дополнены отзывами архивных комиссий по поводу реформирования ГУАК⁴⁵. Доклад вызвал продолжительные и горячие прения. Однако они не привели к разрешению двух важных вопросов: о правах архивных комиссий и о средствах на их содержание. Собрание приняло решение просить директора Археологического института Н.В. Покровского созвать специальный съезд из представителей ГУАК для обсуждения проекта реформы⁴⁶.

В целях подготовки к съезду представителей ГУАК 30 марта 1908 г. в Археологическом институте состоялось собрание проживающих в Санкт-Петербурге членов архивных комиссий. Собрание пришло к заключению о необходимости ходатайства перед правительством о назначении субсидий комиссиям и составления нового проекта положения ГУАК. Для выполнения

данных постановлений была образована особая комиссия в составе Н.В. Покровского, С.Ф. Платонова, Н.В. Султанова, И.Я. Гурлянда, Н.В. Виноградова и членов Государственного Совета – Б.В. Штюмерера и В.Н. Поливанова⁴⁷.

17-18 апреля 1908 г. в Императорском археологическом институте состоялся съезд представителей ГУАК. В нем приняли участие делегаты от двадцати трех архивных комиссий, члены Императорской Археологической комиссии, члены Государственного Совета и другие лица, заинтересованные судьбой ГУАК. Главным вопросом съезда стало обсуждение «Проекта положений об архивно-археологических комиссиях»⁴⁸. Уже в самом названии Положений говорилось о расширении функций ГУАК.

Новый проект детально регламентировал деятельность комиссий. В отличие от «Положения» 1884 г., новый проект предусматривал расширение сферы деятельности ГУАК за счет просмотра предназначенных к уничтожению дел не только правительственных учреждений, но также сословных и общественных. Закреплялись за комиссиями задачи образования местных историко-археологических музеев и библиотек. ГУАК могли проводить экскурсии для осмотра и изучения памятников местной старины; устраивать выставки, лекции, курсы; заниматься издательской деятельностью. Фактически, данный проект зафиксировал те сферы деятельности комиссий, которыми они уже давно занимались. Правительственным учреждениям, сословным и общественным организациям предоставлялось право иметь в ГУАК по одному представителю. В то же время делегаты съезда отвергли предложение о непременном утверждении губернаторами кандидатур в члены комиссий, что поставило бы ГУАК под полный контроль местной администрации⁴⁹.

Для обсуждения вопросов относительно открытия новых комиссий, распределения между ними субсидий, рассмотрения отчетов, а также для объединения деятельности ученых архивно-археологических комиссий

предусматривалось учреждение при МВД особого Совещания по вопросам деятельности ГУАК, под председательством министра внутренних дел⁵⁰.

Таким образом, делегаты съезда через данный проект пытались юридически оформить уже сложившееся положение ГУАК как местных исторических обществ. Однако проект, как и все постановления, принимаемые археологическими съездами, как общероссийскими, так и областными, носил скорее рекомендательный характер и не имел юридической силы, а потому не гарантировал улучшения положения ГУАК. Для вступления нового положения в силу требовалось его принятие на государственном уровне.

Проект был одобрен Особым Совещанием при МВД, но не был внесен на обсуждение в Государственную думу. Дума рассмотрела лишь вопрос о предоставлении комиссиям правительственных субсидий. По данному вопросу министр внутренних дел П.А. Столыпин прислал в Думу свое заключение, в котором говорилось, что «архивные комиссии не получают до сих пор никакой субсидии от правительства, являются по роду своей деятельности чрезвычайно полезными учреждениями и при том пока единственными пособниками правительства в деле изучения и охранения разного рода памятников старины, то есть в деле имеющем общегосударственное значение»⁵¹. В результате Государственная дума приняла решение об отпуске комиссиям субсидий в размере 5 200 руб. ежегодно, начиная с 1 января 1909 г., т.е. по 200 руб. на каждую комиссию.

В 1911 г. за реорганизацию архивного дела в России взялось Русское историческое общество (РИО). Проведя анкетирование архивов на местах, РИО приняло решение о созыве съезда представителей ГУАК с целью выработки мер по улучшению постановки архивного дела в провинции.

Первый съезд представителей ГУАК проходил в Петербурге с 6 по 8 мая 1914 г. В его работе приняли участие представители двадцати восьми ГУАК и трех исторических обществ. В первый день работы съезда перед его участниками выступил великий князь Николай Михайлович и зачитал

поздравительную телеграмму от императора Николая II. Во вступительном слове великий князь сообщил, что Николай II проявляет большой личный интерес к работе съезда. Тем самым статус съезда был поднят на высший уровень.

На съезде вновь был поднят вопрос о неопределенности правового положения ГУАК. Профессор С.М. Середонин указал на тот факт, что архивные комиссии «до сих пор не имеют единого устройства и строго определенных прав и полномочий», что препятствует развитию их деятельности. Председатель Курской ГУАК Н.И. Златоверхников поддержал Середонина, подчеркнув, что на тех основаниях, которых действуют комиссии, они не могут выполнять «с полной определенностью и добросовестностью» функций по надзору за архивами и за сохранностью письменных памятников старины⁵². Председатель Тамбовской ГУАК А.Н. Норцов предложил следующие меры по упрочению правового статуса комиссий: назначение правительственной субсидии всем ГУАК, с тем, чтобы их деятельность не зависела от «доброй воли и расположения духа провинциальных общественных жертвователей»; предоставление нуждающимся ГУАК собственных помещений; четкое определение сфер деятельности ГУАК⁵³.

Принятые съездом резолюции свелись в основном к пожеланиям. По вопросу о полномочиях ГУАК, съезд признал действующий закон недостаточно ясно определяющим права комиссий. Было решено расширить права комиссий за счет права осматривать и изучать архивы всех ведомств, включая земские, городские, духовные, судебные, сословные. По вопросу уничтожения дел необходимым было признано составить новые инструкции, а также просить центральные органы правительства рекомендовать местной администрации не уничтожать дела до просмотра их описей членами ГУАК. Съезд поручил ГУАК выработать правила по перевозке и хранению старых дел. По вопросу о материальном обеспечении съезд признал, что нынешнее

материальное положение ГУАК неудовлетворительно. Для нормальной работы необходимо выделять на нужды ГУАК не менее 3 000 руб. ежегодно.

Главным результатом работы съезда стал рост числа ГУАК. В 1914-16 гг. было открыто 8 новых комиссий. Однако Первая мировая война помешала осуществлению планов разработанных на съезде, главным из которых было материальное обеспечение комиссий. Деятельность многих ГУАК была приостановлена, а в западных губерниях, оказавшихся в зоне военных действий, прекращена. Вопрос правового статуса комиссий оставался неразрешенным вплоть до конца их существования.

Главным значением съезда было то, что он являлся своеобразным переходным этапом, на который архивное дело в России вышло накануне революций. Верховная власть обратилась к проблемам архивов, признав их делом государственной важности. 29 июня 1914 г. ГУАК были приняты под покровительство императора⁵⁴. Кроме того, впервые на таком высоком уровне произошла консолидация ученых-историков и архивных деятелей. Идея объединения представителей ГУАК и других научно-исторических обществ в рамках РИО являлась выдающимся достижением русской архивоведческой мысли дореволюционной России. В России в 1914 г. впервые высшие органы власти и общество в лице ГУАК начали взаимодействовать в поисках наилучшего варианта сотрудничества. Правда, пока еще формально.

По словам французского историка, содиректора журнала «Анналы» Марка Ферро, созывом данного съезда было достигнуто «поколебление на теоретическом уровне, хотя и не разрушено на практике, представление о строгой иерархии архивов, в соответствии с которыми все документы, как и общество, поделены на категории, среди которых без труда можно угадать привилегированных, деклассированных, разночинцев и люмпенов»⁵⁵.

Идея Калачова о создании в провинции исторических обществ в целом была прогрессивной, так как отражала потребности исторической науки, нуждавшейся в источниках местного происхождения. Фактически ГУАК

являлись полуофициальными добровольными обществами, на которые правительство переложило сложные задачи по упорядочению архивного дела и созданию исторических архивов на местах. Вместе с тем, прочных положительных результатов в данной деятельности могли добиться лишь специальные государственные учреждения, обладающие рядом полномочий.

Учреждение ГУАК можно рассматривать лишь как частичную реализацию архивной реформы Н.В. Калачова. Сам Калачов называл создание ГУАК «полумерой», которая была вызвана отказом правительства от реализации проекта реорганизации архивного дела в русле централизации архивов. Собственно проект централизации архивного дела не дошел до рассмотрения Государственной думой, так как был отложен еще на уровне министерства финансов, нашедшего проект несвоевременным по состоянию государственного казначейства.

Представители советской историографии (например, Н.В. Бржостовская) видели причину неудачи архивной реформы в том, что правительство стремилось создавать одну лишь видимость мероприятий по упорядочению архивного дела, в реальности же старалось не допустить проведение реформ в русле централизации, желая сохранить архивы в руках дворянской бюрократии⁵⁶. Ряд авторов указывал на общую направленность политики самодержавия по сдерживанию буржуазных элементов во всех отраслях управления и нежелание лишать чиновничий аппарат монопольного права обладания архивами. Наиболее верной представляется точка зрения В.Н. Самошенко о том, что реформаторская деятельность Калачова пришлась на годы, когда период либеральных реформ уже завершился, и в новых условиях Николаю Васильевичу удалось гораздо меньше, чем он планировал⁵⁷.

Анализируя причины неудач в области архивного строительства необходимо принимать во внимание и субъективный фактор. Так доктор исторических наук Г.З. Иоффе отмечал важную особенность личности Николая II, решающим образом повлиявшую на судьбу России: «Николай II

хотел сочетать в себе черты Александра II и Александра III. Он был реформатором и контрреформатором в одном лице, а значит ни тем, ни другим. Последний царский режим пребывал как бы в состоянии качающегося маятника...В таких условиях, которые сложились в России после первой мировой войны нужен был, вероятно, царь с пионерским духом Петра I. Николай II в лучшем случае мог лишь маневрировать»⁵⁸.

Архивные комиссии являлись уникальными, не имевшими аналогов в международной практике, общественными организациями. Главной их задачей ставилось выполнение программы по архивному строительству на местах. В то время как в странах Западной Европы к началу XX в. завершился процесс централизации архивного дела под руководством государства, единственное, что было сделано в России по данному вопросу – это создание полуофициальных-полуобщественных местных исторических обществ (ГУАК). Если в качестве научно-просветительских организаций ГУАК обладали достаточными возможностями для проведения исследовательской работы, создания музеев и библиотек, издательской деятельности, то в качестве обществ по спасению архивного наследия комиссии не могли осуществлять возложенные на них задачи в силу того, что пределы их компетенции были крайне узки. Комиссиям необходимы были такие права, которые заставляли бы представителей администрации считаться с ГУАК, но как раз таких прав у комиссий и не было.

1.2. Научно-исторические общества на рубеже XIX-XX вв. Проблемы учреждения и основные направления деятельности Вятской ученой архивной комиссии.

Рубеж XIX/XX вв. был временем наивысшего расцвета дореволюционных научных обществ. Вся система существовавших тогда научных дисциплин была охвачена научными обществами: гуманитарными, естественнонаучными, географическими, медицинскими. Д.И. Менделеев писал в 1882 г: «Если мы теперь обратим внимание на то, что научные исследования в России, совершаемые русскими у себя дома, начали положительно интересовать ученых всего света, то этому чрезвычайно много содействовало развитие и учреждение у нас ученых обществ»⁵⁹.

Среди гуманитарных обществ самую значительную часть составляли научно–исторические общества. Их в России с 1759 по 1917 гг. действовало семьдесят одно, из них тридцать пять было открыто в пореформенную эпоху (с 1863 по 1904 гг.), а с 1905 по 1915 гг. было основано еще двадцать шесть обществ⁶⁰.

Из всего многообразия научных обществ можно выделить несколько обществ–гигантов, определяющих направления и характер научных исследований. Одним из них являлось Московское археологическое общество (МАО).

МАО было основано в 1864 г. по инициативе группы историков и филологов. Долгие годы МАО определяло политику в стране в области истории, археологии и археографии. Одной из задач Общества ставилась пропаганда ценности памятников национальной культуры. МАО выделило комиссию по охране памятников древности, которая по мере своих возможностей следила за памятниками старинной архитектуры; вмешивалась в случае ломки, переделки и реставрации древних церквей, давая консультации, инструкции. Членами обществами были С.М. Соловьев,

М.П. Погодин, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров и другие крупные историки.

На заседании Общества 12 октября 1865 г. председатель МАО А.С. Уваров поставил вопрос о необходимости созыва Археологических съездов в России⁶¹. По его словам созыв съездов должен был стать мерой «самой действенной и коренной для уничтожения равнодушия к русским древностям, для возбуждения общего живого участия к русской археологии». Уваров ссылаясь на положительный опыт в этом отношении Франции, Германии, Англии. В то же время созыв археологических съездов в России, по его мнению, «принес бы больше пользы, чем в других странах, где ученые-специалисты чаще и удобнее могут сноситься между собой. У нас такие съезды, общением всех ученых сил, развили бы и саму археологию и общественную любовь к ней»⁶².

Задачами археологических съездов ставилось решение вопросов «обнимающих все отрасли отечественной археологии и, стало быть, общих для всей науки древности»⁶³. На съездах предполагалось производить взаимное обсуждение мер по сохранению памятников старины, установление общих приемов обращения с ними, составление археологических карт России.

МАО разослало письма всем научно-историческим обществам и предложило обсудить вопросы о необходимости созыва съездов археологов, о тех вопросах, которые могут быть рассмотрены на данных съездах. В числе прочих письмо было получено и Вятским губернским статистическим комитетом. На заседании 23 мая 1866 г. члены вятского статкомитета обсудили вопросы, касающиеся съезда и пришли к заключению, что «предложение Археологического общества о съезде археологов должно принести несомненную пользу для русской науки древностей, ибо этим только путем могут быть выработаны и всесторонне обсуждены методы и приемы в исследовании памятников, составлена подробная и ясная инструкция археологических разысканий»⁶⁴. Однако, в силу того, что

археологические исследования не принадлежали к числу главных служебных обязанностей статкомитетов, а также в виду ограниченности денежных средств, предложение МАО принять участие в съезде Вятским статкомитетом было отклонено.

Археологические съезды начали созываться раз в три года, начиная с 1869 г. Они проходили в Москве, Петербурге, Киеве, Казани, Тифлисе, Одессе, Ярославле, Вильно, Риге, Харькове, Екатеринославле, Чернигове и Новгороде. Съезды широко популяризовали необходимость собирания памятников старины, научной постановки археологических раскопок, способствовали развитию краеведения. Проведение съездов способствовало активизации научной жизни того края, в котором проводился съезд; возникновению новых научных обществ.

Для активизации деятельности местных обществ МАО организовывало свои филиалы в разных губерниях, привлекало к своим исследованиям местных специалистов. Так, к работе МАО в 1880-90-х гг. были привлечены члены вятского статкомитета Н.А. Спасский, А.А. Спицын, Н.Г. Первухин. Создание на периферии кадров, заинтересованных в изучении края, приводило к открытию местных научных центров, привлекало к исследованиям все более широкий круг лиц. МАО организовывало помощь местным обществам в формировании их музеев, библиотек и древлехранилищ. Например, при Публичной библиотеке в г. Вятке МАО образовало значительный отдел книг археологического содержания⁶⁵.

Первым специальным археографическим обществом в России стало Русское историческое общество (РИО). Оно было организовано в 1866 г. по инициативе нескольких правительственных чиновников, с целью «издания материала, касающегося отечественной истории, преимущественно после петровского времени»⁶⁶. Группа учредителей РИО состояла из 12 человек, из них всего два историка – К.Н. Бестужев-Рюмин и М.И. Богданович, и один специалист по славянской литературе – А.И. Бычков. Остальные девять членов учредителей являлись чиновниками. Благодаря такому составу РИО

вскоре приобрело официальный характер и привилегированное положение среди других научных обществ. Члены РИО имели большой доступ в архивы, правительство оказывало обществу значительную финансовую поддержку. Однако общество носило замкнутый аристократический характер и состояло из приближенных к царскому дому лиц. Главной целью общества ставилось направление исторической науки по желательному для самодержавия руслу. Программа общества определялась как активное противодействие демократической историографии с ее критикой «неприглядной картины слабостей и недостатков»⁶⁷.

В начале XX в. было основано несколько военно-исторических обществ: Русское военно-историческое общество, Общество потомков участников Отечественной войны 1812 г., Бородинское общество и другие. Они внесли заметный вклад в развитие русской военной историографии. Немаловажное место в их деятельности занимало и издание популярных брошюр в монархическом духе.

Таким образом, научно–исторические общества занимали центральное место в научной жизни страны. Во многом это объяснялось недостатками развития научных центров. Даже Академия наук располагала ограниченными штатами и средствами. Основные научные кадры были сосредоточены в ВУЗах, но уставы ВУЗов не включали научно-исследовательских функций, которые являлись частным делом профессуры. Научно–исторические общества стали главными организаторами и координаторами собственной научной деятельности.

Несмотря на то, что научные общества были широко распространены в России в послереформенный период, первая попытка создать свод законодательных норм, касающихся общественных организаций, была сделана лишь в конце XIX в. В 1899 г. был опубликован проект Гражданского Уложения, в пятую книгу которого «Обязательства» вошла глава «Ученые, благотворительные и иные общепользные общества».

Статья 924 впервые дала определение общества – «Обществом признается разрешенный властью союз лиц, в числе не менее семи, которые, не имея целью получение прибыли, избрали предметом своей деятельности благотворительность, развлечение, развитие науки, искусств... и другие общепользные цели». Статья 925 предусматривала составление каждым обществом устава, который фиксировал название общества, цели, местонахождение, порядок вступления членов, состав правления (советов), время и порядок созыва собраний общества. Уставы обществ утверждались губернаторами⁶⁸.

Если до 60-х гг. XIX в. русская историческая наука уделяла мало внимания краевым особенностям, то во второй половине века начался активный рост научно-исторических центров в провинции. Это было связано с кардинальными изменениями общественно-политической ситуации в стране, начавшимися после Крымской войны. Великие реформы 1860-70-х гг. дали мощный толчок общественному движению в стране и росту провинциальной интеллигенции. Реформы раскрепостили в той или иной мере все социальные слои общества, замороженные эпохой Николая II.

С 1860-х гг. историки начинают осознавать важное значение для русской истории самостоятельного развития отдельных областей. К.Н. Бестужев-Рюмин в статье «Современное состояние русской истории как науки» писал, что в новую историческую эпоху «первым требованием к историку является необходимость проникнуться духом того народа, историю которого пишет, показать существенные элементы народного характера, восстановить живой образ народа»⁶⁹.

Концепция областной (местной) истории, сформулированная А.П. Щаповым и Н.И. Костомаровым, имела принципиальное значение для деятельности провинциальных историков, поскольку обосновала их право на разработку истории своего края. «Не центр, а провинция должна стать полем настоящей, полезной деятельности», - говорил Н.И. Костомаров⁷⁰.

Вместе с тем произошло широкое обращение историков-любителей на местах к изучению истории «народной жизни» (в связи с серьезным влиянием идей народничества на провинциальную интеллигенцию) привело к формированию большого интереса к триаде - история, археология и этнография. Идея децентрализации исторической науки, стремление строить русскую историю не из Москвы и Петербурга, а снизу – явились своеобразным стержнем теории «областничества».

Основным содержанием русской истории А.П. Щапов считал «саморазвитие» областей, их самореализацию путем консолидации. Отсюда он выводил необходимость изучения жизни народа. В концепции Щапова преобладали идеи «народности»: «Главный фактор в истории есть сам народ, дух народности, творящий историю...сущность и содержание истории есть жизнь народная, история постоянного территориального устройства, разнообразных этнографических организаций, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации»⁷¹. Согласно его точке зрения, общество начиналось с «малых кругов, внутренне самобытных и в себе законченных миров сельских». Щапов связывал сельский и городской мир в единый областной земский мир, который в свою очередь посредством федеративной связи распространяется во всенародный русский земский мир»⁷².

Установка Щапова на конкретно-историческое и этнографическое изучение прошлого и настоящего отдельного села, волости, уезда, области была принята многими провинциальными историками и стала своеобразной теоретической основой научно-исторической деятельности провинциальных исследователей. Обращение местных историков к темам народной жизни обогатила тематику и увеличила круг авторов во всех губерниях. Оказалось, что источниками для исторических, археологических, этнографических статей может служить окружение каждого образованного человека.

Создание работ по региональной истории было не возможно без порядка в провинциальных архивах, наведением которого должны были заняться ГУАК. Все более завоевывавшая признание в среде историков позитивистская методология, основанная на повышенном внимании к конкретному историческому факту, требовала создания полноценной источниковой базы для исследований. С.Ф. Платонов писал, что «местные документы, как бы они на первый взгляд не казались мелкими и ничтожными, составляют первостепенную важность в глазах историка», так как без них нельзя «спуститься на надлежащую глубину изучения народной жизни»⁷³.

Таким образом, во второй половине XIX в. в русском обществе постепенно рос интерес к своему историческому прошлому. Печать призывала «к совместному труду на пользу края». Так, член Нижегородского статистического комитета А.С. Гацисский писал: «Как в науке, так и в других проявлениях человеческой жизни «недавно» преобладала централизация почти всецело; но начинает кончаться ее исключительное преобладание и заявляет свое право на существование жизнь вне центра...все более укрепляется в сознании провинциальной интеллигенции необходимость действовать дома...в столице могут быть собраны все гении страны и все-таки деятельность их, хотя бы самая напряженная, будет бесплодна»⁷⁴.

К концу XIX в. в среде провинциальной интеллигенции появляется ядро просвещенных и прогрессивно мыслящих людей, зараженных энтузиазмом краевой работы. Их объединяли вокруг себя губернские статистические комитеты, деятельность которых развернулась еще в 30-х гг. XIX в. Главной целью деятельности статистических комитетов являлся сбор и обработка административно-хозяйственных данных по губернии. К «не статистической» деятельности относились исторические и этнографические обследования губернии; разбор местных государственных архивов; описание, изучение и сохранение памятников древности⁷⁵. В 1860-х гг. шла

тенденция превращения статкомитетов из административных учреждений в научно-административные, что было закреплено циркуляром МВД⁷⁶. Широкие перспективы для выбора направлений исследований ускорили превращение статкомитетов в губернские историко-археологические общественные учреждения.

В 1835 г. статкомитет был образован в Вятской губернии. В 1860-70-х гг. происходило развертывание деятельности Вятского статкомитета. Видными его деятелями были П.А. Алабин, Н.И. Золотницкий, И.М. Осокин, И.Е. Глушков, В.М. Шестаков, М.С. Косарев, Я.Г. Рождественский, А.С. Верещагин, И.Г. Кибардин, Н.А. Спасский. Члены комитета публиковали статьи по географии, истории, экономике и быту родного края в неофициальной части «Губернских ведомостей». Однако, неудобством публикации статей было то, что статьи приходилось дробить на несколько частей, отчего терялась целостность восприятия материала. Кроме того, для печати приходилось отбирать лишь небольшую часть тех материалов, которые готовились членами комитета.

Расцвет деятельности Вятского статкомитета пришелся на 1880-е гг., когда под редакцией Н.А. Спасского ежегодно стали выходить «Памятные книжки и Календари Вятской губернии», содержащие массу научно-исторического материала. «Памятные книжки» имели огромный успех в уездах Вятской губернии. Ряд активистов Вятского статкомитета был награжден за свои труды медалями Русского географического общества: М.И. Куропатов за статьи по этнографии, Н.А. Спасский за «Статистическое описание Вятской губернии» (1875 г.)⁷⁷. Члены Вятского статкомитета принимали участие в различных Всероссийских выставках: Всероссийской промышленно-художественной выставке (1882 г.), Казанской научно-промышленной выставке (1890 г.).

Одной из задач статкомитетов был сбор сведений о памятниках древности, находящихся в губернии; составление их полных описаний. К одной из форм охраны «движимых» памятников относилось

коллекционирование. На базе присланных в статкомитет предметов старины в 1860-х гг. начал создаваться губернский музей. В музее было сосредоточено около 10 тысяч различных предметов старины⁷⁸.

Таким образом, деятельность статкомитетов носила широкий характер. Члены статкомитетов подготовили почву для научных исследований в крае, воспитали кадры местных историков, этнографов. Статкомитеты являлись базой для создания местных исторических обществ, которыми стали ГУАК.

Мысль об открытии ГУАК в г. Вятке впервые была высказана в 1890-х гг. членами Вятского статкомитета. В 1900 г. они начали практические действия по осуществлению плана открытия архивной комиссии. Через Вятского губернатора Н.М. Клинберга они обратились к директору Археологического института Н.В. Покровскому с ходатайством об учреждении ГУАК в Вятке. В своем ответе Покровский писал, что «учреждение в Вятке архивной комиссии более чем желательно», но возможно лишь при выполнении трех условий. Во-первых, требовалось «достаточное количество местных научных работников...заинтересованных в сохранении и изучении старины и желающих принять участие в трудах комиссии». Во-вторых, необходимо было наличие «приличного помещения для комиссии и ее архива». И, в-третьих, следовало «изыскать средства для ежегодных расходов комиссии»⁷⁹. Н.Г. Клинберг обещал членам статкомитета оказать помощь в деле открытия комиссии. Однако, вскоре он был переведен на службу в другую губернию и дело с открытием комиссии застопорилось.

Следующая попытка открытия ГУАК в Вятке была сделана 28 ноября 1903 г., когда членами Вятского статкомитета Н.А. Спасским и А.С. Верещагиным, протоиереем Вятского Воскресенского собора И.М. Осокиным, действительными членами Петербургского археологического института Л.И. Софистским и Н.К. Поповым, преподавателем Вятского духовного училища М.Н. Решетниковым была

составлена на имя губернатора записка о необходимости создания в Вятке архивной комиссии⁸⁰.

Комиссия, по замыслу инициаторов ее создания, должна была стать центром по сбору и изучению памятников старины в Вятской губернии. В записке говорились, что в Вятке имеется достаточное количество лиц «желающих принять живое участие в сохранении и изучении письменных памятников местной старины». Предполагалось, что в работе будущей комиссии примут участие как лица, живущие в самом г. Вятке, так и лица, проживающие в разных уездах Вятской губернии. Выражалась в записке и надежда на то, что в трудах комиссии примут участие уроженцы Вятской губернии, живущие за ее пределами: А.А. Спицын, П.Н. Луппов, Д.К. Зеленин и другие. Таким образом, кадры для работы в архивной комиссии были, и первое условие, необходимое для открытия комиссии, выполнялось.

Сложнее обстояло дело с решением финансовых вопросов. Согласно «Положению» 1884 г. ГУАК могли покрывать свои расходы за счет местных пожертвований, а также субсидий от городских дум, губернских и уездных земских собраний. Изучив опыт работы Нижегородской, Костромской, Пермской, Оренбургской комиссий, авторы записки пришли к выводу, что значительную часть расходов по содержанию ГУАК в Вятке смогут взять на себя органы местного самоуправления – земства и городские думы⁸¹.

Ознакомившись с запиской, губернатор П.Ф. Хомутов принял самое деятельное участие в решении вопроса об учреждении архивной комиссии. Он обратился в МВД с просьбой об открытии архивной комиссии в Вятке. Получив положительный ответ (Прил. I. документ 1). Хомутов начал принимать практические меры по учреждению комиссии. Он обратился в Вятскую губернскую земскую управу с просьбой вынести на обсуждение губернского земского собрания вопрос о предоставлении субсидий будущей комиссии. Губернатор следующим образом обосновывал необходимость открытия комиссии, а, следовательно, и ее субсидирования: «История и

археология Вятки и Вятского края разработана еще очень мало, а относительно охраны письменных памятников сделано еще меньше; между тем время идет, памятники старины исчезают, часто бесследно...Как охранению памятников Вятской старины, так и разработке истории и археологии Вятского края могла бы служить Вятская архивная комиссия»⁸². В ответ на ходатайство П.Ф. Хомутова Вятская городская дума постановила назначить архивной комиссии единовременное пособие на 1904 г. в размере 200 рублей и ежегодное в размере 300 руб.⁸³ В то время как финансовое положение многих ГУАК в связи с русско-японской войной, а затем и первой русской революцией, стало критическим (губернские и земские учреждения практически прекратили дотирование ГУАК), огромной заслугой Хомутова стало то, что ему удалось выхлопотать пособия на открытие и деятельность Вятской архивной комиссии.

Для решения вопроса о помещении для комиссии губернатор обратился в городское управление. Однако, «по неимению свободных городских зданий», городское управление отказало в предоставлении помещения⁸⁴. Тогда губернатор принял решение о выделении для нужд комиссии одной комнаты в Строительном отделении Губернского правления «впредь до предоставления постоянного собственного помещения»⁸⁵.

Таким образом, все три условия, необходимые для открытия комиссии оказались выполненными.

Торжественное открытие Вятской ученой архивной комиссии (ВУАК) состоялось 28 ноября 1904 г. в зале губернского правления. На открытии присутствовали губернатор П.Ф. Хомутов, вице-губернатор П.М. Миркович, преосвященный Филарет, а также представители различных ведомств, духовенство, преподаватели учебных заведений г. Вятки и другие лица⁸⁶.

ВУАК являлась 25-й по счету в России. На открытии комиссии прозвучали глубокие и содержательные речи. Лейтмотивом всей деятельности ВУАК стала речь, произнесенная И.М. Осокиным. «В последние три-четыре десятилетия ученые... пришли к справедливому

убеждению, что история создавалась не только центрами страны, но и ее окраинами, и потому обратили серьезное внимание на изучение местных памятников старины, - говорил Иоанн Осокин и далее продолжал, - ...Для борьбы со всесокрушающим временем, а еще более с недостаточным вниманием общества к старым бумагам и учреждаются в губернских городах ученые архивные комиссии». Задачи ВУАК, как других архивных комиссий, по мнению Осокина, в значительной степени будут выполнены, если ее члены «соберут и будут охранять в архивах, музеях и библиотеках, по возможности, весь местный исторический материал; опишут, издадут его, наконец, дадут историю края и свяжут ее с общей историей Родины»⁸⁷.

Н.А. Спасский произнес содержательную речь, в которой определил основные задачи комиссии, указал на те трудности, которые поджидают ВУАК на ее пути в деле разработки истории Вятской земли. (Прил. I. документ 2.). Не раз подчеркивал Спасский тот факт, что ВУАК являлась наследницей вятского статкомитета в деятельности по изучению истории региона⁸⁸.

Во время торжественного открытия был избран председатель комиссии. Им стал Николай Александрович Спасский – секретарь Вятского губернского статкомитета, а его заместителем (товарищем председателя) и редактором «Трудов ВУАК» комиссии – Александр Степанович Верещагин. Первоначально предлагалось избрать председателем ВУАК Верещагина. Спасский говорил: «По моему глубокому убеждению, во главе нового учреждения следовало бы встать и первенствовать Александру Степановичу Верещагину. С ним по громкой его репутации ученого–историка, какой он пользуется далеко за пределами губернии, конкурировать некому»⁸⁹. Однако, не смотря на настойчивые просьбы, Верещагин решительно отказался от места председателя в связи с болезнью⁹⁰.

Непременным попечителем ВУАК, согласно «Положению» 1884г., стал губернатор П.Ф. Хомутов. Согласно утвержденной в 1887 г. инструкции Археологического института высшим распорядительным органом ГУАК, как

в вопросах организации научных исследований, так и в текущих делах, было общее собрание членов комиссии. Первое рабочее заседание членов ВУАК прошло 11 декабря 1904 г. Заседания проводились в читальном зале Публичной библиотеки после закрытия библиотеки⁹¹. Первые заседания были посвящены решению организационных вопросов. Было решено проводить заседания раз в две недели по пятницам, заседания считались состоявшимися при семи присутствующих членах, а летом – при пяти. Хотя количество членов комиссии составляло к началу 1905 г. шестьдесят человек, однако, среди них был большой процент иногородних членов, которые не имели возможности регулярно присутствовать на заседаниях. В среднем, число присутствующих составляло от семи до тринадцати человек. Все решения принимались простым большинством голосов присутствующих членов, а при равенстве их – решающим считался голос председателя.

Таблица 1.

Количество заседаний ВУАК в разные годы.*

1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918
28*	20	19	16	10	10	5	8	6	5	3	5	5	4

*Таблица составлена по отчетам ВУАК.

Всего за годы работы ВУАК было проведено около ста сорока заседаний. Как видно из таблицы 1, в первые годы деятельности комиссии заседания проводилось, как и планировалось, два раза в месяц. Однако, уже с 1909 г. заседание проходили нерегулярно, что во многом было связано со смертью самого активного члена комиссии – А.С. Верещагина. В годы Первой мировой войны заседания проводились еще реже. Так, в 1915 г. члены комиссии собирались на заседания всего три раза.

Заседания ВУАК, как и заседания других ГУАК, проходили по общей схеме. Сначала зачитывались и утверждались журналы предыдущих заседаний. В журналы заносятся все вопросы, обсуждавшиеся на заседании и решения принятые по ним. После утверждения очередного журнала заседания, председателем зачитывались письма и бумаги, поступившие на

имя комиссии; делались сообщения о вновь полученных изданиях от других ГУАК, научных обществ и частных лиц. На заседаниях происходил выбор почетных и действительных членов комиссии, а также должностных лиц. Редактор знакомил членов комиссии с материалами, которые предполагались им к печати. Членами комиссии зачитывались и обсуждались научные доклады и статьи, делались сообщения о деятельности других архивных комиссий, научных обществ, археологических съездов. На заседаниях происходило распределение различных заданий между членами комиссии (просмотр описей, составление различных указателей и т.д.) Таким образом, на заседаниях решались все научные и хозяйственные вопросы, касающиеся деятельности ВУАК, координировалась работа членов комиссии.

С самого начала деятельности члены ВУАК ощутили неопределенность своего правового статуса. Встал вопрос о правах и обязанностях членов комиссии. Поскольку «Положение» 1884 г. лишь в общих чертах касалось обязанностей членов ГУАК, а о составе должностных лиц и их обязанностях и вовсе не говорилось ни слова, то подобные правила разрабатывались каждой комиссией отдельно. Многими ГУАК (Воронежской, Саратовской, Тамбовской и другими) вырабатывали и собственные уставы, в которых детализировалось и уточнялось «Положение» 1884 г. Сотрудники ВУАК не имели собственного устава, ими были выработаны и приняты лишь права и обязанности членов комиссии, а также должностных лиц.

Круг прав и обязанностей членов ВУАК был разработан действительным членом комиссии И.И. Зубаревым⁹². Согласно данным правилам, члены ВУАК обладали следующими правами: правом участия и голоса в собрании комиссии; правом пользования архивом комиссии; правом посещения архивов присутственных мест различных ведомств губернии, а также церковных архивов. Однако последним правом члены комиссии могли воспользоваться далеко не всегда. Данные правила отражали внутренний распорядок работы членов комиссии и начальники архивов могли по своему усмотрению пускать членов ВУАК в свой архив или не пускать. Весьма

важной для местных любителей старины стала возможность помещать свои научные труды в изданиях комиссии. Благодаря «Трудам ВУАК» многие из исследователей смогли опубликовать свои статьи и сообщения. До учреждения ВУАК они не всегда могли найти печатный орган, заинтересованный в издании их работ.

В обязанности действительных членов комиссии вошли: популяризация задач комиссии и «привлечение к ней сочувствия, расположения и доверия»; выполнение поручений комиссии; поддержание комиссии через уплату членских взносов. Также в обязанность членов комиссии входило сохранение по возможности письменных и вещественных памятников старины⁹³.

На одном из первых заседаний ВУАК был определен круг должностных лиц комиссии (председатель комиссии, товарищ председателя, редактор «Трудов ВУАК», неперенный член, библиотекарь, казначей, заведующий складом «Трудов ВУАК») и определены их обязанности.

К обязанностям председателя было отнесено проведение заседаний ВУАК, предложение вопросов для совместного обсуждения, вхождение в деловые сношения с различными научными обществами, правительственными и общественными учреждениями, частными лицами. Председатель просматривал всю корреспонденцию комиссии, подписывал бумаги, обладал правом решающего голоса на заседаниях комиссии. В отсутствие председателя его обязанности выполнял товарищ (заместитель) председателя.

В обязанности неперенного члена входило составление журналов заседаний, запись входящих и исходящих бумаг комиссии, составление уведомлений для различных учреждений и частных лиц о получении от них изданий и архивных дел, составление годовых отчетов о деятельности комиссии. Казначей должен был вести приходно-расходную книгу; принимать подписку на «Труды ВУАК», по истечению каждого месяца отчитываться перед членами комиссии о количестве расходов, наличности имеющихся сумм. Библиотекарь принимал и регистрировал все

поступающие в ВУАК книги, дела, рисунки и прочее; помечал их штемпелем комиссии; при участии и помощи членов комиссии составлял описи и указатели документов исторического архива. Редактор разрешал печатание статей и документов, размещал в «Трудах ВУАК» одобренные на заседаниях комиссии материалы, отдавал их в набор⁹⁴.

На заседании 17 октября 1905 г. Н.А. Спасский отказался от исполнения обязанностей председателя комиссии по состоянию здоровья. Новым председателем был избран действительный член комиссии Вятский городской голова Я.И. Поскребышев, который являлся председателем местного кружка любителей естествознания. Однако и он вскоре отказался от этой должности. А.С. Верещагин высказал мнение, что весьма полезным для комиссии было бы избрание в председатели губернатора, как это делалось в ряде других комиссий. Губернатор С.Д. Горчаков выразил свое согласие стать председателем ВУАК и сказал, что он «при своих многосложных обязанностях лишен возможности заниматься научными трудами, даже принимать постоянное участие в заседаниях комиссии, но, уступая просьбам членов комиссии, в желании быть ей полезным чем может, не отказывается принять на себя председательство в комиссии»⁹⁵.

Начиная С.Д. Горчакова в практику ВУАК вошел выбор на пост председателя губернатора. Так, председателями ВУАК были следующие лица: С.Д. Горчаков (с июля 1906 г. по апрель 1909 г.), П.К. Камышанский (апрель 1909 г. по декабрь 1910 г.), И.М. Страховский (декабрь 1910 г. по октябрь 1914 г.), Г.Г. Черневский (октябрь 1914 г. по апрель 1916 г.), Н.А. Руднев (апрель 1916 г. по 1917 г.). В 1917 г. председателем вновь был избран Н.А. Спасский.

Условия деятельности ГУАК во многом определялись позицией неопременного попечителя комиссии, которым являлся губернатор. В этой связи большое значение приобрел субъективный фактор - взаимоотношения между членами комиссии и губернатором. В зависимости от степени заинтересованности губернатора в деятельности местных научно-

исторических обществ он мог в равной степени как способствовать успешной работе комиссии, так и препятствовать ей. Наиболее важную роль в истории ВУАК сыграл губернатор П.Ф. Хомутов, который, как уже говорилось выше, приложил немало усилий для открытия комиссии.

Весьма неоднозначной фигурой являлся С.Д. Горчаков, вступивший в управление Вятской губернией 29 июля 1906 г. Приступив к управлению губернией в период первой революции, он разработал целую систему мер борьбы с различными проявлениями оппозиционной активности масс. Работа Горчакова по борьбе с «крамолой» выразилась, в том числе и в закрытии ряда общественных учреждений (клубов) и приостановке деятельности некоторых газет. Так, редакторы газет «Вятская жизнь», «Вятский край», «Епархиальные отголоски» и «Прикамский край» - органов постоянно возбуждающих «вражду» против правительства и местной власти, были удалены из пределов губернии⁹⁶.

Члены ВУАК вполне лояльно относились к Горчакову. Здесь во многом сказывалась позиция членов ГУАК оставаться вне политики, а также приверженность существующему строю. В самодержавии сотрудники ГУАК видели исторически сложившийся государственный порядок и являлись сторонниками эволюционного пути развития, выступая против насильственных способов преобразования общества и проявления террора. Поэтому жесткие административные методы управления Горчакова были в глазах членов ВУАК вполне оправданы. В то же время Горчаков вполне благожелательно относился к деятельности комиссии. Благодаря его поддержке члены ВУАК получили денежные пожертвования от некоторых своих почетных членов, а также весьма ценные издания от графа С.Д. Шереметева. По распоряжению Горчакова в библиотеку ВУАК был передан ряд изданий из губернского и уездных земств. Горчаков лично отобрал и передал в дар ВУАК часть своей библиотеки. Не случайно, когда в апреле 1909 г. Горчаков получил назначение Калужского губернатора, члены ВУАК составили на его имя благодарственное письмо, в котором говорилось,

что «Вятская ученая архивная комиссия...не может не высказать чувства искреннего сожаления, что она в лице Вас безвременно лишается столь заботливого о ней попечителя»⁹⁷.

Остальные попечители ВУАК проявляли к ее деятельности гораздо меньший интерес, а их участие в делах комиссии было формальным.

На открытии комиссии только что избранный председатель Н.А. Спасский выступил с программной речью, в которой выделил основные направления деятельности ВУАК, важнейшей из которых была названа издательская работа. На страницах «Трудов ВУАК» предполагалось публиковать не только исторические памятники Вятской письменности, фрагменты летописей, в которых содержались упоминания о Вятском крае, но и статьи членов комиссии по истории, этнографии, колонизации Вятского края, культуре и быту⁹⁸.

Подготовка к печати «Трудов ВУАК» являлась далеко не единственным направлением деятельности комиссии. Одной из главных задач ГУАК, обозначенной в «Положении» 1884 г., было создание исторических архивов. Работа архивистов в одиночку, без сотрудничества, как это было до учреждения ВУАК, не могла быть сколько-нибудь успешной. Член ВУАК М.Н. Решетников так обозначил эту проблему: «Все богатство минувшего времени находится в разных местах нашего края, большей частью в не разобранном виде: в правительственных архивах, в архивах и библиотеках частных лиц,...много погребено в могилах, курганах, многое хранится в церквях, монастырях. Собрать все в одно место одному непосильно и не возможно, собрать это может только специальное учреждение – губернская ученая архивная комиссия»⁹⁹. Члены комиссии для успешного выполнения всех поставленных перед ними задач могли, по мнению Решетникова, разделять обязанности между собой. Одни занимались бы поисками древних письменных актов, вторые - их изучением, третьи - публикацией источников. Таким образом, важнейшим направлением деятельности ГУАК стало

сохранение от гибели исторического материала, приведение его в порядок и научная обработка, а также создание своих исторических архивов.

ГУАК создавали свои библиотеки, которые имели важное значение, как для научной работы членов комиссий, так и для местных любителей старины. ВУАК являлась обладательницей интересного книжного собрания. Ее библиотека начала складываться в 1904 г. и постоянно пополнялась новыми изданиями. В фондах библиотеки хранились «Труды» многих ГУАК, книги, присланные из Императорского Русского археологического общества, Московского архива министерства юстиции, Московского Императорского общества истории и древностей российских и многих других научно-исторических обществ. Книжные фонды пополнялись не только за счет обмена изданиями с другими обществами, но и за счет пожертвований почетных и действительных членов комиссии. Книги для библиотеки комиссии прислали известные исследователи. Например, В.О. Ключевский отправил в ВУАК свои сочинения «Древнерусские жития святых как исторический источник» и «Боярская дума Древней Руси»¹⁰⁰.

ГУАК не ограничивали свою деятельность изучением письменных памятников, но активно включали в круг исследований вещественные исторические источники. В понятие «археология» во второй половине XIX в. входило изучение всех памятников старины как документальных, так и вещественных. В одной из своих работ председатель Тамбовской ГУАК А.Н. Норцов указал на «кровное родство археологии с архивными комиссиями»¹⁰¹. В то же время существовал и другой подход к задачам ГУАК. Наиболее ярким его выразителем стал член Нижегородской ГУАК В.Г. Короленко, который считал, что основная задача ГУАК состоит в формировании исторических архивов, разборе и описании архивных дел, а не в проведении раскопок и создании на их базе музеев. Признавая важность собирания и исследования вещественных памятников старины, он считал это делом специалистов, а не дилетантов из состава ГУАК¹⁰².

ГУАК являлись зачастую единственными в регионе историческими обществами, а потому исходили из понимания своей ответственности за сохранение всех категорий памятников. Многие комиссии проводили археологические раскопки в своих губерниях. Особенно активно занимались раскопками Херсонская, Таврическая, Киевская, Нижегородская, Полтавская, Екатеринославская, Курская, Саратовская, Уфимская ГУАК. Их работа в данном направлении подтвердила прогноз известного археолога А.А. Спицына о том, что тяжесть археологических трудов должна перейти из центра на местный уровень. «На Западе, - писал Спицын, - первенствующую роль в археологии завоевали местные археологи, то же неизбежно будет и у нас, когда провинциальные деятели рискнут дерзнуть на специальные научные работы»¹⁰³.

Важным направлением деятельности сотрудники ГУАК видели археологические разведки, то есть сбор сведений, касающихся памятников древности. На основе собранного материала составлялись археологические карты губернии (планы расположения основных историко-археологических памятников на территории данной области). С помощью этих карт члены статистических комитетов, а затем и ГУАК, пытались решить вопрос учета памятников, их охраны, пытались создать теоретическую концепцию распространения и взаимодействия археологических культур.

Начало оживленному изучению старины Вятского края было положено в 1860-х гг. членом Вятского статкомитета П.В. Алабиным, который описал многие памятники археологии, составил первую археологическую карту губернии. В 1880-90-х гг. активную археологическую работу в статкомитете вел А.А. Спицын. Он был убежден, что изучение исторического прошлого Вятского края немыслимо без обращения к археологии. Именно благодаря Вятке увлечение археологией стало главным делом жизни Спицына. «Если бы я не уехал в Петербург, а остался в провинции, то, думаю, что все же вышел бы не археолог, а историк, по моей склонности к этой науке»¹⁰⁴, - размышлял Спицын впоследствии. Заслуга Спицына заключалась в том, что

он обобщил обширный материал по археологии края. По поручению Московского археологического общества он проводил раскопки в Яранском, Котельничском и Глазовском уездах. Участие Спицына в VII археологическом съезде в Ярославле стало его выходом на общероссийскую арену. Заключительной работой Спицына по вятской археологии стала книга «Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии». В ней были учтены все известные к тому времени памятники бассейна реки Вятка. К 1892 г. А.А. Спицын уже сложился как зрелый ученый–археолог. Известность его в археологических кругах, личные встречи со многими учеными на археологических съездах помогли ему занять освободившееся место члена Археологической комиссии в Петербурге. С открытием в Вятке архивной комиссии, Спицын был избран ее членом. Однако реального участия в ее деятельности принимать не мог.

ВУАК практически не занималась археологическими изысканиями в силу отсутствия среди ее членов специалистов по археологии (за исключением В.Д. Емельянова). Конечно, ряд членов комиссии осуществляли историко-археологические поездки по Вятской губернии, но главной их целью являлось выявление памятников церковной и гражданской старины. Члены комиссии делали рисунки, фотоснимки, описания данных памятников. Археологические же раскопки комиссия не производила. Между тем в Вятской губернии в начале XX в. был произведен ряд археологических раскопок, инициатором которых являлась Петербургская археологическая комиссия. Ее член П.Г. Тарасов был командирован в Вятку для раскопок могильника, открытого в 1905 г. близ села Полома Глазовского уезда. Погребения были отнесены к IX веку и являлись самым богатым памятником древности этого времени в Вятском крае¹⁰⁵.

Основная масса находок предметов древности делалась жителями губернии случайно (при вспашке земли, постройки дома и других работах). Так, в 1909 г. при распахке огорода крестьянин Малмыжского уезда нашел

595 серебряных монет времен Иоанна Грозного, а при рытье канавы в Елабуге было обнаружено 400 монет Екатерининского времени.

Проводившаяся ГУАК работа по исследованию региона в археологическом отношении сопровождалась накоплением коллекций памятников материальной культуры, которые легли в основу музеев комплексного типа. Появление местных музеев являлось объективным последствием развития археологии. Часто свои находки местные жители передавали в ВУАК или в земские музеи (Сарапульский земский музей, Музей антропологии и этнографии в Глазове и другие).

Важное значение в жизни провинции имела организация членами ГУАК празднований различных знаменательных дат. Рязанская ГУАК занималась подготовкой празднования 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости, Нижегородская ГУАК широко отмечала 300-летие освобождения Москвы Нижегородским ополчением¹⁰⁶. Члены ВУАК занимались подготовкой юбилейного сборника, посвященного 100-летию Отечественной войны 1812 г., а также отмечали 300-летие со дня смерти Трифона Вятского Чудотворца. Организация подобных празднеств играла важное воспитательное значение среди местного населения.

ВУАК, как и другие комиссии, выделяла из своего состава членов в различные подкомиссии с целью разрешения определенных вопросов. Так, на заседании 18 декабря 1908 г. была создана подкомиссия для разбора рукописей и бумаг А.С. Верещагина¹⁰⁷. Было разобрано и передано в библиотеку ВУАК 78 книг по истории Вятки, археологии, этнографии, истории литературы. На заседании 21 августа 1909 г. была образована подкомиссия «для детального обсуждения организации дела сохранения церковных древних памятников». Членами подкомиссии был составлен проект, предусматривающий меры к сохранению церковных памятников¹⁰⁸. В июле 1910 г. была избрана подкомиссия для подготовки торжественного празднования 300-летнего юбилея вступления на престол Михаила Федоровича Романова.

Таким образом, основные направления деятельности ВУАК совпадали с работой других комиссий (издательская и архивная деятельность, создание музея и библиотеки и т.д.) с той лишь разницей, что членами ВУАК не производились археологические раскопки.

ГУАК не являлись замкнутыми организациями. На протяжении всей своей истории они стремились к установлению связей друг с другом, а также с другими научно-историческими обществами. Тенденция к объединению являлась одной из характерных черт развития отечественной исторической науки конца XIX-начала XX вв. Общей для многих деятелей ГУАК была точка зрения о том, что «архивные комиссии нуждаются в ближайшем общении с давно существующими и уже сослужившими службу русской науке учеными историко-археологическими учреждениями и между собой, а потому не должны стоять и действовать одиноко»¹⁰⁹.

В конце 1860-х - начале 1870-х гг. в научной жизни России огромная роль принадлежала Всероссийским археологическим съездам. Съезды играли роль организаторов и координаторов научно-исследовательской деятельности в области истории и археологии на местах. В деятельности съездов участвовали как столичные, так и провинциальные ученые. После 1884 г. к участию в съездах присоединились делегаты от архивных комиссий. Занятия съездов проходили по отделениям. Начиная с VIII съезда в Москве (1890 г.) для обсуждения проблем архивоведения и ГУАК было образовано специальное отделение. Занятия съездов по архивным вопросам разделялись на две группы: сообщения, касающиеся отдельных архивов, и обсуждение общих проблем организации архивного дела и положения ГУАК. Благодаря съездам постепенно вырисовывалась картина состава и состояния различных архивов России, дополнявшая подобного рода сведения, появлявшиеся на страницах «Трудов» ГУАК, Археологического института и других изданий.

Члены ГУАК, принимавшие участие в съездах, далеко не всегда отвечали жестким требованиям столичной науки. В протоколах заседаний МАО в 1880-х гг. появлялись сетования на низкий уровень сообщений,

предлагаемых к обсуждению провинциальными делегатами, которые «отняли у съезда немало времени докладами о неудавшихся раскопках, поездках и прочее»¹¹⁰. Действительно, многие материалы местных исследователей носили малонаучный характер и не соответствовали уровню столичных ученых. Однако, вынося свои насущные проблемы на Всероссийские съезды, провинциальные ученые стремились привлечь внимание к своим проблемам и получить практические советы.

Набиравшая силу деятельность архивных комиссий уже к концу 1890-х гг. поставила вопрос об обмене опытом, научном общении и сотрудничестве между провинциальными научными обществами. По словам А.С. Лаппо-Данилевского комиссии начали ощущать «потребность поделиться результатами своих научных работ, проверить свои наблюдения и получить новый запас сил и бодрости для продолжения дальнейших трудов»¹¹¹. Так возникла идея организации областных историко-археологических съездов.

Впервые мысль о необходимости созыва областных съездов возникла среди членов Ярославской ГУАК. Инициаторами созыва областных съездов стали профессор Ярославского Демидовского юридического лица Э.Н. Берендтс и директор лица С.М. Шпилевский. Идея созыва областных съездов была поддержана членами Владимирской, Калужской, Костромской, Нижегородской, Новгородской, Псковской, Смоленской и Тверской комиссий.

Съезды призваны были объединить деятельность комиссий, находящихся на территории бывших Ростово-Суздальского и Владимирского княжеств, для изучения по единому плану «следов развития великорусской культуры» и условий развития «единовластного, а затем и самодержавного политического строя – основы государственного могущества России»¹¹². На открытии первого областного съезда в Ярославле (10-14 августа 1901 г.) прозвучали слова о том, что «одной из важнейших задач современной русской историографии является полное и подробное исследование истории русских областей на основании изучения памятников старины»¹¹³. Также в

задачи областных съездов входило «объединение разрозненных работ ученых ГУАК и более точное определение задач и целей архивных комиссий». Областные археологические съезды собирались четыре раза: в Ярославле (1901 г.), Твери (1903 г.), Владимире (1906 г.) и Калуге (1908 г.). На первых двух съездах речь шла главным образом о ГУАК и рассматривались различные варианты их преобразования.

Значение областных съездов трудно переоценить. В истории российской архивного дела это была первая научная акция, имевшая всероссийский масштаб и при этом организованная провинциальными учеными обществами. Материалы, изданные организационными комитетами съездов, до сих пор являются уникальными источниками по истории областей Верхнего Поволжья. Директор Петербургского археологического института Н.В. Покровский, раскрывая значение областных съездов, говорил: «В настоящее время нет нужды доказывать, что изучение областной истории представляет собой первую ступень в процессе научного построения цельной истории, а потому областные съезды, как и сами комиссии, сосредоточили свое внимание на изучении данной области, идут навстречу назревшей научной потребности»¹¹⁴.

ВУАК, в числе других комиссий, стремилась к сотрудничеству как с провинциальными, так и со столичными научными обществами, полагая его необходимым условием эффективной работы. Показателем наличия связей ВУАК с научными обществами служил отлаженный механизм обмена изданиями. Во все архивные комиссии и научно-исторические общества ВУАК направляла письма с предложением взаимного обмена изданиями¹¹⁵.

За весь период своего существования ВУАК обменивалась изданиями с двадцатью шестью ГУАК, а также с Русским историческим обществом, Казанским и Московским университетами, Московским архивом министерства юстиции, Императорской Археологической комиссией, Комитетом по русской иконописи, Архангельским обществом изучения русского Севера, Московским археологическим обществом, Академией наук

и рядом других научных учреждений¹¹⁶. Московское общество истории и древностей Российских, например, сделало ВУАК воистину царский подарок, выслав комплект своих изданий за все время существования. Кроме того, ВУАК присылала свои «Труды» в редакции журналов «Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник» и другие. Редакция газеты «Правительственный вестник», занимавшаяся сбором сведений о деятельности провинциальных научных обществ, обратилась в ВУАК с просьбой присылать в редакцию газеты не только «Труды ВУАК», но и сведения, касающиеся деятельности комиссии (годовые отчеты, сведения о проводимых членами ВУАК исследованиях, экспедициях)¹¹⁷.

Что касается контактов ВУАК с видными представителями отечественной исторической науки, то приходится констатировать достаточно формальный их характер. Общение здесь ограничивалось встречами во время археологических съездов и обменом корреспонденцией в связи со знаменательными датами. ВУАК вела переписку с В.О. Ключевским, Н.П. Лихачевым, М.В. Довнар-Запольским, И.Е. Забелиным.

ВУАК начала принимать участие в областных историко-археологических съездах начиная с III съезда во Владимире. В марте 1906 г. члены ВУАК получили от организационного комитета Владимирского съезда приглашение принять участие в съезде. Свое желание представлять ВУАК на съезде выразили Л.И. Софийский, А.С. Верещагин, В.Д. Емельянов и А.И. Гомеров¹¹⁸. А.С. Верещагин сделал два доклада «О Суздальско-Нижегородских князьях в истории древней Вятки» и «Об озере Вятском во Владимирской губернии», а В.Д. Емельянов выступил с рефератом на тему «Поиски места крещения св. Владимира в Херсоне».

На IV историко-археологическом съезде в Костроме (21-30 июня 1909 г.) ВУАК представляли Д.К. Зеленин, В.Д. Емельянов и А.С. Якуб. Д.К. Зелениным был зачитан доклад «Костромские и Ярославские косули и их история в связи с историей других пахотных орудий русского народа».

Таким образом, для ВУАК были характерны все те виды взаимоотношений с научно-историческими обществами, что и для других ГУАК. Единственной особенностью было то, что Вятская комиссия не принимала участия во Всероссийских археологических съездах и в первых двух областных съездах в силу того, что была создана лишь в конце 1904 г.

Одной из наиболее острых проблем в деятельности ГУАК было слабое материальное обеспечение. «Положение» 1884 г в качестве источников существования комиссий указывало Археологический Институт и частные пожертвования. Оба эти источника были охарактеризованы директором Археологического института А.Н. Труворовым как «эфемерные». У института не было средств даже для оказания субсидий вновь открывавшимся ГУАК¹¹⁹. Что касалось «местных пожертвований на пользу науки», то их величина определялась степенью заинтересованности местной администрации в деятельности ГУАК, пониманием целей деятельности ГУАК со стороны городских и земских управ, и провинциального общества в целом. Председатель Тамбовского ГУАК А.Н. Норцов говорил в письме к Московскому археологическому обществу, что «сочувствие и внимание к себе со стороны частных лиц комиссии встречали редко»¹²⁰. Все это привело к тому, что ГУАК стали по выражению И.Е. Андреевского «самыми дешевыми установлениями, когда-либо действовавшими в России»¹²¹.

Поскольку ГУАК не получали субсидий от правительства им приходилось надеяться только на пособия от местных органов власти и на частные пожертвования. Что касается пособий от городских дум и земств, то, как писал С. Кедров, «местный бюджет всюду и везде, едва удовлетворял нужды необходимые, не в состоянии был удовлетворить нужды полезные, к каким относятся историко-археологические, архивные и вообще научные общества, а, если удовлетворяют, то в ничтожной степени»¹²².

Материальная обеспеченность комиссий была весьма различной. Например, годовой бюджет Рязанской, Нижегородской ГУАК колебался от 1000 до 1500 руб. Бюджет Владимирской ГУАК в 1901 г. составил 3421 руб.,

а Тверской за тот же год - 2269 руб.¹²³ Таким образом, материальное положение ряда комиссий было устойчивым, что позволяло им активно заниматься издательской деятельностью, открывать музеи и т.д. Положение других комиссий было весьма плачевно. Так, бюджет Воронежской ГУАК на 1902 г. составил 175 руб., а Калужской - 232 руб.¹²⁴

Основную часть бюджета составляли субсидии местных земств. Однако, выделение данных субсидий зависело от желания и возможностей местных властей. Так, Ярославская и Саратовская ГУАК получали от органов местного самоуправления от 60 до 90% средств, а Владимирская и Орловская не более 10-15%.¹²⁵

Немаловажное значение для материальной поддержки комиссий имели частные пожертвования. Так, Владимирская комиссия обладала в 1902 г. бюджетом в 6597 руб., который был сформирован в основном за счет крупных пожертвований местных фабрикантов (80%)¹²⁶. Некоторые наиболее обеспеченные из членов ГУАК вносили пожертвования на нужды своей комиссии. Например, председатель Рязанской ГУАК А.Д. Повалишин в течение нескольких лет отдавал комиссии свое годовое жалование (2000 руб.) по должности члена губернского по земским делам присутствия.

Членские взносы платились во многих ГУАК, однако, они давали небольшую прибавку к бюджету. Доходы от продажи «Трудов» также были незначительны и не покрывали затрат на издательскую деятельность.

Бюджет ВУАК к моменту ее открытия составлял 700 руб. В 1905 г. бюджет составил 1600 руб.¹²⁷, в 1908 г. – 2334 руб.¹²⁸, а в 1916 г. достиг 7863 руб.¹²⁹ Такой рост материальных средств объяснялся не столько увеличением субсидий, сколько продуманностью трат и экономией средств. Бюджет ВУАК формировался из следующих статей: пособий от Вятской губернской управы и ряда уездных земских и городских управ, доходов от продажи «Трудов ВУАК», членских взносов, процентов от банковского капитала. (Прил. II, табл. 1-5). Некоторые ГУАК (например, Костромская) получали субсидии от дворянских собраний, которых в Вятской губернии не было.

Другим комиссиям выделялись специальные пособия от местных властей на издательскую деятельность. Так Владимирская ГУАК получала от местного губернского земства на издание «Трудов» 1300 руб. в год¹³⁰.

С 1909 по 1914 гг. ВУАК в числе прочих комиссий получала пособия от казны в размере 200 руб. в год¹³¹. В 1913 и 1915 гг. ВУАК в числе восьми лучших ГУАК получила единовременное пособие от Русского исторического общества в размере 2000 руб. на развитие деятельности по охране письменных памятников старины. Земские управы вносили в комиссию пособия в зависимости от своих возможностей. Например, Котельническая уездная управа выделяла по 50 руб. в год на выпуск «Трудов ВУАК», а Нолинская – по 5 руб. Уржумская уездная земская управа вынуждена была отказаться от ассигнования средств на пособие комиссии и выпуску «Трудов ВУАК» в «виду весьма ограниченных городских средств»¹³².

В целом материальное положение ВУАК до 1917 г. было вполне удовлетворительным. Начав деятельность с весьма ограниченным бюджетом, к 1916 г. комиссии удалось скопить капитал в 8000 руб., с которого ВУАК получала банковские проценты (200 руб. в год). Во многом это удалось достичь благодаря организационным способностям товарища председателя комиссии Н. А. Спасского.

Кроме материальной необеспеченности неразрешимой проблемой для некоторых ГУАК стало отсутствие надлежащих помещений под архивы и библиотеки. ГУАК не имели не только специальных зданий архивного типа, но даже более или менее приемлемых помещений. Например, Саратовская ГУАК ютилась на чердаке в двух комнатах над помещением городской публичной библиотеки, из-за «невообразимой тесноты» архивные дела хранились под лестницей в не разобранном виде¹³³. Тверская ГУАК располагалась в собственном двухэтажном доме, подаренном ей по распоряжению МВД, но дом был ветхим и небезопасным в пожарном отношении.

В некоторых ГУАК вопрос о помещении был решен вполне благоприятно. Так, Нижегородская городская дума в 1887 г. уступила местной ГУАК Ивановскую Кремлевскую башню и взяла на свой счет расходы по ее оборудованию и отоплению. Костромское дворянское собрание в 1898 г. предоставило Костромской ГУАК место для постройки музея рядом с Домом дворянского собрания и выделило 1000 руб. на возведение здания¹³⁴.

С момента своего открытия ВУАК обладала лишь небольшой комнатой в строительном отделении губернского правления. Летом 1906 г. членам комиссии стало известно, что в скором времени должна освободиться квартира во флигеле дома Публичной библиотеки. Новое просторное помещение было крайне необходимо комиссии. Библиотека ВУАК располагала весьма ценными изданиями, которые, из-за отсутствия собственного помещения, приходилось хранить в нескольких шкафах в прихожей Публичной библиотеки. Помещения под архив и вовсе не было.

Вопрос о предоставлении ВУАК флигеля Публичной библиотеки был решен попечительским комитетом библиотеки положительно. Этому во многом способствовал тот факт, что управляющий библиотекой С.А. Нурминский являлся действительным членом архивной комиссии. Однако, уже в 1912 г. комиссия потеряла данное помещение. Новый управляющий библиотекой А.Н. Луппов (брат краеведа П.Н. Луппова) принял решение о сдаче флигеля в аренду местной губернской землеустроительной комиссии, которая предложила более высокую арендную плату. Взамен он предоставил ВУАК две комнаты в самой библиотеке. Члены комиссии вынуждены были согласиться на подобный обмен, хотя он был неравноценен. Одна из комнат была небольшой, в ней поставили пять шкафов для библиотеки ВУАК, вторая комната оказалась чуланом, в ней разместили архив комиссии. Заседания проводились в читальском зале библиотеки. С 1918 г. в связи с ремонтом в читальском зале заседания были перенесены на квартиру Н.А. Спасского.

ВУАК возникла в период общественно-политического подъема в стране, который наблюдался в канун первой русской революции, и просуществовала до первых лет советской власти. Главной целью своей деятельности члены комиссии считали сохранение для исторической науки памятников древней письменности. Для ее достижения ВУАК развернула широкую археографическую работу по разысканию, разбору и публикации архивных богатств края. Признавая важность работы по спасению архивного материала, многие из членов комиссии во главу угла ставили свою «ученую» деятельность и основной своей задачей видели научно-исследовательскую работу. Несмотря на все трудности, с которыми сталкивалась комиссия, она представляла собой пример бескорыстной преданности исторической науке и краю.

Помимо ВУАК в Вятской губернии в начале XX в. были учреждены еще два краеведческих общества. 1 января 1910 г. в Кукарке состоялось открытие Кукарского образовательного общества. Инициатива его создания принадлежала А.С. Лебедеву – сыну местного лесопромышленника. Лебедев с ранних лет увлекался собиранием краеведческих редкостей и создал ценную коллекцию предметов древности. Его интересовала постановка краеведческой работы в других губерниях. Лебедев посетил Саратов с целью знакомства с деятельностью Саратовской ГУАК. Во время этой поездки у него и возникла идея организовать в Кукарке специальное образовательное общество для изучения Вятского края и распространения среди населения краеведческих знаний. В Вятке инициативу А.С. Лебедева поддержал Н.А. Спасский, добившийся у губернатора разрешения на открытие общества. В 1910-1913 гг. Кукарское общество насчитывало до 250 членов. При обществе был открыт общественный музей и организована библиотека.

В декабре 1914 г. в г. Сарапуле возникла новая краеведческая организация – общество изучения Прикамского края. Это общество было открыто по инициативе местных деятелей, объединившихся вокруг Сарапульского земского музея. Основателями общества выступили

фольклорист Н.Е. Ончуков, писатель С.Н. Миловский, председатель уездной земской управы М.С. Тютин, краевед Н.Н. Блинов. Задачи данного общества были аналогичны задачам ВУАК.

Таким образом, вятское краеведение в начале XX в. вступило в новую полосу развития, местные исследователи объединились в три общества и начали коллективную работу. К изучению родного края присоединилась и публичная библиотека. При ней был образован отдел местного края. Организаторами отдела являлись члены ВУАК Н.А. Спасский, А.А. Спицын, Д.К. Зеленин.

Вторая половина XIX-начало XX вв. были временем расцвета как центральных, так и местных научно-исторических обществ. Всероссийские и областные археологические съезды занимали в этот период центральное место в развитии исторической науки, археологии, этнографии и ряда других наук. Центр тяжести при этом сместился из Петербурга и Москвы в провинцию. В.Г. Короленко в 1895 г. писал: «Да, провинция затягивает! Не картами и вином, а проснувшимися в ней живыми местными интересами. Жизнь – всюду! Есть жизнь и в столице, кипучая и интересная! Но тут есть одна черта существенного отличия: то, что в столице является по большей части идеей, формулой, отвлеченностью – здесь мы видим в лицах, осязаем, чувствуем, воспринимаем на себе»¹³⁵.

В целом, провинциальная историческая мысль в эпоху в пореформенный период подтвердила свое право на существование и открыла новые возможности для дальнейшего развития. Плодотворная деятельность комиссий оставила яркий след в исторической науке. Труд губернских архивистов способствовал развитию демократических тенденций в общественно-политической жизни России конца XIX-начала XX вв. Успех их деятельности во многом был обусловлен ростом общественного сознания.

1.3. Сотрудники ВУАК: социальный состав, менталитет, деятельность.

Для второй половины XIX в. был характерен рост интереса ко всем областям краеведения, который поддерживался демократической литературой и научными обществами. Реформы 1860-70-х гг. раскрепостили не только крестьянство, но и творческие способности разночинной интеллигенции. Мощный общественный подъем и рост национального самосознания пробудили интерес к истории края в самых широких слоях общества. В провинции в это время появилось большое количество краеведов-любителей. Формирующееся краеведение включило в себя не только работы по местной истории, но и по этнографии, статистике, экономике, географии, культуре. Местные исследователи объединялись вокруг губернских статистических комитетов, а с открытием ГУАК стали вступать в ряды их членов.

Согласно «Положению» 1884 г. состав ГУАК должен был определяться по соглашению директора Петербургского Археологического института с местным губернатором. В состав комиссий должны были входить как чиновники, так и частные лица «могущие быть полезными своими познаниями и усердием к делу»¹³⁶.

Численность членов ГУАК колебалась от 50 до 250 человек. Были и исключения, например, в Саратовскую ГУАК с 1886 по 1905 гг. были приняты 247 человек¹³⁷. Численность членов комиссий быстро росла. В Витебской ГУАК в 1909 г. состояло 99 почетных и 325 действительных членов, плюс 15 штатных сотрудников, а в 1910 г. уже 102 почетных и 356 действительных членов¹³⁸. Нижегородская комиссия в 1888 г. имела в своем составе 76 человек, а в 1912 г. – 330¹³⁹.

Основную массу членов комиссий составляли представители местной либеральной интеллигенции: историки, археологи, архивные работники, библиотекари, работники музеев, художники, архитекторы, статистики и т.д. В состав членов комиссий входили также деятели городского и земского самоуправления, земские служащие, священники, купцы-благотворители,

помещики и военные. Среди членов ГУАК было большое количество преподавателей местных высших и средних учебных заведений¹⁴⁰.

Во всех научно-исторических обществах, в том числе и ГУАК, был определенный процент «мертвых душ». Ими являлись представители местной чиновничьей бюрократии, которые включались в состав ГУАК не по научным соображениям, а исходя из того, что могли оказать помощь в работе ГУАК в виде субсидий или предоставлять доступ членам комиссии в подведомственные им архивы.

Рассмотрение представительства членов комиссий показывает, что ГУАК не стремились замкнуться в рамках своей губернии, а, наоборот, имели весьма обширные связи. Среди членов ГУАК значительное место занимали иногородние лица – представители других научно-исторических обществ, учреждений, ВУЗов, благодаря чему достигалась цель установления контактов с научно-историческими организациями. Так, в Нижегородской комиссии в 1902 г. из 244 членов 145 являлись иногородними (представители Петербурга, Москвы, Ярославля, Твери, Вятки и других городов)¹⁴¹. Симбирская ГУАК к 1915 г. имела своих представителей в Париже, Варшаве, Стокгольме, Петербурге, Москве, Казани, Киеве и других городах¹⁴².

«Положение» 1884 г. не предусматривало какого-либо образовательного ценза при приеме в члены ГУАК, что зачастую отрицательно сказывалось на качественном составе комиссий. Главным критерием была «полезность», одни могли быть полезны денежными взносами, другие - в организации деятельности комиссии, третьи – в научной работе. Социальное положение членов ГУАК также не регламентировалось, в силу чего архивные комиссии могли включать в свой состав представителей разных социальных слоев. Таким образом, в состав ГУАК входили лица, чей социальный статус и уровень образованности были весьма различны – от преподавателей столичных ВУЗов до учителей сельских школ, от представителей высшей губернской администрации до чиновников низших рангов. Многие из членов ГУАК не имели необходимых знаний и опыта архивной работы, обладали

узким историческим кругозором. Однако, поскольку ГУАК являлись порой единственными в провинции учреждениями, занимающимися разработкой местной истории, то они привлекали в свои ряды и серьезных ученых. Численность их невелика, но именно благодаря им удалось достигнуть определенных положительных результатов в работе комиссий.

Доля участия сотрудников ГУАК в ее занятиях была далеко не равнозначной. Своей плодотворной деятельностью комиссии были обязаны прежде всего группе энтузиастов – людей горячо преданных истории родного края. Председатель Таврической ГУАК А.Н. Норцов утверждал, что судьба местных исторических обществ зависит от активности трех-четырех человек, бескорыстно преданных научной деятельности. «В большинстве случаев, - говорил Норцов, - это скромные труженики – лица служащие, занятые, связанные между собой одной общей любовью к исторической науке, не получающие за это не только жалование, но даже подчас и никакого поощрения, зато иногда критику из высших научных сфер. Однако, благодаря только этим скромным труженикам создалась деятельность, почет и известность архивных комиссий»¹⁴³.

К числу таких представителей прогрессивной местной интеллигенции относились А.К. Жизневский, П.Ф. Симсон, В.И. Покровский (Тверская ГУАК); Н.Н. Селифонтов, П.А. Ильинский, И.В. Баженов (Костромская ГУАК); А.С. Гацисский, В.И. Снежневский, А.Я. Садовский, В.Г. Короленко (Нижегородская ГУАК); А.И. Повалишин (Рязанская ГУАК); И.Ф. Павловский (Полтавская ГУАК) и другие. Основную работу в ВУАК определяли и осуществляли ее основатели А.С. Верещагин, Н.А. Спасский и И.М. Осокин.

В работе архивных комиссий принимали участие и несколько женщин: графиня П.С. Уварова (председатель Московского археологического общества), Т.О. Соколовская (специалист по истории российского масонства), О.Х. Агренева-Славянская (член Тверской ГУАК)¹⁴⁴. Активное участие в работе ВУАК принимала Лидия Николаевна Спасская (жена

Н.А. Спасского). Она написала несколько статей по истории Вятского края. Крупным ее исследованием стала работа «Прошлое Вятки с ее заселения русскими до воцарения Михаила Федоровича Романова», приуроченная к 300-летию Дома Романовых. Обязанности библиотекаря ВУАК с 1908 по 1911 гг. выполняла Александра Сергеевна Якуб. В 1918 г. членом комиссии была избрана учительница истории Мария Азарьевна Курочкина.

В состав почетных членов отдельных ГУАК входили иностранцы, например, французский барон Иосиф де Бай, профессора Ингерхольм и Альм-Крист из Швеции. Среди членов ГУАК были и титулованные особы. Например, членами Тверской комиссии состояли шесть князей¹⁴⁵.

Тем не менее, профессор Д.Я. Самоквасов с возмущением писал, что после смерти Н.В. Калачова в составе ГУАК «местный интеллигентский элемент сменился элементами провинциальной толпы». Идеалом Самоквасов считал первоначальный состав Рязанской комиссии, состоящей из членов местной служебной аристократии и богатого купца-жертвователя¹⁴⁶. По словам Самоквасова, для решения архивных вопросов была важна непосредственная зависимость деятельности ГУАК от верховной власти, а потому он демонстративно подчеркивал необходимость привлечения к управлению архивным делом высших чиновников государственного аппарата и церковных иерархов в противовес общественности. Сами же деятели архивных комиссий считали, что ГУАК, состоящие исключительно из представителей местной чиновничьей аристократии, являлись бы «мертворожденными учреждениями». Члены ГУАК выражали сомнение в том, что представители чиновничьей верхушки пожелаали бы тратить свое время на то, чтобы рыться в подвалах и на чердаках в поисках ценных исторических источников. Л.М. Савелов называл аристократию, состоящую в рядах членов ГУАК, «декорацией, необходимой для придания комиссиям веса в глазах общества»¹⁴⁷.

Что касается политических взглядов членов ГУАК, то подавляющее большинство из них предпочитало оставаться вне политики. Так, член

Саратовской ГУАК А.А. Гераклитов подчеркивал, что «архивные комиссии политикой не занимаются: у них слишком много своего дела и они далеко стоят от политических вопросов»¹⁴⁸. Многие сотрудники ГУАК разделяли точку зрения председателя Тамбовской комиссии А.Н. Норцова о том, что «наука – это единственное благородное средство удалить себя от всех партийных крайностей, даже совсем игнорировать их и сохранить тем самым свое сердце и ум для чистого и бескорыстного служения Родине»¹⁴⁹. Характерным для местных историков и архивных работников было желание отстраниться от участия в политической жизни, с тем, чтобы избежать опасностей привнесения в научную работу перипетий политической борьбы.

Вокруг Вятского статистического комитета сложилась группа местных энтузиастов, начавших борьбу за открытие архивной комиссии. В эту группу входили Н.А. Спасский, А.С. Верещагин, А.А. Спицын, И.М. Осокин, Л.И. Софийский. В их письме губернатору определили круг лиц, желающих принять участие в работе будущей архивной комиссии¹⁵⁰. Губернатор П.Ф. Хомутов в письме на имя министра внутренних дел по поводу открытия в Вятке архивной комиссии писал, что желание принять участие в делах архивной комиссии выразили «директор Вятской гимназии, инспектора народных училищ Вятской губернии, протоиереи и священники, преподаватели духовных учебных заведений и частные лица. Кроме того, некоторые изъявили свою готовность оказывать посильное содействие задачам комиссии, как например, представлять в архивную комиссию дела и документы, исследование коих может иметь интерес для разработки местной истории, предоставлять членам архивной комиссии свободный доступ в подведомственные им архивы и т.д. (местный Преосвященный, председатель Окружного суда, Управы Казенной Палаты, Начальник управления Земледелия и Государственных имуществ, председатели уездных земств, управ, городские головы и прочие»¹⁵¹.

В 1903-04 гг. А.С. Верещагин почти исключительно был занят подготовительной работой по организации архивной комиссии в Вятке. В

июне 1904 г. всем городским и уездным чиновникам, учителям, врачам, адвокатам были разосланы письма с приглашением вступить в ряды членов ВУАК. Чиновники наперебой отказывались в силу своей служебной занятости. «К крайнему моему сожалению не нахожу возможным вступить в число членов комиссии по многочисленным моим служебным обязанностям», - писал председатель Котельнической управы¹⁵². Тем не менее, отдельные представители чиновничества все же выразили готовность сотрудничать с архивной комиссией. Так, управляющий Вятской казенной палаты В.В. Ликандер писал: «Охотно готов вступить в число членов и оказать посильное содействие в работе комиссии»¹⁵³.

Из-за отсутствия в Вятской губернии поместного дворянства наиболее культурной частью общества являлись духовенство и чиновничество. Членами ВУАК состояли священнослужители, преподаватели (Вятской гимназии, Вятской духовной семинарии, Вятского женского училища), инспектора народных училищ, чиновники (городские головы, земские начальники, председатели уездных земских управ и т.д.). Свое согласие принять участие в работе архивной комиссии выразили директор Вятской гимназии А.Н. Павлов; инспектора народных училищ Вятской губернии Н.И. Асаткин, Н.П. Кибардин, С.И. Колосов, Н.Н. Меншиков, В.К. Смиренномудров, В.Е. Чемоданов, Д.М. Попов; преподаватели Вятского духовного училища А.И. Гомеров и Д.Д. Готовицкий; преподаватели Вятского епархиального женского училища Н.Г. Гусев и А.Н. Меншиков; преподаватели Вятской духовной семинарии С.М. Немерцаев и А.А. Рукин. Из числа священнослужителей в члены комиссии вступили священники Н.Н. Блинов, Г.Е. Верещагин, М.Г. Сергеев; протоиереи А.А. Замятин, А.С. Израилев и другие. Из числа чиновников откликнулись на предложение вступить в члены комиссии председатель Вятского окружного суда Л.С. Драверт, столоначальник Вятской казенной палаты В.Г. Зонов, председатель Елабужской земской управы И.Н. Зубарев, Сарапульский городской голова В.П. Куршаков и ряд других¹⁵⁴.

Всего на момент открытия ВУАК в ее рядах значилось 50 членов, из которых 20 человек были иногородними. Уже через год после открытия комиссии ее численный состав вырос до 95 членов¹⁵⁵, а в отчете комиссии за 1913 г. в ее рядах значилось 119 человек¹⁵⁶. Многие из числа сотрудников Вятского статистического комитета с открытием ВУАК перешли в состав ее членов (А.С. Верещагин, А.Н. и П.Н. Лупповы, И.М. Осокин, Н.И. Золотницкий, Н.Н. Блинов, В.П. Юрьев, С.А. Нурминский, А.А. Замятин, М.С. Косарев и другие).

Члены ГУАК, как и члены других научно-исторических обществ, делились на категории: почетных и действительных членов, членов-соревнователей (кандидатов в члены), членов-сотрудников. Во Владимирской ГУАК выделялась особая категория пожизненных членов комиссии¹⁵⁷. Многие столичные общества принимали в свой состав только лиц определенной профессиональной принадлежности. Научные общества включали в ряды своих членов лиц имеющих ученую степень, специальное образование, наличие печатных трудов. ГУАК не могли позволить себе подобной разборчивости, поскольку в провинциальной среде было крайне мало серьезных специалистов по истории, археологии, археографии. Поэтому в действительные члены ГУАК избирались лица, которые проявляли готовность своими трудами содействовать работе комиссии.

Действительные члены избирались на заседаниях комиссии по предложению одного или двух членов ГУАК и при согласии ее председателя¹⁵⁸. Членами-корреспондентами и членами-соревнователями обычно избирались начинающие ученые, студенты ВУЗов, а также лица, присылавшие какую-либо информацию в комиссию. Наиболее активные из них впоследствии переходили в действительные члены.

«Положение» 1884 г. не предусматривало избрание в состав ГУАК почетных членов, тем не менее, большинство комиссий находили подобную практику необходимой. В почетные члены обычно избирались лица, «стяжавшие общую известность отличными познаниями и заслугами...как в

России, так и за границей; равно оказавшие обществу важные услуги или могущие ему быть полезными по высокому своему положению в государстве»¹⁵⁹. Почетными членами ГУАК становились видные российские историки, профессора Московского, Санкт-Петербургского и Казанского университетов, члены столичных научных обществ, высшие чиновники губернии, архиепископы и епископы. Кроме того, почетными членами избирались и лица, внесшие в ГУАК крупные денежные взносы (не менее 50 рублей). Почетные члены не принимали непосредственного участия в работе ГУАК, но присылали свои работы в библиотеку комиссий, вели с членами ГУАК переписку.

Таблица 2.

Количество почетных и действительных членов ВУАК в разные годы.*

года	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917
Почетные члены	17	21	22	21	24	25	26	29	28	27	26	26	26
Действительные члены	78	62	60	60	76	75	79	83	90	89	94	95	94
Члены-соревнователи		6	6	6	1	1	1	1	1	1			
Члены-сотрудники				1	2	1							
всего	95	89	88	88	103	102	106	113	119	117	120	121	120

*Таблица составлена по отчетам ВУАК.

Как видно из таблицы 2 численность почетных членов не превышала 25% от общего числа членов. В рядах почетных членов ВУАК состояли видные представители русской исторической науки - В.О. Ключевский, И.Е. Забелин, С.Ф. Платонов, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, Е.В. Барсов; филолог академик А.А. Шахматов; антрополог, этнограф и археолог Д.Н. Анучин.

С.Ф. Платонов, в ответ на приглашение вступить в число почетных членов ВУАК, писал: «Получив вчера извещение об избрании меня в число почетных членов Вятской архивной комиссии, я с благодарностью принимаю

лестное избрание и шлю комиссии сердечное пожелание успеха в ее полезной просветительской деятельности»¹⁶⁰. Подобные письма с благодарностью и пожеланиями успехов были присланы многими почетными и действительными членами. (Прил. I, документ 3) Так, архивариус одного из московских архивов, уроженец Вятского края Н.Н. Ардашев писал в комиссию: «В открытии Вятской архивной комиссии я получил как бы личное удовлетворение, так как не раз бывало, что я чувствовал потребность иметь учреждение, с которым можно было поделиться чем-либо насчет Вятского края...комиссия должна иметь как бы нравственное значение, в смысле объединения всех вятчан, рассеянных по разным углам русского царства...пусть комиссия призывает их, а они каждый содействует ей, кто средствами, кто знаниями, кто искусством»¹⁶¹.

Главную роль в деятельности ГУАК играли действительные члены. Действительными членами были не историки-профессионалы, которых в провинции почти не было, а историки-любители, имеющие различный уровень образования и общественное положение. Значительная часть членов ВУАК жила в уездах, а не в г. Вятке. Таким образом, формировалась сеть добровольных помощников в деле изучения истории Вятского края по всей губернии. Членам ВУАК, живущим в уездах, поручалось просматривать местные архивы, составлять описи дел и присылать их в комиссию. Для любителей местной старины, которые жили в отдалении от губернского центра, ВУАК являлась единственной возможностью объединиться в научное общество, публиковать свои работы в «Трудах» комиссии.

Самыми широко представленными социальными группами в ВУАК были духовенство, чиновничество и преподаватели. Были и отдельные представители купечества, врачей, военных и т.д.

Таблица 3.

Социальный состав членов ВУАК.*

	1905	1908	1912	1914
чиновники	19	18	26	28
духовенство	7	11	20	18
преподаватели, директора учебных заведений	12	15	28	19
купцы	1	1	1	1
врачи		1	1	1
военные	1	1	1	1

* Таблица составлена по отчетам ВУАК.

Из таблицы 3 видно, что важнейшей опорой ВУАК являлось духовенство. Белое (приходское) духовенство Русской Православной Церкви являлось важным социальным слоем, так как именно из его среды в XIX-начале XX вв. вышло значительное число профессиональных историков. В 1850 г. с духовенства сняли обязанность учить своих детей в духовных учебных заведениях и предоставили право учиться «по способностям и дарованиям». В 1867 г. духовные семинарии были подтянуты (по уровню образования и финансирования) к гимназиям. В 1869 г. дети священников и церковнослужителей получили право свободно выбирать профессию и поступать на государственную службу. Сыновья священнослужителей пробивали себе дорогу в университеты, особенно много шло в учителя. В Новороссийском университете они заполнили весь выпуск историко-филологического факультета в 1880 г.¹⁶². Дочери священников шли учиться в женские гимназии и на различные женские курсы. Поразительное упорство проявляли дети из бедного духовенства на пути к высшему образованию.

Несмотря на то, что русское духовенство было весьма малочисленным социальным слоем (по России на долю духовенства в 1897 г. приходилось 0,5% населения¹⁶³, а в Вятской губернии в 1893 г. – 0,3%¹⁶⁴, оно стало

важнейшим источником формирования творческой и научной интеллигенции. В России XIX в. наибольшее число образованных людей окончило именно духовные учебные заведения. Во второй половине XIX в. на епархию приходилась примерно одна духовная семинария. Кроме того, именно духовенство в течение всего XIX в. являлось источником для пополнения бюрократического аппарата низшего и среднего уровня.

Духовенство было наследственно грамотным сословием со своими учебными заведениями, архивами, библиотеками. Трудлюбие, жажда знаний, упорство бывших семинаристов в университетах и на государственной службе значительно превосходили детей дворянства. Священники на Руси не только исполняли религиозные функции, но были еще своего рода «регистраторами времени» (делали записи о рождении, браке, смерти), к тому же при приходской церкви существовал архив – все это делало приходского священника сельским историком, влияло на его интересы.

В 1870-х гг. церковные власти вменили в обязанность священников составление церковно-приходских летописей, которые содержали сведения о церкви, ее притче, церковных школах и библиотеках и т.д. Обязанность вести церковную летопись предполагала не только принудительную работу сельского духовенства, но и возможность приложения творческих сил наиболее образованной части духовенства, тем более, что имелась определенная традиция выявления и описания священниками (еще в XVIII–первой половине XIX в.) исторических достопримечательностей и составления местных летописей¹⁶⁵. Привлечение духовенства к историко-археологическим, статистическим наблюдениям способствовало вовлечению их в краеведческое движение. Близость к крестьянским праздникам, традициям превращала священника в определенной мере в этнографа. Таким образом, духовенство являлось «потенциальным сословием историков»¹⁶⁶. Темы их работ касались того, что они хорошо знали: истории местного края, истории церквей, монастырей, описания сел, приходов, быта крестьян.

Именно священники, а, например, не купцы или мещане, оказали поддержку научной деятельности Вятского статистического комитета, а затем и ВУАК.

Одним из наиболее видных деятелей ВУАК был Иван Михайлович Осокин (1864-1921 гг.) – протоиерей Вятского Воскресенского собора, смотритель Вятского духовного училища. На основе его биографии можно проследить особенности формирования любителя-историка из среды духовенства. И.М. Осокин родился 12 января 1864 г. в селе Верхопижемском Котельничского уезда. Все его предки принадлежали к духовному сословию. Отец Осокина был псаломщиком в местной церкви. Это была самая низкооплачиваемая должность в церковном причте, поэтому для прокормления семьи ему приходилось, как любому среднему крестьянину, держать лошадь, корову, птицу и самому обрабатывать земельный участок.

После окончания семинарии в 1885 г. Осокин встал перед выбором: поступить в какой-либо приход или продолжить обучение в духовной академии. Он выбрал получение высшего образования. В своей записной книжке в то время под заглавием «Характеристика духовенства» Осокин давал ему критическую оценку: «Духовенство села Верхопижемского направляло свою заботу ко внешнему благолепию церковному. Стремление похвальное, когда в основании его лежит внутренняя духовная сторона, но, будучи отделено от последнего, оно принимает односторонний и кощунственный характер». Другой отрицательной стороной местного духовенства Осокин называл чрезмерную заботу о приобретении материальных благ «в ущерб народному благосостоянию и здравомыслию»¹⁶⁷.

Уважение к науке, гуманитарная нацеленность системы духовного образования были предпосылкой для обращения многих священников к занятиям историей. Осокин прошел все ступени духовного образования. Учась в Казанской духовной академии, Осокин выбрал историческое отделение. После окончания академии Иван Михайлович, как и многие другие лица, получившие духовное образование, стал заниматься

преподавательской деятельностью. В 1889 г. он стал младшим учителем народного училища в слободе Кукарке. Училище в это время приближалось к своему 50-летию, и Осокин решил написать очерк истории училища на основе материалов, хранящихся в архиве училища и архиве волостного правления. Очерк был издан отдельной брошюрой и остался единственной исторической работой по истории начальных народных училищ Вятского края.

В 1890 г. Осокин уехал в Пермь, где поступил на службу в контрольную палату, а вскоре был назначен Учебным комитетом Синода на должность учителя русского и церковнославянского языков в старших классах Соликамского духовного училища. В 1899-1902 гг. Осокин был переведен на ту же должность в Пермское духовное училище. Вскоре Осокин стал членом Пермской ГУАК. Именно в Перми Осокин начал разработку своей исследовательской темы, которой посвятил большую часть жизни. Этой темой стала история жизни и деятельности Трифона Вятского чудотворца. Осокин скрупулезно изучал все, что было связано с деятельностью Трифона, объехал и осмотрел все места в Пермской губернии, связанные с деятельностью Трифона, записал рассказы местного населения.

Вступив на путь исследовательской деятельности, Иван Михайлович начал переписку с А.С. Верещагиным и Н.А. Спасским. Именно им Осокин отправлял свои первые статьи на просмотр и отзывы. А.С. Верещагин писал Осокину в феврале 1902 г.: «Статью Вашу, милый Иван Михайлович, о пермских подвигах преподобного Трифона прочитал я с великим удовольствием и...в течение двух дней перечитывал я снова с особым вниманием. Главное, что я всегда ставил на первое место – они доказательны»¹⁶⁸. Между тем в Пермском духовном училище для Осокина складывалась неблагоприятная атмосфера, и он вынужден был переехать в Вятку и принять духовный сан. В 1902 г. Осокин стал протоиереем и настоятелем Воскресенского собора в Вятке, а в 1906 г. получил еще и место смотрителя Вятского духовного училища¹⁶⁹.

В члены ВУАК Осокин вступил с момента ее открытия и сразу начал активно разрабатывать свою научную тему – историю жизни Трифона Вятского. Особенно много Иван Михайлович работал в преддверии празднования 300-летия со дня кончины преподобного Трифона. Им был подготовлен к печати юбилейный выпуск «Трудов», посвященный Трифону. В этом выпуске Осокин поместил составленный им «Указатель литературы о преп. Трифоне и основанных им монастырях», опубликовал ранее неизвестную рукопись Жития Трифона, а также несколько своих статей, посвященных Трифону Вятскому: «Исторический очерк почитания преп. Трифона Вятского Чудотворца», «Значение преп. Трифона в истории Вятского края», «Последние дни жизни преп. Трифона», «В каком году скончался преп. Трифон?». И.М. Осокин являлся инициатором создания Трифоновского церковно-археологического музея. В 1915 г. он создал при Вятском епархиальном братстве «Кружок любителей церковной старины».

А.Н. Луппов, сравнивая жизнь и деятельность И.М. Осокина и преп. Трифона, писал, что между ними много общего: как Трифон, так и Осокин по своей деятельности принадлежали столько же Перми, сколько и Вятке. Первая половина их деятельности прошла в Перми, а вторая более плодотворная и значимая в Вятском крае¹⁷⁰.

Во многом ВУАК опиралась на преподавателей учебных заведений Вятки. Начиная с 1860-х гг., шел интенсивный процесс формирования провинциальной интеллигенции. Именно в это время термин «интеллигенция» приобрел социологический смысл и стал обозначать часть общества. В.Р. Лейкина–Свирская в своей монографии «Интеллигенция в России во второй половине XIX в.» отмечала, что тот период в либеральных кругах под интеллигенцией понимались «люди образованные, поборники реформ и постепенных форм развития»¹⁷¹. Видную роль в обществе стали играть разночинцы, быстро шел процесс демократизации знаний. С этого времени именно разночинцы начали задавать тон русской интеллигенции.

Широкой основой местной интеллигенции было учительство. В Вятской губернии в 1875 г. значилось 603 народных училища с 997 преподавателями¹⁷². Наиболее образованная часть учительства была подготовлена к научно-исследовательской деятельности. Целью их работы в ГУАК являлся выход творческой инициативы. Немало творческих личностей было среди преподавателей духовных семинарий и духовных училищ близких по образу жизни и образованию к духовенству. Для многих преподавателей занятие краеведением могло быть полезным для продвижения по служебной лестнице. Кроме того, научная работа становилась престижной.

Большое количество членов ВУАК было выходцами из разночинной интеллигенции (из бывших семинаристов, мещан, мелких чиновников, которые благодаря своему уму вышли во врачи, преподаватели, священники): А.С. Верещагин, А.А. Спицын, П.Н. Луппов, А.А. Замятин, Н.Н. Блинов, Л.Н. Спасская.

Александр Степанович Верещагин (1835-1908 гг.) родился в семье дьячка Воскресенской церкви г. Уржума. Учился он сначала в Вятской духовной семинарии, а затем в числе трех лучших выпускников семинарии был направлен на учебу в Казанскую духовную академию. Лица, окончившие академию, становились преподавателями семинарий и гимназий, священниками, чиновниками в губернском правлении и даже редакторами губернских газет. В академии Верещагин увлекся историей, чему во многом способствовало появление нового преподавателя русской истории - А.П. Щапова. Местная история провозглашалась Щаповым важнейшим предметом в русской истории. Эту установку А.С. Верещагин пронес через всю свою жизнь. В 1858 г. Александр Степанович закончил академию со званием кандидата богословия и был направлен преподавателем истории в Самарскую семинарию. В 1860 г. Верещагин перевелся учителем латинского языка в Вятскую семинарию, а в сентябре 1882 г. Александр Степанович ушел из семинарии на должность смотрителя Вятского духовного училища.

В 1864 г. Верещагин стал действительным членом Вятского губернского статистического комитета, который долгое время являлся единственным центром краеведческой работы в Вятском крае. В 1887 г. Верещагин вышел в отставку согласно личной просьбе «по расстроенному здоровью» со смотрительской пенсией, обеспечивающей скромное существование. С этого времени Верещагин всю свою энергию отдал делу изучения истории Вятского края.

Прежде чем начать писать историю Вятского края, Верещагин считал нужным создать очищенный от домыслов, научно обоснованный свод источников по местной истории. Верещагину принадлежит публикация целой серии критически проверенных документов по истории феодальной Вятки XIV-XIX вв. Он написал большое количество тщательно документированных статей по самым разным проблемам местной истории. Одной из его тем стало развитие просвещения на Вятке, особенно интересны его работы, посвященные истории Вятской семинарии: «Краткий очерк Вятской духовной семинарии», «Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии» и другие. Много работ написал А.С. Верещагин по церковной истории Вятского края: «Первый епископ вятский Александр (1658-1674 гг.)», «Алексий Титов, архиепископ Вятский (1719-1733 гг.)».

Другой важной темой работы Верещагина стал вопрос о первоначальном заселении Вятки русскими. На VII археологическом съезде, проходившем в Ярославле в августе 1887 г., Верещагин сделал доклад «Заселена ли была Вятка новгородскими выходцами в XII веке?» В данном докладе Александр Степанович опроверг прочно установившееся в науке мнение, что Вятка была заселена русскими еще в XII в. Мнение это, подкрепленное авторитетом С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, было непререкаемым в науке и основывалось на показании «Вятского летописца». Тщательно изучив все русские летописи, Верещагин дал свою версию заселения Вятки. Эта тема долгие годы являлась предметом научных изысканий Верещагина.

А.С. Верещагин был одним из основателей ВУАК и самым активным ее сотрудником. Являясь товарищем председателя комиссии и редактором «Трудов ВУАК» вплоть до самой своей смерти в декабре 1908 г., он возглавлял и направлял всю работу ВУАК, входил во все мелочи своего любимого дела, всесторонне заботился о деятельности комиссии (от научной работы до бытовых мелочей). Именно Верещагин определил основные направления деятельности комиссии, поставив во главу угла издание «Трудов» комиссии. Главным достоинством «Трудов ВУАК» являлась публикация подлинных, старинных документов, многие из которых имели первостепенное значение для изучения истории края. Верещагин завязал контакты с авторитетными научными учреждениями России (Русским Археологическим обществом, Казанским и Московским университетами), а также с другими ГУАК.

Видным членом ВУАК был Николай Александрович Спасский (1846-1920 гг.). Он родился в семье вятского чиновника. Высшее образование Спасский получил на физико-математическом факультете Казанского, а затем Петербургского университетов. Уже в студенческие годы Спасский тяготел к научно-исследовательской работе. После окончания университета он планировал заняться педагогической деятельностью, а в перерывах между преподаванием изучать историю родного края. Но жизнь сложилась иначе. В начале 1870-х гг. Вятский губернатор В.И. Чарыков подыскивал подходящего кандидата на должность секретаря Вятского статистического комитета. По сложившейся традиции он желал взять на эту должность молодого человека, обладающего выдающимися способностями в области истории и статистики. Губернатору порекомендовали на это место Спасского как человека не по годам серьезного и отличающегося большой любовью к науке. Таким образом, 9 октября 1872 г. Спасский приступил к работе в статкомитете, где и трудился вплоть до 1916 г. Кроме главной обязанности секретаря, Спасскому было поручено взять на себя редактирование неофициального отдела «Вятских губернских ведомостей». Около молодого

секретаря начали объединяться местные исследователи, желающие работать в области изучения истории, этнографии, археологии и статистики родного края.

21 ноября 1873 г. Н.А. Спасский был единогласно принят в действительные члены Вятского статистического комитета¹⁷³. Важным событием в жизни Вятского края было празднование в 1880 г. 100-летнего юбилея образования Вятского наместничества, как самостоятельной административной единицы, а в 1896 – столетия Вятской губернии. В ознаменовании этой даты Вятский статистический комитет выпустил сборник в двух томах «Столетие Вятской губернии» с приложением третьего тома под названием «Древние акты, относящиеся к истории Вятского края». В составлении сборника участвовали многие деятели статкомитета (А.С. Верещагин, Н.П. Бехтерев, Н.Н. Романов, С.А. Нурминский, А.А. Андриевский, А.А. Спицын), редактором сборника был Н.А. Спасский. Данный сборник заключал в себе массу исторического материала, извлеченного из местных архивов, был снабжен картой Вятского наместничества и рисунками гербов всех уездов губернии. Спасский не только являлся редактором сборника, но он был и одним из авторов. В первом томе помещалась его обширная статья (80 страниц) «Постепенное развитие внешнего вида города Вятки и занятия его населения». В этой статье Спасский подробно рассматривал основание города, его застройку, проанализировал название - Хлынов, описал внешний вид ряда зданий. Вторая часть статьи была посвящена занятиям местного населения: Спасский рассказал о развитии ремесел на Вятке, о фабриках, основанных в XVIII-XIX вв.

Известный археолог А.А. Спицын писал по поводу сборника: «Работа эта исполненная счастливым вдохновением и сплотившая всех наличных местных работников, была на долгое время особой гордостью редактора. Издание имело хороший успех, но сам руководитель его, по обыкновению, скромно оставался в тени»¹⁷⁴.

Указом Сената от 11 февраля 1891 г. Спасский за выслугу лет был произведен в статские советники и в этом же году приказом по ведомству МВД за №9061 назначен старшим советником Вятского губернского правления¹⁷⁵. С 1892 по 1903 гг. с небольшими перерывами Спасский по постановлению губернского правления исполнял должность вице-губернатора.

Н.А. Спасский являлся одним из организаторов ВУАК и был избран ее председателем. Однако уже в сентябре 1905 г. Николай Александрович от председательствования отказался по состоянию здоровья. В 1909 г. Спасскому пришлось взять на себя обязанности товарища председателя комиссии, а в 1917 г. вновь стать ее председателем.

Краткие сведения о некоторых членах ВУАК (Н.Н. Блинове, П.Н. Луппове, А.А. Спицыне, Л.Н. Спасской и других) можно найти в прил. III.

Таким образом, опорой вятского краеведения являлось духовенство и учительство. Хотя членами ВУАК значились многие чиновники различных рангов, но реального участия в научной работе комиссии они не принимали. Их деятельность сводилась к оказанию различной помощи ВУАК: предоставление доступа в подведомственные им архивы, пересылка в ВУАК необходимых документов для научной обработки, внесение денежных средств на нужды комиссии.

Передовые деятели ВУАК были разными людьми, не похожими друг на друга, но их объединяла увлеченность краеведческой работой, любовь к родному краю, стремление собрать как можно больше исторических и этнографических сведений, показывающих роль Вятки в ходе общероссийской экономической, социальной и культурной жизни.

Глава II. Деятельность Вятской ученой архивной комиссии по изучению истории Вятского края.

2.1. Деятельность ВУАК по созданию и комплектованию исторического архива.

Согласно «Положению» 1884 г. формирование губернских исторических архивов провозглашалось основной задачей при учреждении ГУАК. Подобная установка встретила живой отклик в среде провинциальных историков, которые в полной мере осознавали необходимость незамедлительных мер по спасению документального материала.

С.И. Кедров писал об отношении к архивам в России следующее: «В большинстве образованного общества на архивы и на занятия архивными работами смотрели как на дело мертвое, чуждое всякого практического значения; на архивных чиновников, как на жалких крыс, роящихся на чердаках и подвалах, в отжившем хламе бумажного делопроизводства; на громадные тюки и связки старых дел, как на ненужный хлам»¹.

Не только ужасающие условия хранения документов вызывали негодование со стороны людей науки, но и невозможность свободного доступа к архивным материалам для исследовательской работы. Член ВУАК В.Д. Емельянов писал: «Мало пользы от существования архива, если он все время под замком. Ничей любопытный глаз не проникнет туда, заведующий тяготится его существованием, так что в результате он обречен на гниение и съедение мышами»².

Вместе с тем, жизнь общества могла быть понята только посредством изучения прошлого, а потому среди научной общественности постепенно появилось сознание необходимости охраны исторических памятников, их описания и разработки. В то время как в Западной Европе новый взгляд на архивы как на учреждения имеющие научное и практическое значение сложился еще в начале XIX в., что совпало со временем роста исторических

исследований после Французской революции, в России продолжало господствовать равнодушное отношение к судьбам отечественных архивов. Тем не менее, во второй половине XIX в. появилось стремление, хотя и одиночных деятелей, вывести архивы из того плачевного состояния в каком они находились.

Непременный секретарь Академии Наук генерал-лейтенант Н.Ф. Дубровин на собрании Русского исторического общества, говоря о важности документального материала для исторической науки, подчеркивал что «история России невозможна без помощи официальных документов, хранящихся в архивах, и ее успех в значительной степени зависит от хорошего устройства архивов, от большей или меньшей приспособленности их к ученым занятиям»³.

Важное значение имела сформулированная директором Археологического института И.Е. Андреевским концепция единения всех архивов «в масштабе отдельной страны, а впоследствии и целого мира с целью обеспечения всеобщих научных работ»⁴. Андреевский разработал проект централизации архивов. Суть его заключалась в четком разделении всех архивов на текущие и исторические, причем текущие полностью исключались из проектируемой системы централизации. «Было бы излишним стягивать архивы эти в центральное управление, - писал Андреевский, - самое устройство и способы улучшения должны находиться в руках ведомства»⁵. Ученый положительно характеризовал проект Н.В. Калачова, но сомневался в возможности и необходимости центрального управления всеми архивами. Данное положение составляло главное отличие проекта Андреевского от аналогичных предложений Калачова.

Во всех губернских городах, по мысли Андреевского, должны были создаваться исторические архивы. Выполнение этого мероприятия возлагалось на ГУАК. В то же время автор критиковал архивные комиссии за чрезмерное увлечение «научной» деятельностью в ущерб основной задаче – созданию губернских исторических архивов⁶.

Первое обсуждение проекта Андреевского состоялось на заседании Археологического института 28 апреля 1888 г., где он был полностью одобрен. В 1890 г. проект был подан на рассмотрение в министерство народного просвещения. Но здесь началась обычная в таких случаях министерская волокита. В мае 1891 г. автор проекта скончался, а новый директор Археологического института А.Н. Труворов в ответ на запрос министерства дал отрицательный отзыв о проекте, что окончательно определило судьбу проекта. Проект Андреевского был примечателен прежде всего тем, что заполнил период, когда вместе со смертью Н.В. Калачова закончилось «калачовское архивное дело», а борьба Д.Я. Самоквасова за архивную реформу еще не началась.

Вопрос о необходимости проведения архивной реформы регулярно поднимался на Всероссийских археологических съездах. Так, на VIII съезде с докладом выступил А.Н. Львов (сотрудник Н.В. Калачова по разработке проекта архивной реформы). В своем выступлении он проанализировал деятельность ГУАК, на основании чего сделал вывод о том, что комиссии не могут обеспечить архивы от гибели, в силу ограниченности их полномочий и отсутствия достаточной материальной базы. В заключение он предложил делегатам съезда возбудить перед правительством ходатайство о пересмотре всего архивного законодательства⁷.

В истории архивного дела особое место принадлежит XI и XII археологическим съездам. С ними были связаны наиболее активные и хорошо подготовленные попытки научной общественности воздействовать на правительство с целью централизации архивного дела. Так в программу XI съезда было внесено 17 вопросов, касающихся архивного дела. Центральное место занял проект архивной реформы, подготовленный профессором Д.Я. Самоквасовым. Актуальность проблемы ощущалась большинством участников съезда. Проект Самоквасова выражал идею централизации архивного дела. В отличие от проекта Калачова, идея централизации архивов у Самоквасова была проведена более

последовательно, особенно, что касается центрального органа управления архивами. Если Н.В. Калачов предлагал создать этот орган в системе министерства народного просвещения, то Д.Я. Самоквасов настаивал на его самостоятельном вневедомственном положении и прямом подчинении государственному совету. Самоквасов предусматривал более широкие права архивного управления, которому должны были подчиняться все исторические архивы, в то время как по проекту Калачова главная архивная комиссия должна была входить в сношения с архивами через министерства⁸.

Члены специальной комиссии, образованной в ходе XI съезда для рассмотрения проекта Самоквасова, (А.Н. Львов, Д.И. Багалей, Н.В. Покровский, М.В. Довнар-Запольский и ряд представителей ГУАК) выработали свой проект централизации архивов. Проект предусматривал разделение всех архивов на три ступени. Высшей ступенью являлся центральный государственный архив, в котором должны были сосредотачиваться материалы высших государственных учреждений до 1825 г., за исключением тех, где были свои благоустроенные архивы. В 12 крупнейших губернских городах планировалось создать центральные областные архивы для хранения документов провинциальных учреждений до 1775 г. В остальных губернских городах устраивались центральные губернские архивы, в которых предполагалось хранить дела от 1775 г. до дел 25-летней давности⁹.

В ходе обсуждения и переработки, проект Самоквасова был принят. Делегаты XI съезда подали ходатайство о рассмотрении проекта в МВД и началась министерская волокита. Поскольку никаких сведений о судьбе проекта не поступало, то в 1902 г. этот вопрос вновь был поставлен на XII археологическом съезде. Д.Я. Самоквасов изложил проект реформы архивного дела в новом упрощенном виде. Он отказался от организации областных архивов, против которых выступали представители ГУАК, и ограничился предложением создать Центральное архивное управление и 90 центральных губернских архивов¹⁰. Важным элементом реформы Самоквасов

называл строительство специальных зданий под архивы. По его подсчетам, постройка одного такого здания обошлась бы правительству в 100 тысяч рублей.

Кроме того, проект предусматривал создание кафедр архивоведения в Москве и Киеве. «Пока в России не будет серьезно организовано преподавание архивоведения, - говорил Самоквасов, - до тех пор в нашем архивном деле будут господствовать варварские порядки, грозящие в недалеком будущем повсеместным расхищением и уничтожением источников научных знаний»¹¹. В то же время, Самоквасов выступал категорически против подготовки архивистов в Петербургском археологическом институте, считая его «бесполезным элементом в общей архивной службе», поскольку он был создан в системе общественной архивной службы, нигде больше в мире не существующей, – в системе ГУАК.

Как и на предыдущем съезде, предложения Самоквасова вызвали горячие споры. Так, с критикой выступили многие лица: от академика А.С. Лаппо-Данилевского и профессора С.Ф. Платонова до лидера кадетов П.Н. Милюкова, который публично обвинил Самоквасова в архивном невежестве. Не последнюю роль в подобном отношении играли личные качества Самоквасова. Его воззрения отличались категоричностью и безапелляционностью. Во многом категоричность натуры Самоквасова определил следующий факт его биографии: в шестнадцатилетнем возрасте Самоквасов узнал от отца, что при очередной проверке законности дворянских прав соответствующие документы не были найдены в архиве, и его семья оказалась вычеркнута из книги Черниговского дворянства¹². Это событие определило дальнейшую судьбу Самоквасова. Вся его научная деятельность была направлена на упорядочение архивного дела в России.

На отношениях Д.Я. Самоквасова с членами ГУАК во многом сказались личные мотивы, а также опасения бюрократизации архивного дела. Члены ГУАК были оскорблены критикой Самоквасова в свой адрес, поскольку тот

обвинял деятелей архивных комиссий в уничтожении архивного материала, в разрушении исторически сложившихся архивных фондов.

Председатель Пермской ГУАК В.С. Малченко выразил мнение многих деятелей архивных комиссий: «Централизация в архивном деле нужна, но зачем непременно бюрократическая? Почему не заняться развитием и объединением трудов архивных комиссий, а непременно создавать чиновников»¹³. На Тверском областном археологическом съезде Малченко детально изложил свои взгляды на деятельность ГУАК. Он считал, что поскольку в России есть нужды «посерьезнее архивного дела», то реформу можно осуществить на почве ГУАК, обеспечив их субсидиями от казны, оборудованными под архивы помещениями и служебным персоналом¹⁴. Малченко отстаивал независимость деятельности ГУАК и указывал, что Н.В. Калачов, полагая «ученую объективность, полноту и беспристрастность лучшим залогом успешной деятельности комиссий, исходатайствовал им не власть, а именно независимое положение, устраняющее силу извне и постороннее давление»¹⁵.

МВД отказалось от реализации проекта Д.Я Самоквасова. Признав его осуществление наиболее удачным способом переустройства архивного дела, министр внутренних дел В.К. Плеве указал, что «чрезвычайная его сложность и вызываемые им миллионные затраты потребовали бы для его осуществления десятки лет, в продолжение которых в большинстве губерний продолжалось бы прежнее нестроение»¹⁶. Окончательно судьбу проекта Д.Я Самоквасова решило министерство финансов, заявив, что казна не имеет возможностей субсидировать проведение архивной реформы.

После XII съезда широких проектов архивной реформы больше не выдвигалось, хотя тяжелое положение архивов неоднократно становилось предметом обсуждения. Так на XIII и XIV съездах много говорилось о частных архивах, о необходимости их изучения и спасения от гибели.

Компромиссным стал разработанный сотрудником Петербургского археологического института А.В. Селивановым проект учреждения

центральных губернских архивов¹⁷. Он предложил создать при непосредственном участии ГУАК местные центральные архивы для хранения дел губернских, уездных и волостных учреждений. Во главе архивов поставить особый архивный комитет под председательством губернатора в составе представителей ГУАК, а также различных правительственных и общественных учреждений. Селиванов не касался создания центрального органа по управлению архивами, сосредоточив внимание на проблемах урегулирования отношений ГУАК с местной администрацией. Русское археологическое общество охарактеризовало проект Селиванова как попытку компромисса между позициями Самоквасова и архивных комиссий¹⁸.

Исходя из «Положения» 1884 г. о том, что именно ГУАК должны заниматься переустройством архивов в России, МВД запросило ряд учреждений и ученых обществ о возможности упорядочения архивного дела с помощью архивных комиссий. Из 11 ученых обществ, которые ответили на запрос МВД, только Петербургская археологическая комиссия признала деятельность ГУАК непригодной для проведения архивной реформы, а работу ГУАК назвала «неудовлетворительной»¹⁹.

МВД в 1905 г. созвало специальную вневедомственную комиссию, подобную калачовской, и поставило перед ней вопрос об охране не только письменных, но и вещественных памятников. Комиссия составила проект о создании особого органа - «комитета по охране древностей», куда вошли бы представители от ведомств, ученых обществ, археологических съездов. Комитету должны были быть подчинены все местные организации, причастные к собиранию и охранению памятников древности, в том числе и ГУАК. Проект об учреждении комитета по охране древностей был внесен в Государственную думу только в 1911 г.

Таким образом, вторая половина XIX-начало XX вв. ознаменовались разработкой различных вариантов реорганизации архивного дела в России. Большое значение имели проекты архивных реформ, разработанные такими

учеными, как Н.В. Калачов, Д.Я. Самоквасов, в которых они пытались претворить в жизнь централизацию архивов.

ГУАК по существу были единственными архивными учреждениями на местах, которые призваны были заниматься собиранием, образованием и хранением исторических архивов в дореволюционной России. К необязательным задачам ГУАК относилась научная обработка документов исторического архива, публикация их в периодических изданиях комиссии.

Отбор дел для исторического архива производился путем просмотра описей предназначенных к уничтожению дел, присылаемых из различных учреждений. В связи с тем, что ГУАК существовали не во всех губерниях, их деятельность по просмотру описей распространялась на территории соседних губерний, а иногда и весьма отдаленных областей. Например, Черниговская комиссия получала описи из Минской, Киевской, Подольской и Волынской губерний, Ярославская – из Вологодской и Архангельской²⁰. До открытия ВУАК описи дел из учреждений Вятской губернии отсылались на просмотр в Пермскую и Нижегородскую комиссии. По мере создания новых ГУАК, список областей, попадавших в сферу деятельности той или иной комиссии, пересматривался.

Просмотр описей дел из других губерний не приветствовался членами ГУАК. Они справедливо полагали, что отбор дел невозможен без знакомства с историей края. Архивный материал, безусловно важный для местных любителей истории, мог показаться историкам других губерний не имеющим значения. В адрес Калужской ГУАК, например, приходили описи из Царства Польского, хотя ни один из членов данной комиссии не владел польским языком²¹.

В связи с этой проблемой делегаты XI археологического съезда просили Московское археологическое общество ходатайствовать перед министерствами финансов и государственных имуществ о том, чтобы подведомственные им учреждения не отсылали документы в отдаленные

ГУАК, минуя собственные комиссии. Не смотря на это, данная практика имела место на протяжении всей деятельности ГУАК.

Просмотр описей давал лишь самое общее представление о характере документов, гораздо результативнее было знакомство с самими делами в архивах учреждений. Однако ряд факторов мешал этому. Так, существовала неопределенность в вопросе, с какими учреждениями приходилось иметь дело ГУАК. Узаконения на этот счет существовали только по отношению к казенным палатам и губернским правлениям, но и они отсылали описи в ГУАК нерегулярно. Другие ведомства не имели обязательств отправлять описи уничтожаемым делам на просмотр ГУАК.

В связи с этим некоторые комиссии ограничивались просмотром описей казенных палат и губернских правлений (Черниговская, Полтавская, Пензенская, Курская и другие). Другие комиссии расширяли сферу своей деятельности. Так, Пермская ГУАК просматривала описи дел из местного лесничества, Уральского горного правления, военной команды. ВУАК просматривала описи дел, присылаемые из губернского правления, окружного суда, казенной палаты, управление государственных имуществ, контрольной палаты, уездных земских и городских управ, уездных казначейств, волостных правлений, от губернского землемера, Вятского сиротского суда и от частных лиц. Возможность работы в ведомственных архивах для членов ГУАК находилась в прямой зависимости от взаимоотношений архивных комиссий с местной администрацией. Наличие среди членов комиссий местного губернатора, вице-губернатора и других высших чиновников облегчало доступ сотрудников комиссий в архивы.

Вопрос об отношениях ГУАК с ведомственными архивами неоднократно поднимался на археологических съездах. Так, на VIII съезде (1890 г.) представитель Таврической комиссии Ф.Ф. Лашков обратил внимание на неурегулированность этих взаимоотношений, в силу чего деятельность ГУАК по созданию исторических архивов не могла быть плодотворной: «Архивные комиссии существуют сами по себе, а учреждения

и их архи сами по себе, они не имеют той внутренней связи, которая должна существовать между ними, как частями одного целого»²². Лашков подчеркивал необходимость предоставления ГУАК беспрепятственного доступа для занятий в архивах губернских и уездных учреждений.

В 1911 г. за реорганизацию архивного дела взялось Русское историческое общество (РИО), опиравшееся на указание Николая II о том, чтобы «Общество подумало и разработало меры, необходимые для сохранения местных архивных материалов». Общество избрало особую подкомиссию, на которую возлагалось: «приведение в ясность положения местных правительственных архивов и находящихся в них исторических материалов; разработка мер к сохранению тех исторических документов, которые нуждаются в охране»²³.

Для изучения положения местных архивов особая комиссия при РИО направила в адрес 27 ГУАК и 12 местных ученых обществ обращение с предложением приступить к обследованию провинциальных архивов, а также просила ГУАК «высказывать свои замечания или пожелания по делу охраны и благоустройства архивов»²⁴.

В 1912 г. постановлением Совета министров все ГУАК передавались из ведения Петербургского археологического института в подчинении Особой комиссии по сохранению местных архивных материалов. Особая комиссия при РИО в результате анкетирования, проведенного ГУАК, получила сведения о 2500 местных архивов, то есть о 1/12 части существовавших в губерниях архивохранилищ. Сведения подтвердили картину тяжелого состояния архивного дела в России. В то же время, профессор С.М. Середонин заметил, что «вырисовывающаяся из цифр картина скорее лучше действительности. Что значит, что архивы удовлетворяют своему назначению? Вероятно, что делам не угрожает ни огонь, ни сырость, что помещения отапливаются»²⁵. Особенно печальным было то, что архивы продолжали гибнуть, несмотря на наличие ГУАК. Из 2.00 архивов лишь 900 имели пригодные помещения, а 500 находились в совершенно

несоответствующих помещениях. Многие ГУАК указывали в отчетах на острый недостаток денежных средств и отсутствие полномочий, что отрицательно отражалось на их деятельности по спасению архивных материалов.

Для того чтобы как-то поддержать ГУАК в их деятельности по обследованию и приведению в порядок местных архивов, РИО выхлопотало у правительства в 1913 г. единовременную субсидию в размере 2.000 рублей для 7 ГУАК. В 1915 г. такую же субсидию получили 9 комиссий. В числе прочих ГУАК субсидии получала и ВУАК. Эти деньги должны были способствовать развитию архивного дела в провинции. Комиссии должны были использовать эти средства на обследование положения архивов, их описания, публикацию ценных документов. Однако, в связи с обстоятельствами военного, а затем революционного времени, комиссии не могли использовать это пособие на всестороннее обследование положений архивов.

28 февраля 1912 г. ВУАК получила отношение РИО, уведомляющее, что «Государю Императору благоугодно было повелеть названному Обществу обсудить меры к сохранению местных архивных материалов и выработать по сему предмету предположения». Отвечая на вопросы, присланные Особой комиссией, ВУАК писала, что более всего нуждались в охране архивы бывших духовных правлений, размещенные в случайных местах. Высказали члены комиссий и свои соображения относительно благоустройства и охраны архивов: «Полезно образовать на местах в каждом уезде особые специальные органы, например комиссии или попечительства, которые имели бы ближайшей целью наблюдение за сохранением исторических материалов»²⁶. В состав данных органов члены ВУАК предлагали ввести гласных от городских и земских учреждений, поскольку им было бы легче узнавать информацию о памятниках старины и изыскивать средства на их охрану.

Для выполнения поручения РИО по обследованию местных архивов ВУАК на заседании 23 августа 1913 г. избрала подкомиссию в составе

И.М. Осокина, К.Н. Литовченко, В.А. Мышкина, В.И. Шабалина. Они должны были собирать сведения об архивах Вятской губернии как существующих, так и упраздненных учреждений²⁷. Для этого в печати было опубликовано письмо ко всем правительственным и общественным организациям с просьбой предоставлять ВУАК сведения по своим архивам. Опросные листы (анкеты), на основании которых необходимо было дать описание своих архивов, были напечатаны в газетах. В ходе анкетирования, проходившего в 1913-14 гг. выяснилось, что в наиболее благоприятном положении находились архивы земских и городских управ. Обычно они размещались в зданиях земств и городских управ, по большей части каменных. Данные помещения в основной своей массе были сухими, отапливаемыми. Дела хранились на полках в связках и по ним были составлены описи. Чиновники регулярно производили разбор документов для приведения их в порядок. В данных архивах хранились в основном дела, начиная с XIX в. (архивы Котельнической и Уржумской городских управ), а в архивах Вятской, Елабужской и Малмыжской городских управ хранились дела, начиная со второй половины XVIII в. Количество дел в архивах колебалось от 3 тысяч дел (архив Слободской земской управы) до 28 тысяч дел (архив Глазовской земской управы). Обычно данными архивами заведовал один из служащих управы (регистратор или секретарь)²⁸.

Хуже обстояло дело с материальным обеспечением архивов. Так, из 17 архивов уездных земских и городских управ только в четырех предусматривалась материальная поддержка. Например, Сарапульская управа выделяла на содержание своего архива 480 руб. в год, Нолинская управа выделяла 300 руб., Глазовская и Елабужская управы – по 180 руб. в год.

Положение архивов волостных правлений было также удовлетворительным. Архивы располагались в зданиях волостных правлений, количество дел колебалось от 1 до 3,5 тысяч, архивами

заведовали волостные писари. Однако деньги на содержание данных архивов не выделялись²⁹.

Свои ответы о положении архивов присылали и судебные органы Вятской губернии (Вятский городской сиротский суд, полицейские управления, уездные суды)³⁰. Архивы данных учреждений располагались в основном в каменных и полукаменных зданиях. Архивы обладали большим количеством дел (в среднем от 50 до 150 тысяч). Центральный архив упраздненных судебных мест Вятской губернии насчитывал 315 тысяч дел. Деньги на содержание архивов не выделялись за несколькими исключениями. Орловский уездный суд выделял на свой архив 120 руб. в год, а архив судебных мест Вятской губернии получал на канцелярские расходы 500 руб. в год. Дела в данных учреждениях практически не уничтожались. Однако разбор их производился редко, а описи были составлены не по всем делам.

Основная масса уездных архивов находилась в плачевном состоянии. Документы хранились в помещениях совершенно не пригодных для этой цели, а дела уничтожались без разбора и составления описей.

ВУАК обратилась к своим членам и сотрудникам, живущим в уездах, с призывом заняться обследованием и описанием местных архивов, в том числе и частных³¹. ВУАК выразила готовность принять в свой архив или ходатайствовать перед местными учреждениями о перевозке в их помещения важных дел из тех архивов, которым грозила непосредственная гибель. Кроме того, принимая во внимание тяжелое положение некоторых архивов (архивов бывших духовных правлений Слободского, Сарапула, Елабуги), ВУАК обратилась в Вятскую духовную консисторию с просьбой описания и обследования данных архивов членами комиссии³².

Получив в 1913 и 1915 гг. субсидии на организацию обследования местных архивов, ВУАК использовала данные средства на издание в «Трудах ВУАК» храмозданных грамот (грамот на построение храмов), на оплату командировок своих членов. В 1914, 1915, 1916 гг. И.М. Осокин по

поручению ВУАК совершил три поездки по губернии с целью ознакомления с архивами волостных правлений, церквей и монастырей. Так, в ходе поездки в апреле-июле 1915 г. Осокин осмотрел 17 церквей, 8 часовен и 5 волостных правлений Яранского и Котельничского уездов. Летом 1916 г. он обследовал архивы бывших духовных правлений Кукарки, Нолинска, Уржума, Малмыжа, Елабуги, Сарапула, а также осмотрел архивы Покровского и Успенского монастырей в Кукарке. Осокин ознакомился с церковными архитектурными памятниками, древними иконами, церковной утварью. Во время экскурсий Осокин не только знакомился с положением архивов, но и принимал меры по спасению ценного материала. Например, в июне 1916 г. по его просьбе в Вятку было перевезено 52 пуда архивных дел³³.

Система комплектования исторических архивов при ГУАК имела ряд существенных недостатков. Во-первых, учреждения направляли в ГУАК лишь описи дел из числа предназначенных к уничтожению, в то время как гораздо больше интересных дел заключалось в числе оставленных на хранение. Подобное положение дел суживало деятельность ГУАК, поскольку большая часть дел, которая по самому замыслу исторических архивов должна была храниться в них, оставалась при учреждениях.

Во-вторых, путь поступления дел, затребованных комиссией для своего архива, был сложен. Например, согласно правилам хранения и уничтожения решенных дел в Казенных палатах от 1915 г., управляющие должны были направлять перечни затребованных комиссиями дел на утверждение в общую канцелярию министерства финансов. В случае необходимости, последняя требовала согласия департаментов государственного казначейства, окладных сборов и других, и только после этого давала разрешение на передачу испрашиваемых документов в ГУАК³⁴.

В-третьих, не смотря на требования министерств высылать в адрес ГУАК подробные описания содержания дел, учреждения и ведомства чаще всего ограничивались краткими описями. Чиновники какого-либо ведомства, составляя описи дел, далеко не всегда утруждали себя прочтением всего

дела. Чаще они ограничивались ознакомлением с первой страницей документа или вовсе составляли описи по одним заголовкам дел. Такие описи не только не раскрывали содержание документа, но зачастую давали неверные сведения о нем. Следовательно, заключения членов ГУАК о важности тех или иных документов носили лишь приблизительный характер.

Данная проблема неоднократно обсуждалась на заседания куратора ГУАК – Российской Академии наук. Так, на заседании историко-филологического отделения Академии наук 25 января 1912 г. академик А.С. Лаппо-Данилевский подчеркивал, что «просмотр описей не дополняемый в случае нужды просмотром самих дел, может наносить некоторый ущерб образованию местных архивов»³⁵.

Однако основная масса ГУАК отбирали дела для своих архивов исключительно по одним только описям. Лишь некоторые комиссии практиковали просмотр самих дел. Члены ВУАК также сначала просматривали присланные описи, отмечали заслуживающие внимание дела, а затем, получив данные дела от учреждений, подвергали пересмотру. Таким образом, единообразия в отборе дел для исторических архивов при ГУАК не существовало.

По-разному в комиссиях обстояло дело с определением лиц, которые должны были заниматься просмотром описей. Обычно к просмотру привлекались те из сотрудников ГУАК, которые изъявляли на это свое согласие. Были и исключения. Например, в Нижегородской и Тамбовской комиссиях просмотром описей и отбором дел для исторического архива занимались особые подкомиссии в составе председателя, правителя дел, казначея, библиотекаря и ряда других сотрудников³⁶. Создание подобных коллегиальных органов имело целью устранение субъективизма при отборе дел, опасность которого возникала из-за отсутствия общепринятой методики.

В ВУАК, как и в большинстве других комиссий, отбор дел осуществлялся теми членами комиссии, которые давали на то свое согласие. В разные периоды истории ВУАК просмотром описей занимались

А.С. Верещагин, Н.А. Спасский, Д.В. Фаворский, А.А. Столбов, К.Н. Литовченко, В.Н. Лесников, А.С. Якуб, И.Д. Крекнин. Из-за большого объема работы и недостатка компетентных лиц, не всегда удавалось досконально просмотреть описи. Часто осмотр был поверхностным. Винить в этом сотрудников ВУАК было бы не правильно. Дело в том, что численность активных членов комиссии была не велика (10-12 человек). Они могли посвящать делам комиссии только свободное от основной службы время, материального вознаграждения за свою работу в ГУАК члены комиссии не получали, поэтому желающих заниматься такой трудоемкой и ответственной работой было немного. Те же из сотрудников, кто брал на себя данную обязанность, делали это зачастую не в силу своих познаний и опыта, а потому, что близко к сердцу принимали дела комиссии по созданию архива.

ГУАК остро ощущали необходимость иметь инструкцию, регламентирующую, что и как отбирать на хранение в исторический архив. В конце XIX-начале XX вв. отечественное архивоведение еще не разработало теоретических положений о категориях документов, подлежащих выявлению и хранению. Единственными правилами, которыми могли руководствоваться комиссии, были подготовленные в 1887 г. Археологическим институтом «Главнейшие начала, которых было бы необходимо держаться при создании архивными комиссиями губернских исторических архивов». Этот документ касался лишь внешней стороны организации архивов и содержал набор самых простых требований, таких как соблюдение пожарной безопасности, оборудование архивов шкафами и полками, обозначение на ребрах связок дел шифров и номеров, описание единиц хранения в конце каждого дела и т.д. Таким образом, данная инструкция совершенно не затрагивала вопросы порядка разбора и описания дел.

Ввиду отсутствия критериев выделения дел, решение этого вопроса зависело от компетенции работников ГУАК. Как отмечал смотритель архива Саратовской комиссии А.А. Гераклитов вопросы отбора и хранения документов «решались почти исключительно по личному усмотрению

отдельных лиц, в зависимости от их личных взглядов, вкусов, степени образования»³⁷. Некоторые ГУАК пытались восполнить отсутствие официальных инструкций выработкой собственных указаний на счет отбора дел. Инструкция Калужской ГУАК «О видах документов, оставляемых на хранение» рекомендовала своим сотрудникам знакомиться с самими документами, а не только с описями³⁸. Инструкция Нижегородской комиссии выделяла две стадии работы по экспертизе ценности архивного материала. На первой предполагался просмотр кратких описей дел с целью выделения из них наиболее ценных в историческом плане. Во время второй стадии члены комиссии должны были знакомиться с самими делами, отобранными по описям, составлять описания данных дел и затем выносить решения об их дальнейшем хранении³⁹.

ВУАК руководствовалась в своей архивной деятельности «Инструкцией о способах и порядке уничтожения решенных дел по губернским правлениям и по учреждениям ведомства МВД, подведомственным им правлениям»⁴⁰. Эта инструкция обязывала архивариусов губернских правлений по истечении каждого года составлять описи делам, у которых прошел десятилетний срок хранения и направлялись данные описи в ГУАК. Комиссии в течение 6 месяцев должны были прислать в губернские правления свои заключения по поводу необходимости сохранения тех или иных дел.

Члены ВУАК на своих заседаниях неоднократно поднимали вопрос о сохранении старинных памятников, в том числе и письменных. На заседании 17 марта 1909 г. из сотрудников комиссии была образована особая подкомиссия в составе протоиерея И. Сырцова, священников Ф. Иванова, Н. Ергина, А. Чернышева и преподавателя М. Васильева. Члены комиссии должны были выработать инструкцию, отвечающую на следующие вопросы: 1) как организовать составление описей бумаг в архивах присутственных мест и церковных архивах; 2) как организовать дело сохранения исторического материала частных лиц; 3) как организовать дело извлечения исторического материала из различных изданий и т. д.⁴¹. На заседании 10

декабря 1909 г. подкомиссия представила свой проект положения по сохранению древних памятников. Данный проект касался в основном церковных памятников. Что же касается письменных материалов, то члены подкомиссии ограничились решением обратиться с ходатайством к местным властям, чтобы те обязали учреждения и ведомства выслать описи дел, предназначенных к уничтожению, в ВУАК.

В 1914 г. членами ВУАК была составлена «Инструкция привоза и хранения дел»⁴². Она касалась вопросов о том, как правильно упаковывать и складывать дела; каковы должны быть помещения под архивы; как необходимо правильно хранить дела в архивах и т. д. Таким образом, ВУАК каких-либо специальных инструкций и указаний по вопросам отбора дел, предназначенных учреждениями к уничтожению, не выработала.

Прямые указания на то, какими критериями руководствовались сотрудники ВУАК при экспертизе ценности документов, в источниках отсутствуют. Однако об этом можно судить на основании того, какие дела членами комиссии оставлялись на хранение. В первую очередь это были материалы по истории феодальной Вятки конца XIV-XVII вв. (послания митрополитов Ионы и Филиппа на Вятку, грамоты великих князей и царей). Не меньшее значение придавалось документам по истории колонизации края, распространению христианства на его территории, крещению удмуртов и татар, взаимоотношениям русского и коренного населения Вятского края, развитию промыслов и торговли. Особое внимание уделялось материалам по истории церкви: основанию и росту церквей и монастырей, обычаям и верованиям местных жителей, устройству их повседневного быта.

Что касается конкретных примеров отбора документов для исторического архива, то журналы заседаний и отчеты ВУАК их практически не содержат. Подобная информация приводится в отношении незначительного числа случаев. Например, в 1909 г. в комиссию поступило большое количество описей из уездных казначейств. Из дел, имеющих историческое значение, в архив было отобрано только одно дело 1897 г.

Елабужского казначейства о состоянии торговли и промыслов в городе и уезде⁴³. В 1911 г. при просмотре описей Малмыжского и Яранского полицейских управлений Н.А. Спасский выделил для исторического архива несколько дел, касающихся проживания евреев в данных уездах, происшествий в губернии, запрещенных книг. Такие дела по характеристике Н.А. Спасского могли «весьма пригодиться для изучения местного края»⁴⁴.

Относительно хронологических рамок отбирившихся на хранение документов нужно заметить, что дела, относившиеся к периоду до XVIII в., оставались в полном составе. Однако подобные дела редко встречались в присылавшихся в ВУАК описях. Документы, датируемые второй половиной XIX в., подвергались существенной выбраковке. Из них оставались на хранение главным образом материалы о развитии народного образования, благоустройстве городов Вятской губернии, истории церквей, статистические сведения по краю. В целом критерии отбора дел в ВУАК были идентичны приемам других комиссий.

Одним из наиболее болезненных для архивистов являлся вопрос об уничтожении дел и принципах выделения документов к выбраковке. Н.В. Калачов еще на I археологическом съезде (1869 г.) обозначил данную проблему как трудноразрешимую, но которую нельзя отдавать на произвол чиновников. Хранитель архива Саратовской ГУАК А.А. Гераклитов на съезде представителей ГУАК в 1914 г. выразил общую точку зрения архивистов о том, что «нет документов более или менее важных, документы важны постольку, поскольку они интересны для работ историков, и не дело архивных комиссий, не дело архивариусов своей властью определять ценность того или иного документа, их обязанность всякий документ хранить»⁴⁵.

Члены ГУАК поддерживали идею Н.В. Калачова в том, что следует уничтожать документы «как можно менее и лишь при совершенной необходимости»⁴⁶. Однако, из-за ограниченности помещений архивов сотрудники ГУАК могли оставлять на хранение лишь малую толику дел.

Так, Рязанская комиссия из 113 тысячи дел, просмотренных с 1894 по 1907 гг., оставила на хранение 3% дел. Пермская комиссия, изучив с 1912-14 гг. 230 тысяч дел, оставила для исторического архива около 1,5% документов. Симбирская ГУАК отправила на хранение 4% дел просмотренных с 1895 по 1899 гг.⁴⁷. ВУАК, просмотрев опись дел Богородского волостного правления (Нолинский уезд), из 783 дел, внесенных в опись, отобрали на хранение 22 дела (2,8%)⁴⁸.

ВУАК начала формировать свой исторический архив только с конца 1906 г., поскольку до этого не имела своего постоянного помещения. Дела, отобранные членами комиссии для исторического архива, временно продолжали храниться в архивах своих учреждений. На заседании 28 октября 1906 г. товарищ председателя ВУАК А.С. Верещагин заявил, что «с переходом комиссии в новое помещение настало время заняться приведением в порядок исторического архива комиссии», а дела, хранящиеся в архивах присутственных мест, должны были передаваться в комиссию⁴⁹.

В архив ВУАК были перевезены дела из губернского правления, окружного суда, казенной палаты, управления государственных имуществ, межевого отдела и других учреждений. Однако общее количество дел в историческом архиве было небольшим. Например, в 1908 г. членами ВУАК в архив было отобрано 226 дел межевого отделения, 8 дел контрольной палаты, 9 дел Филипповского волостного правления, 1 дело Вятской городской управы. Итого 244 дела⁵⁰. Начало разбора, и составления описи архива ВУАК было положено А.С. Верещагиным. В начале 1909 г. в опись было внесено 65 номеров дел. В 1909 г. члены комиссии начали составлять опись изданий, присланных ВУАК из земств и уездных городов.

До апреля 1909 г. историческим архивом ВУАК заведовал библиотекарь комиссии. Однако совмещение подобных обязанностей было весьма трудным делом. Поэтому на заседании 9 апреля 1909 г. членами комиссии была установлена должность заведующего историческим архивом. В обязанности заведующего входил осмотр наряду с другими членами комиссии описей дел,

получение отобранных на хранение дел от различных учреждений, размещение их в удобном для пользования порядке, составление описей делам исторического архива.

В разные годы ВУАК получала различное количество описей. Так, в 1910 г. в адрес комиссии пришло 6 описей⁵¹. В 1913 г. в комиссию поступило 40 описей из разных учреждений⁵². В первой половине 1914 г. членами комиссии было просмотрено 33 описи, а во второй половине года в связи с начавшейся войной учреждения перестали отсылать описи дел в ВУАК⁵³. В 1916 году поступление описей на просмотр ВУАК возобновилось. Всего за годы деятельности ВУАК ее членами было просмотрено около 200 описей⁵⁴. В 1918 г. эта функция перешла к другим учреждениям.

Все присылаемые описи относились в основном к делам 1880-90 гг. Для формирования исторического архива этих дел было недостаточно. Для пополнения архива материалами XVII-XVIII вв. члены комиссии совершали экскурсии по архивам губернии, покупали документы у частных лиц. Ряд членов комиссии работали в столичных архивах, где копировали старинные документы, относящиеся к истории Вятки. Например, А.С. Верещагин с 1869 по 1900 гг. девять раз выезжал в столичные архивы (каждый раз на три месяца) с целью изучения и копирования документов.

Что касалось классификации архивных документов, то этот вопрос был слабо разработан в теоретическом плане. Единообразия в организации хранения архивных дел среди ГУАК не существовало. До революции было два подхода классификации дел: принцип происхождения (провениенц принцип) и принцип принадлежности (пертиненц - принцип). Первый сформировался во Франции в начале XIX в. и предусматривал сохранение архивного фонда как целостного, исторически сложившегося комплекса документов. Дробление фонда не допускалось. Внутри фонда дела делились по хронологическому, территориальному и иным принципам. Принцип принадлежности предусматривал систематизацию документов по их содержанию⁵⁵.

Впервые термин «фонд», но без перевода, употребил ученый-архивист А.П. Воронов в своем выступлении на XI археологическом съезде в Киеве (1899 г.): «Fonds – это совокупность бумаг, принадлежащих одному учреждению, одной корпорации, одной фамилии, одному лицу. Словом, fonds – это исторически сложившаяся группа дел. Классифицировать *par fonds* (по фондам) – значит соединить вместе те бумаги, которые были собственностью одного учреждения, одной корпорации...»⁵⁶. В более поздней работе «Архивоведение» (1904 г.) Воронов расширил и уточнил понимание принципа классификации по фондам и определил его как принцип систематизации дел на исторической основе. Воронов писал, что истинным принципом архивного порядка является «исторически распределенный архивный материал. Все, что жило самостоятельно в прошлом, должно жить самостоятельно и в архиве. Распознать эти организмы в архиве первая задача каждого истинного архивариуса»⁵⁷.

Однако само понятие фонда в дореволюционной архивоведческой мысли не было полностью раскрыто. На практике многие центральные архивы придерживались тематической классификации дел. Ведомственные же архивы предпочитали сохранять порядок организации дел, сложившийся в процесс делопроизводства. Документы здесь систематизировались по структурным подразделениям и располагались в хронологическом порядке (структурно-хронологическая схема)⁵⁸.

ГУАК в силу объективных причин не могли следовать пофондовой классификации дел. Поскольку члены ГУАК создавали свои исторические архивы на основе дел, предназначенных к уничтожению, то господствовал коллекционный принцип при формировании архивов. Именно поэтому Д.Я. Самоквасов обвинял архивные комиссии в разрушении исторически сложившихся фондов и создании «конгломерата отрывочного архивного материала». Защищаясь от нападок Самоквасова, члены ГУАК указывали на невозможность создания полноценных исторических архивов на основе выбракованных дел. Бессарабская ГУАК писала в отчете за 1902-1903 гг., что

всегда была против разрушения архивных фондов. Тамбовская комиссия исходила из принципа группировки архивного материала по содержанию: родословные грамоты, земельные дела и т.д. Саратовская ГУАК руководствовалась принципом происхождения (городские, губернские, полицейские, казенные, волостные и т.д.)⁵⁹. В журналах заседаний ВУАК и в отчетах о деятельности комиссии нет упоминаний о том, на каких основаниях производилась группировка материала.

Многие ГУАК с сочувствием относились к идее сохранения исторически сложившихся фондов. В случае, когда им удавалось получить какой-либо фонд в полном объеме, они стремились сохранить его в неизменном виде. Так, в 1910 г. в ВУАК был перевезен архив, найденный в 1905 г. в стене Яранской Троицкой церкви. Основная масса документов относилась ко второй половине XVIII в. и первой половине XIX в. Но встречались и дела, относящиеся к более раннему периоду. Дела в основной своей массе принадлежали бывшим духовным правлениям Кукарского, Яранского и Царево-Санчурского уездов.

На протяжении второй половины XIX в. в отечественном архивоведении все большее признание завоевывал принцип публичности архивов. Представления об архивах как о «складах оконченного канцелярского делопроизводства» в это время было во многом изжито. Важное значение начали приобретать вопросы надлежащей организации использования архивных материалов. Так, ВУАК предоставляла документы во временное пользование учреждениям и частным лицам, а также организовала работу с архивом в научно-исследовательских целях.

В дореволюционной России сложилась сложная система архивов. Многие архивы после реформ 1860-70-х гг. потеряли свое справочное значение и превратились в архивы «исторические». Таковыми были Московский главный архив министерства иностранных дел, Вотчинный архив, Государственные архивы старых дел Петербурга и Москвы, Военно-ученый архив, Межевой архив, Московский архив министерства юстиции и

ряд других. Наряду с историческими архивами при каждом учреждении формировались свои «текущие» архивы, которые играли справочно-служебную роль.

В каждой губернии в среднем находилось от 1000 до 1500 правительственных и общественных архивов: архивы губернских правлений, жандармских управлений, окружных судов, воинских присутствий, городских управ, казенных палат, духовных консисторий, церквей и монастырей, учебных заведений и т.д. Таким образом, была сформирована огромная архивная сеть в несколько десятков тысяч архивов. Существовали так же архивы помещичьих усадеб, предприятий, частных лиц, которые находились за пределами досягаемости правительства. Но и среди правительственных ведомственных архивов не было централизации архивного дела, не было единого руководящего органа. Даже регулярного перехода оконченного делопроизводства из канцелярии в текущие архивы, а из них в «исторические» не существовало.

Итоговой оценкой состояния архивного дела в России к концу XIX в. можно назвать слова директора архива Священного Синода А.Н. Львова: «Сколько бы мы теперь не жаловались и ни возмущались до изменения существующего законодательства и строя, не признающего за архивами исторического и научного значения, решительно ничего не выйдет»⁶⁰.

После Февральской революции началось уничтожение архивного материала с новой силой. Временное правительство не имело ни сил, ни времени заниматься вопросами спасения документального материала. В апреле 1917 г. представители ряда петроградских архивов, библиотек, музеев и других научных учреждений приняли решение о создании Союза российских архивных деятелей (СРАД). Целью данного союза провозглашалось объединение архивных деятелей на основании общих методов работы, заботы о правильной постановке архивной деятельности в России, охрана архивных материалов, издание трудов по архивоведению⁶¹. Председателем союза был избран А.С. Лаппо-Данилевский. СРАД обратился

ко всем архивным учреждениям, ученым обществам с просьбой присоединяться к деятельности Союза. Союз стремился к укреплению положения ГУАК и рассматривал вопрос о создании Высшей ученой архивной комиссии. 11 июля 1917 г. было проведено междуведомственное совещание по вопросу о положении ГУАК. На совещании присутствовали представители от Академии наук, Русского исторического общества, Союза российских архивных деятелей⁶². Совещание признало желательным передать ведение архивным делом из МВД в министерство народного просвещения, поручило СРАД организовать съезд представителей от разных архивов, ходатайствовало перед МВД о выдаче пособий ГУАК.

ВУАК в числе прочих комиссий получила письмо с приглашением вступить в СРАД. На заседании 11 мая 1917 г. члены комиссии выразили свое желание вступить в Союз. На заседании 31 июля 1917 г. было заслушано отношение СРАД о необходимости обсудить меры по сохранению частных архивов⁶³.

Хотя политические события 1917-19 гг. заставили замереть жизнь большинства ученых обществ, ВУАК продолжала работать. Заседания, хотя и редко, но все же проводились. Главной задачей ВУАК в это время стало сохранение находящихся в опасности архивов и памятников искусства. А.С. Лебедев участвовал в качестве представителя ВУАК в совещании уездного комиссара, на котором обсуждались меры по охране памятников (в том числе письменных) в разных учреждениях. Лебедев высказал идею о пользе делегирования членов ВУАК в разные учреждения губернии для охранения памятников старины в них⁶⁴.

Гражданская война превратили тихую мещанскую Вятку в наполненный солдатами центр Вятского укрепрайона. Многие дореволюционные учреждения в прямом смысле выкидывались на улицу вместе с архивами. Кроме того, в Вятке обнаружился бумажный кризис и из архивов начали изымать незаполненные листы. Все это грозило гибелью архивным делам. В уездных городах были случаи сдачи архивных дел в отдел утилизации без

предварительного осмотра. Перевозка дел в безопасные места задерживалась из-за отсутствия транспорта и упаковочного материала. Группа местной интеллигенции объединилась для спасения архивов. Во главе ее встал член ВУАК П.Н. Луппов, переехавший из Петрограда в родную Вятку.

После Октябрьской революции в стране началась коренная перестройка архивного дела на принципах, провозглашенных декретом 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР»⁶⁵. Декрет декларировал национализацию документального материала и переход архивов дореволюционных правительственных учреждений в состав единого государственного архивного фонда. Для руководства им в составе народного комиссариата просвещения учреждался центральный руководящий орган – Главное управление архивным делом (ГУАД)⁶⁶.

31 марта 1919 г. вышел декрет Совета народных комиссаров РСФСР о губернских архивных фондах, согласно которому, все губернские архивы составляли в каждой губернии особый единый губернский архивный фонд⁶⁷. Во главе фонда стоял заведующий, назначенный ГУАД. При нем образовывался совет из заведующих отделами фонда, представителей от местных ученых и педагогических обществ, библиотек, музеев. В ведение совета входило рассмотрение вопросов губернского архивного строительства, принятие мер по сохранению архивов.

С опубликованием первого декрета Советской власти по архивному делу должны были отменяться все предыдущие декреты. В то же время, какого-либо специального постановления о ликвидации ГУАК не было. В условиях переходного периода архивные комиссии по-прежнему оставались единственными учреждениями, способными возглавить работу по охране архивов в провинции. Новая власть не намеревалась немедленно ликвидировать ГУАК, что подтверждалось циркуляром ГУАД, направленного в адрес комиссий в августе 1918 г. Согласно данному циркуляру ГУАК переходили в ведение ГУАД и должны были «продолжать

неукоснительно свою деятельность, согласуя ее во всем с постановлением декрета»⁶⁸.

Главной задачей ГУАК в этот период стала охрана губернских архивов и работа по созданию на их основе губернских архивных фондов. Для этих целей ГУАД отпускало комиссиям специальные средства. В 1918 г. П.Н. Луппов как опытный историк-архивист был назначен уполномоченным Главархива по Вятской губернии. Он активно принялся за создание областного исторического архива, привлекая к работе историков и архивариусов Вятки. Ближайшими помощниками Луппова в годы гражданской войны была небольшая группа его сотрудников (5-6 человек) губернского архивного управления. Во многом благодаря деятельности Луппова и его сотрудников удалось сохранить основной архивный фонд Вятской губернии. В 1919 г. только И.М. Осокиным были перевезены в подвалы публичной библиотеки выброшенные на улицу архивы Трифонова монастыря, Вятского духовного училища, произведен осмотр и усиленная охрана архивов духовной семинарии, сиротского приюта, составлялись описи архивов губернаторской канцелярии и жандармского управления⁶⁹. Члены ВУАК П.Н. Луппов, Н.Г. Гусев, В.И. Шабалин, Ф.Н. Иванов, И.М. Осокин осматривали брошенные архивы, описывали их, перевозили в помещения архивного управления, пытались наладить охрану архивных фондов в уездах губернии.

Несмотря на неопределенность своего положения, многие ГУАК продолжали работать до начала 1920-х гг. Поводом для прекращения их деятельности служила либо реорганизация (например, в 1918 г. Костромская ГУАК волилась в состав Костромского научного общества по изучению местного края, Саратовская ГУАК преобразована в 1919 г. в общество истории, археологии и этнографии при Саратовском университете), либо потеря по какой-либо причине своего руководителя. Так, работа Сибирской ГУАК прекратилась в связи с тяжелой болезнью ее председателя в 1921 г.⁷⁰.

Последняя точка в истории ГУАК бала поставлена 16 октября 1923 г циркуляром центрального архива РСФСР, в котором значилось, что согласно декрету СНК от 1 июня 1918 г. ГУАК считаются ликвидированными⁷¹.

ВУАК продолжала работать до 21 марта 1920 г., когда членами комиссии было принято решение о преобразовании архивной комиссии в Вятское историческое общество. Это преобразование было связано с тем, что Главное управление архивным делом признало уставы ГУАК «значительно устаревшими» и предложило архивным комиссиям преобразоваться в новые общества⁷². Вятское историческое общество было зарегистрировано при Вятском губернском управлении архивным делом. Около 100 членов ВУАК автоматически перешли в Вятское историческое общество. Задачи общества ставились в основном те же, что и у ВУАК: изучение истории Вятского края, принятие мер к сохранению памятников старины. От ВУАК историческое общество получило богатое наследие: библиотеку, насчитывающую более 2.000 книг, исторический архив.

В советской историографии был создан миф об «эпохальном» значении декрета от 1 июня 1918 г., в соответствии с которым, именно Советской властью впервые был разработан план централизации архивного дела на основе Единого государственного архивного фонда и вводились меры по защите архивов как национального достояния. Однако материалы съезда представителей ГУАК (1914 г.) опровергают эту точку зрения. Именно в ходе данного съезда верховная власть обратилась к проблеме архивов, посчитав их важным государственным делом. Представители ГУАК в ходе съезда пытались выработать целостный научный подход к оценке системы архивов в стране, звучали идеи объединения всех архивов в единую систему. Многие идеи Н.В. Калачова о централизации архивного дела обрели на съезде вторую жизнь, хотя и не были осуществлены. Лишь СРАД, образованный в 1917 г., начал практическую работу по осуществлению постановлений съезда. Союз объединил в своем лице историков и архивистов, которые начали совместную деятельность по реформированию архивного дела. Таким

образом, идеи централизации архивов в России не были новы. Вся история дореволюционного архивного дела, начиная с 1869 г., когда Калачов впервые на I-м Археологическом съезде поставил вопрос о необходимости упорядочения правил хранения архивного материала и, кончая деятельностью СРАД, представляла собой ряд попыток реорганизации архивного дела в русле централизации.

Советская историография главной причиной нежелания правительства проводить архивную реформу в направлении централизации называла тот факт, что правительство стремилось создавать одну лишь видимость мероприятий по упорядочению архивного дела и в то же время не допустить проведение реформ, желая сохранить за чиновничьим аппаратом монопольное право обладания архивами. Современные же авторы указывают на то, что реформаторская начинания Н.В. Калачова и Д.Я. Самоквасова пришлось на тот период, когда время либеральные реформы уже завершилось, и в период контрреформ Калачову удалось реализовать только небольшую часть задуманных преобразований.

Единственное, что было сделано для улучшения архивного дела в дореволюционной России – это создание ГУАК. Члены комиссий по мере возможности старались оправдать возложенные на них задачи по сохранению архивного материала и созданию исторических архивов. Лишь незначительному числу ГУАК не удалось образовать своего исторического архива в силу различных причин. К ним относятся Тульская, Бессарабская, Херсонская, Астраханская и Полтавская ГУАК. Другие комиссии (согласно классификации Н.В. Бржостовской) можно разделить на две группы. К первой относятся комиссии, собравшие в своих архивах до нескольких тысяч единиц хранения (Нижегородская, Тамбовская, Рязанская, Тверская, Костромская, Оренбургская и Ярославская ГУАК). Нижегородская ГУАК определила объем своего архива 1 млн. дел, Саратовская комиссия к 1914 г. имела архив в 50 тыс. дел⁷³.

Ко второй группе принадлежат ГУАК собравшие архивы от нескольких сотен до нескольких тысяч дел. К этой группе относится основная масса ГУАК, в том числе и Вятская. В целом исторические архивы представляли собой коллекции разрозненных документов, поскольку комиссии не могли позволить себе принимать на хранение фонды в целом виде. В архивы отбирались лишь единичные дела.

Таким образом, результаты деятельности ГУАК по созданию исторических архивов были различны. Все зависело от того, когда была образована комиссия (первые были созданы в 1884 г., а последние в 1916 г.), каково было материальное положение комиссии (субсидии от земств, городов, частные пожертвования), наличие специалистов в области архивоведения.

Что касается итогов деятельности ВУАК по формированию исторического архива, то в количественном отношении комиссия добилась весьма незначительных результатов. Архив ВУАК насчитывал немногим более четырех сотен единиц хранения. Это было связано, во-первых с непродолжительным временем функционирования ВУАК; во-вторых, с отсутствием у комиссии постоянного помещения и необходимых средств на перевозку архивного материала и оплату командировок членам комиссии; в-третьих, с нехваткой квалифицированных сотрудников, которые могли бы вести работу по просмотру описей и отбору дел. В качественном отношении материал, собранный членами ВУАК, был весьма ценен: здесь были первоисточники летописного характера по истории Вятки, грамоты и акты Вятского архиерейского дома и Успенского Трифонова монастыря, писцовые и переписные книги, царские жалованные грамоты, купчие, межевые книги, храмозданные грамоты, в которых получили отражение вопросы социально-экономической жизни, политической, религиозной истории Вятского края.

2.2. Археографическая деятельность ВУАК. Научно-исследовательская работа членов комиссии.

Российская гуманитарная наука конца XIX-начала XX вв. характеризовалась повышенным вниманием к источниковой базе исторического знания. В это же время произошло становление археографии как научной дисциплины. Еще П.М. Строев в 1823 г. говорил об археографии как об определенном виде научной работы, имеющей первостепенное значение для развития русской исторической науки. Он полагал, что первоочередной задачей археографии является составление «систематической росписи» исторических источников: «Эта роспись при возможной краткости, представляла бы самое полное и вернейшее описание всех памятников истории и литературы, от древнейших времен до XVIII в.»⁷⁴. Только после осуществления этого мероприятия можно было бы, согласно Строеву, приступить ко второй задаче археографии – критике и изданию текстов.

Если по мысли историков первой половины XIX в. описание источников и полное издание текстов составляло единый предмет археографии, то впоследствии содержание понятия «археография» менялось. Под археографией стали понимать вспомогательную историческую дисциплину, занимающуюся решением вопросов, связанных с изданием документов, независимо от их происхождения, изучением развития методов издания письменных памятников и публикацией документов.

Во второй половине XIX в. активизировалось введение в научный оборот письменных источников, началась интенсивная издательская деятельность научно-исторических обществ. В свет начали выходить многочисленные документальные сборники, подготовленные Русским историческим обществом, Петербургской археографической комиссией, Обществом любителей древней письменности, Русским военно-историческим обществом и другими. Если до 1860-х г. учреждения, занимавшиеся археографической работой, не переступали рубежа XVIII в., то в эпоху Великих реформ 1860-

70-х г. цензура несколько ослабла и началась публикация материалов, относящихся к XVIII-XIX вв. Но давались в основном те источники, которые способствовали развитию официальной историографии.

РИО оставило богатое наследство в виде сборников. С 1866 по 1918 гг. им было выпущено 148 томов сборников документов относящихся к XVIII-XIX векам. Сборники представляли собой многотомные серии документов, каждая из которых объединяла тематически связанные между собой дела одного архива. Тематика определялась задачей показать историю отдельных царствований. Например, по царствованию Екатерины II были опубликованы «Материалы по истории Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового уложения 1767 г.», «Бумаги императрицы Екатерины II». Также печатались «Бумаги кабинетов министров », «Материалы для истории высших государственных учреждений России в XVIII в.», «Материалы по политической и бытовой истории 1812 года»⁷⁵.

Если РИО сосредотачивало свою археографическую деятельность на материалах XVIII–XIX вв., то более ранним периодом занималось Общество любителей древней письменности (ОЛДП), основанное в 1877 г. Основатели общества (граф С.Г. Строганов, граф А.В. Бобринский, четыре графа Шереметева) заявляли, что их деятельность вдохновлялась идеями славянофилов и была направлена на доказательство русской самобытности для борьбы с «вредными учениями » 1870-х гг. Общество стало издавать древнерусские рукописи духовного и светского содержания, а также публиковать исследовательские работы, написанные на основании данных рукописей.

К началу XX в. русская археография имела уже значительный фонд изданных источников и в связи с этим большой опыт методики издания, однако единых правил публикации исторических материалов еще не было разработано. Первая попытка систематизации методов издания исторических документов относится к XVIII в. и связана с именем Н.И. Новикова. Новиков сформулировал «Правила издания документов», которые включали пять

пунктов: о сопровождении изданий указателями, составлении примечаний «на темные и невразумительные места», о переводе старого летоисчисления на новое, о точной передаче текста без изменения древнего правописания, об указании «откуда получен список, где находится подлинник»⁷⁶.

С созданием Петербургской археографической комиссии началась более системная разработка приемов публикации источников, которая выражалась в составлении правил для подготовки конкретных изданий. Например, в 1835г. были выработаны «Правила для руководства при издании актов Археографической экспедиции». Они содержали требования указывать замеченные в тексте ошибки, давать поправки, составлять примечания и указатели⁷⁷. Член археографической комиссии Н.Г. Устрялов исходил из того, что указатель – «ключ к удобному приисканию главнейших предметов, составляющих существенную важность актов»⁷⁸. Именно Устрялов разработал систему трех указателей: именного, географического и предметного. Принципиальное значение имело требование группировки однородных предметов в рубрики, чего до Устрялова не было в археографической практике.

Членами Петербургской археографической комиссии в 1905 г. были выработаны достаточно твердые приемы публикации документов в зависимости от их целевого назначения. Правила предполагали расположение документов в хронологическом или систематическом порядке, описание дел, приведения данных о количестве листов и склеек. Описки подлежали исправлению прямо в тексте, а неправильно написанные слова - в примечаниях⁷⁹.

Данные приемы служили образцом для других научно-исторических обществ, занимавшихся публикацией документов, в том числе и для ГУАК. Однако эти правила не имели обязательного характера и предназначались для конкретных изданий и частных случаев.

Собственные правила публикации документов разрабатывались Московским археологическим обществом, а также крупнейшими архивами.

Например, Московский архив министерства юстиции (ММЮ) издал в 1912 г. «Правила для переписки и издания документов», в которых оговаривались приемы передачи текста⁸⁰. Правила отражали общий уровень развития методики публикации источников и носили отпечаток традиций Петербургской археографической комиссии.

На рубеже XIX/XX вв. наметился переход от культурного обычая в деле издания исторических источников к культуре правил. Разработкой текстологических правил и приемов публикации занимались многие видные ученые, такие как А.А. Шахматов, В.Г. Дружинин, Н.П. Павлов-Сильванский, А.С. Лаппо-Данилевский.

А.С. Лаппо-Данилевский справедливо считал, что собирание письменных памятников «не имеет большого теоретического значения, если собираемые материалы не подвергнуты дальнейшей критической оценке, в противоположность археологическому коллекционерству»⁸¹. Лаппо-Данилевский отказался от традиционных принятых в то время кратких предисловий к документальным текстам и начал составлять обширные предисловия, которые по существу являлись самостоятельными исследованиями. По словам С.Н. Валка, предисловия в исполнении Лаппо-Данилевского явились в археографии начала XX в. «образцом теоретической продуманности»⁸². Под руководством А.С. Лаппо-Данилевского были подготовлены «Правила издания Сборника грамот Коллегии экономии», которые в последствии стали образцом для отечественной археографии.

Археографическая практика рубежа XIX/XX в. неоднократно подвергалась критике со стороны современников. С резкими упреками в ее адрес выступил на XIII археологическом съезде в Екатеринославле (1905 г.) Д.Я. Самоквасов. Он заявлял, что все научные учреждения России от Академии наук до ГУАК «не имея в своей среде лиц, специально преданных археографическому делу и способных разбирать древние архивные материалы для издания, поручали выбор и печатание архивных материалов архивистам, ограничивая в нем свое участие уплатою вознаграждения за

выборку, переписку и корректуру издаваемых актов». Следствием чего, по мнению Самоквасова, стало опубликование всех архивных материалов без разбора, что вело к «малополезному превращению массы рукописного материала в библиотечный»⁸³. Если нападки Самоквасова на членов Академии наук представляли собой полную клевету, то обвинения в адрес ГУАК имели под собой определенную почву. Действительно, не все ГУАК могли похвастаться серьезной археографической обработкой публикуемого ими материала (документы зачастую печатались в «сыром» виде). Однако неоспоримым является тот факт, что ГУАК сумели сохранить многие ценные материалы по истории родного края благодаря тому, что опубликовали их на страницах своих сборников. Многие из данных документов были позднее утрачены.

Обобщающих официально утвержденных правил издания документального материала в дореволюционной России выработано не было. Многие научные общества составляли собственные правила публикации архивного материала. В большинстве случаев научно-исторические общества, руководствовались при публикации документов традиционными нормами. Они брали за образец предшествующие публикации однотипного характера, внося свои изменения в приемы издания. Тем не менее, в начале XX в. в данной области наметился определенный перелом, связанный с систематическим характером публикации источников, с появлением большого количества серийных изданий, которые требовали длительной подготовки и сопровождалась формулировкой правил-инструкций.

Важным моментом в археографии второй половины XIX в. стало ее распространение на периферию. Несмотря на то, что формирование исторического архива объявлялось главной задачей ГУАК, а исследовательская и издательская деятельность – второстепенными задачами, архивные комиссии рассматривали себя, прежде всего в качестве ученых обществ. Так, председатель Рязанской ГУАК в своей торжественной речи по случаю юбилея комиссии подчеркнул: «Комиссия давно перестала

жить тем, что обозначено словом “архивная”. Мы делаем, однако ж, науку, мы делаем дело ученое»⁸⁴.

Исследовательская деятельность местных историков была невозможна без опубликования комплекса местных источников. Практически все ГУАК занимались публикацией архивного материала по истории своего края, а также печатали статьи, написанные на основе данных документов. Сборники носили названия «Трудов», «Известий» или «Действий». Из 39 ГУАК, открытых до 1917 года, «Труды» в виде сборников и отдельных изданий выпускали 29 комиссий. Остальные комиссии по причине отсутствия материальных средств находились в бездействии. Восемь ГУАК вообще никаких «Трудов» за все время своего существования не выпускали. Другие опубликовали очень мало: Воронежская ГУАК издала 5 выпусков «Трудов», Иркутская в 1913 г. выпустила единственный том своих «Трудов»⁸⁵.

Плодотворной была издательская деятельность комиссий Волго-Окского региона и юга Европейской части России. Наибольшее количество изданий выпустили комиссии, открытые в конце XIX в.: Тверская ГУАК – 101 сборник, Рязанская – 99, Нижегородская – 70, Таврическая – 59, Владимирская – 57. Из комиссий, образованных в начале XX в., самыми активными в области издательской деятельности оказались Вятская ГУАК (46 выпусков «Трудов»), и Полтавская (38 выпусков)⁸⁶.

Для сравнения: Тамбовская ГУАК за тридцать лет своей работы выпустила 74 сборника, а Вятская за тринадцать лет – 46 выпусков «Трудов ВУАК». Столь высокий результат издательской деятельности ВУАК объяснялся прежде всего плодотворной работой редактора комиссии А.С. Верещагина, который поставил издание «Трудов ВУАК» во главу угла деятельности комиссии. Еще в 1890-х гг. Верещагин провел огромную работу по сбору и изучению архивных материалов, относящихся к истории Вятки, которые затем легли в основу «Трудов ВУАК». За 4 года (1905-1908) Верещагин успел опубликовать 18 выпусков «Трудов ВУАК». Его работы составили основу всех этих выпусков. Программа «Трудов ВУАК», по-

видимому, была выработана Александром Степановичем задолго до открытия комиссии.

Развитие издательской деятельности ГУАК шло по нарастающей вплоть до 1914 г. Спады были связаны с определенными процессами в социально-экономической и политической жизни страны и пришлись на первую половину 1890-х г., 1904-1907 гг. Резкий спад произошел в 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны. Таким образом, издательская работа комиссий была тесно связана с общественно-политической ситуацией в стране, прежде всего с революциями и войнами.

При выборе объектов публикаций члены комиссий руководствовались, прежде всего, значимостью документов в качестве исторического источника для освещения истории родного края. Члены ГУАК проделывали колоссальную работу по выявлению и обработке исторических источников. Эмпиризм и погоня за историческими фактами отвечали духу позитивистской методологии, господствовавшей в то время. Комиссии издавали в основном документы по истории края XVI-XVIII вв. Видный деятель Нижегородской комиссии писатель В.Г. Короленко главной задачей ГУАК считал «не погоню за крупными, яркими и новыми фактами», а «скромное, кропотливое, но массовое и систематическое суммирование мелких, повседневных бытовых и юридических черт, в своей скрупулезности восстанавливающих картину исчезнувшей жизни»⁸⁷.

Бурное экономическое развитие России второй половины XIX в. потребовало изучения ресурсов всех регионов и областей. Формирующееся краеведение включило в себя не только работы по местной истории, но и по этнографии, статистике, географии, экономике. В связи с быстрым развитием русской исторической науки в оборот вводились все новые и новые исторические источники, обновлялась научная тематика и проблематика. Постепенно появлялись новые подходы к изучению источникового материала, шло овладение современными методами историописания. Все это говорило о появлении научности как нового принципа исторической мысли.

Приоритетное место в общем объеме документальных публикаций ГУАК, в том числе и Вятской, принадлежало источникам по истории церкви. Подавляющее количество публикаций историко-церковной тематики посвящалось истории и хозяйственной деятельности отдельных церквей и монастырей. Сведения о церковной истории края заключались в таких документах, как царские и патриаршие грамоты, челобитные, уставные и вотчинные жалованные грамоты, описи монастырей, жизнеописания и проповеди церковных иерархов. Особое внимание уделяли члены комиссий вопросам распространения христианства среди местного языческого населения.

На втором по объему месте находились материалы, посвященные истории заселения края, славяно-русской колонизации. Главной причиной этого был естественный интерес к истории первых поселенцев края, обращение к исторической деятельности народных масс, а не отдельных князей или святых. Так, печатались отрывки из разных летописей, касающиеся обстоятельств основания и первоначальной истории городов родного края. Публикация писцовых и переписных книг занимала видное место в «Трудах» Нижегородской, Симбирской, Тамбовской, Ярославской и Вятской ГУАК. Ценнейший материал, касающийся колонизации, так же находился в документах относящихся к истории отдельных монастырей. Издавались и документы частных архивов, содержащих материалы по землевладению, по истории дворянских родов – жалованные грамоты, духовные, купчие и т.д.

Стремление к углубленному исследованию ряда вопросов древнейшей истории края и желание дать популярные очерки по истории для простого народа вызвали к жизни появление исследований-очерков, которые можно сравнить с научно-популярной литературой. Обобщающей работой ряда исследователей стал труд академика А.И. Соболевского «Древнейшее население Верхнего Поволжья» (Тверь, 1912 г.) До этого членами Тверской

ГУАК был выпущен целый ряд работ по истории Твери. Так, Д.И. Карманов собрал известия о Тверском княжестве в общерусских летописцах⁸⁸.

Большое внимание основанию своего города уделяли члены Нижегородской ГУАК. В 1889 г. ими было организовано празднование юбилея основателя города – князя Юрия Всеволодовича. Ему была посвящена специальная работа А.М. Меморского⁸⁹. Симбирская ГУАК публиковала материал по истории Симбирска и его уездов. Например, сборник «Историческое обозрение г. Симбирска от первых времен до возведения на степень губернского города»⁹⁰. Подобные работы были характерны для всех ГУАК. Обширный процесс межэтнических контактов рассматривался как история освоения территории края русскими и их благотворного влияния на местное население.

Многие ГУАК в преддверии различных юбилеев подготавливали к печати специальные выпуски своих сборников. Так, к столетию Отечественной войны 1812 г. Витебская, Смоленская, Таврическая, Нижегородская, Вятская и ряд других комиссий издали специальные выпуски «Трудов», содержащие сведения о формировании ополчения, сборе пожертвований на ополчение. К 50-летию реформы 1861 г. Рязанская, Костромская, Нижегородская и Орловская комиссии подготовили сборники о крестьянских восстаниях.

В целом, несмотря на то, что ГУАК опубликовали большое количество ценного исторического материала, их издательская деятельность была достаточно бессистемной. В приемах публикации документов отсутствовало единообразие. В основном материал публиковался в «сыром» виде без специальной научной обработки. Лишь в отдельных ГУАК публикации готовились квалифицированными специалистами, которые осуществляли археографическую обработку документов, снабжали документы научно-справочным материалом. В связи с отсутствием единой методики в своей деятельности ГУАК руководствовались либо собственным опытом, либо

опирались на определенные устоявшиеся в ходе развития археографии нормы.

Издательская деятельность была едва ли ни самым важным видом работы ВУАК. На первом же ее заседании председатель комиссии Н.А. Спасский, указал на то, что издательская деятельность комиссии должна устранить одно из самых неприятных для местных исследователей затруднений - отсутствие печатного органа, в котором они могли размещать свои работы. Спасский говорил о местных любителях старины следующее: «Представьте его положение: вот он потрудился немало, посидел таки в архивах и библиотеках, собрал много ценного материала для местной истории, но что же ему с ними делать? Где их печатать? В Епархиальных ведомостях – не место, в Губернских – бесплодно, потому что листки этого издания в полном виде не сохраняются и в библиотеках, да и пользоваться древними актами, разбросанными на газетные статьи, весьма затруднительно»⁹¹.

Члены комиссии постановили начать издание «Трудов ВУАК» уже с 1 марта 1905 г.⁹², т.е. через три месяца после открытия комиссии. Большинство ГУАК начинали издавать «Труды» по мере накопления достаточных средств, обычно через 3-4 года после открытия комиссии. Так, Нижегородская ГУАК, открытая в 1888 г., начала выпуск своего периодического издания с 1892г⁹³. ВУАК рискнула начать издание «Трудов» уже в первый год своего существования. Первоначально предполагалось выпускать по 6 книг «Трудов ВУАК» в год, т.е. каждые 2 месяца – новый выпуск, но уже с 1907 г., в связи с материальными трудностями и периодическими закрытиями типографии, «Труды ВУАК» стали выходить по 3-4 выпуска в год (Таблица 4). Редактором «Трудов ВУАК» был избран А.С. Верещагин, после его смерти в 1908 г. редакторами являлся В.Д. Емельянов, а с 1911 г. – Н.А. Спасский.

Таблица 4.

Количество выпусков «Трудов ВУАК» в разные годы.

Год	Количество «Трудов ВУАК»	Год	Количество «Трудов ВУАК»
1905	6 выпусков	1911	3 выпуска
1906	6 выпусков	1912	3 выпуска
1907	4 выпуска	1913	4 выпуска
1908	2 выпуска	1914	3 выпуска
1909	3 выпуска	1915	3 выпуска
1910	3 выпуска	1916	4 выпуска
		1917	2 выпуска

Членами ВУАК было принято решение выпускать «Труды» по мере накопления исторического материала и наличия средств у комиссии на оплату типографских услуг. Таким образом, если в 1905 и 1906 гг. вышло по шесть выпусков «Трудов ВУАК», то в 1907-1916 гг. выходило по три-четыре выпуска, а в 1908 и 1917 гг. по два выпуска «Трудов ВУАК».

Всего за годы работы ВУАК вышло сорок шесть выпусков в 31 книге. Тираж первого выпуска составлял 600 экземпляров, второго – 500, и постепенно был снижен до 200-300 экземпляров. Главным источником доходов комиссии были пособия от земства и городской думы, но размеры их едва могли покрыть затраты на издание «Трудов ВУАК». Стоимость годовой подписки составляла пять рублей. «Труды ВУАК» печатались в Губернской типографии. «Труды ВУАК» продавались на книжных складах губернского земства, епархиального училищного совета и в самой ВУАК. Однако доход от продажи изданий был совершенно незначителен. На одном из первых заседаний было принято решение о бесплатной рассылке «Трудов ВУАК» всем почетным членам комиссии, должностным лицам, Вятской публичной и епархиальной библиотекам, учебным заведениям г. Вятки, другим ГУАК с целью обмена изданиями, а также ряду столичных журналов и ученых обществ⁹⁴. Количественные показатели о распространении «Трудов ВУАК» можно найти в Прил.IV, табл.1-2.

На первом заседании комиссии редактор «Трудов ВУАК» А.С. Верещагин предложил свой план издательской работы. Он считал

наиболее целесообразным начать выпуск «Трудов ВУАК» с публикации фрагментов летописей, содержащих сведения о Вятском крае: «Сказания русских летописцев о Вятке», «Летописец старых лет», «Повесть о стране Вятской», «Вятский временник», грамоты и акты Успенского Трифонова монастыря и другие. На заседании 28 октября 1905 г. А.С. Верещагин поставил вопрос о способах и приемах печатания «древних и старых текстов». Было принято решение публиковать источники без внесения изменений, но снабжая их примечаниями и комментариями, географическими, именными и предметными указателями⁹⁵.

Структура периодических изданий всех ГУАК была весьма схожа (сначала печатались журналы заседаний комиссии, затем шли документальные материалы и статьи членов комиссии). Так каждый выпуск «Трудов ВУАК» состоял из трех разделов: «Журналы заседаний», «Исторические материалы» и «Рефераты и сообщения».

В первом разделе печатались журналы заседаний комиссии, в которых содержались сведения о том, когда проходило то или иное заседание, кто на нем присутствовал, какие вопросы рассматривались и какие решения принимались, а также сведения о заслушиваемых и обсуждаемых рефератах. В первом же отделе печатались сведения о других ГУАК, археологических съездах и научно-исторических обществах. Кроме того, в данном разделе помещались годовые отчеты ВУАК. Таким образом, первый отдел посвящался организационной стороне деятельности комиссии.

Во втором (основном) разделе помещались исторические материалы, сборники документов, добытые в центральных и местных архивах. В основном печатались документы XIV–XIX вв., с преобладанием документов относящихся к XVI–XVIII вв. В первых выпусках были помещены четыре большие работы – первоисточника летописного характера по истории древнерусской Вятки. По словам А.С. Верещагина эти материалы «поставили древнюю Вятскую историю на новых твердых началах»⁹⁶.

В первый выпуск Верещагин поместил «Сказания русских летописцев о Вятке» со своими комментариями и предисловием. Александр Степанович дал здесь по возможности все извлечения из русских летописей, относящихся к истории Вятки до конца XVII в. (были приведены данные из Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской, Софийской, Воскресенской, Никоновской, Львовской, Псковской, Тверской летописей, летописи Авраамки, Архангелогородской, Двинской, Великоустюжской летописей) и сопроводил их примечаниями, в которых приводил разночтения из летописных списков. Извлечения из этих летописей не являются хрестоматийными, по существу это самостоятельные исследования. Верещагин дал исторические справки об этих летописях, рассказал об их составе, названиях, объяснил непонятные современному читателю выражения, привел имена князей, раскрыл степень их родства. Таким образом, летописный материал сопровождался квалифицированными комментариями.

Во втором выпуске Трудов за 1905 г. Верещагин поместил «Временник еже нарицается Летописец Российских князей». Хотя, по словам Верещагина, этот «Вятский временник» был уже давно известен исследователям вятской старины, но пользоваться им появилась возможность только с 1876 г., когда он стал достоянием Вятской епархиальной библиотеки. До этого «Вятский временник» находился у частных лиц. Верещагин познакомил читателей с историей «Временника». Наиболее древней являлась вторая часть «Временника», написанная почерком XVII или начала XVIII в. и принадлежащая, по мнению Верещагина, перу хлыновца Семена Попова, который был дьяком Богоявленского Собора и активно участвовал в церковной и гражданской жизни города. Исследователь «Повести» Даниэль Уо в одной из своих работ пишет: «В лице Попова мы видим человека, который не только профессионально, но и из личного убеждения активно участвовал в церковной жизни своего времени. Он хорошо знал православные книги и исторические тексты, в которых рассказывалось об

истории православной церкви в России и на Вятской земле, и использовал эти знания, чтобы активно защищать интересы церкви именно в своем родном городе. Он верил, что Хлынов и Вятская земля находятся под особым покровительством Бога и святых икон. Поэтому Попов восставал против попытки правительства ограничить местную церковную жизнь, требования светской службы от церковников. Такая реакция на централизующие тенденции государства далеко не являлись исключением в петровские времена»⁹⁷. Попов не был простым переписчиком, а, напротив, «составлял» «Временник» пользуясь одним из хронографов начала XVII в., из которого извлекал наиболее желательные сведения и дополнял их фактами из других списков. К известиям этого «Временника», по словам Верещагина, необходимо относиться критически, так как в них немало ошибок, особенно хронологических.

Главным содержанием третьего выпуска «Трудов» за 1905 г. являлась «Повесть о стране Вятской» или «Вятский летописец». В послесловии А.С. Верещагин доказывал, что вторая часть «Повести», т.е. рассказ о походе новгородцев на Вятку в 1174 г., является не только не подтвержденным, но и прямо опровергаемым другими вполне достоверными показаниями о приходе новгородцев в 1374 г., «только с конца XIV века начинается упоминание о Вятке в летописях и начинает обнаруживаться русская жизнь на Вятке»⁹⁸. Верещагин полагал, что 1174 г. это «описка» вместо 1374 г. и, «даже, пожалуй, намеренная», введенная для придания «вящей древности русской земле». Александр Степанович считал «Повесть» произведением «не слишком отдаленной древности» написанной «книжником и далеко неумелым» конца XVII или начала XVIII веков»⁹⁹. Свое утверждение он основывал на том, что сведения повести о заселении Вятки были выписаны из «Вятского временника» со всеми ошибками, появившимися в последствии из-за спутанности листов.

В том, что «Повесть» была составлена в XVII в., Верещагина убедил язык летописи «неправильный славянский», часто сбивающийся на

разговорный русский, и особенно некоторые вскользь сделанные замечания о событиях в Вятке XVII в. Отсюда Верещагин сделал вывод, что вторая часть «Повести» составлена «по преданиям циркулировавшим на Вятке в конце XVII века»¹⁰⁰.

Четвертой работой Верещагина, изданной в 1905 г., был «Летописец старых лет». Из предисловия мы узнаем, что из трех сохранившихся списков «Летописцев» Верещагин считает более древним Рязанский список, по которому и издан «Летописец». «Летописец старых лет» повествует о московских событиях с 1154 по 1727 гг., а о событиях в Вятке начиная со второй половины XVII в. Известия его достаточно кратки и имеют некоторые хронологические неточности.

В следующем выпуске Верещагин поместил пять повестей о Великолукской иконе (XVII –XVIII вв.) в хронологическом порядке. Он показал, что в начале были составлены краткие и простые сказания, а затем, сообразно требованиям времени и вкусу читателей, пространнее. Публикация текстов «Повести» приводилась по рукописям, хранящимся в патриаршей библиотеке, Румянцевском музее, Вятском кафедральном соборе.

Таким образом, изданные в первых четырех выпусках Трудов памятники вятской письменности давали полную картину литературного движения в Хлынове начиная с середины XVII в. Огромное значение для публикуемого материала имели весьма ценные комментарии Верещагина, его подробные предисловия и послесловия, которые по существу являлись самостоятельными научно-исследовательскими работами. После смерти Верещагина «Труды» комиссии уже не могли похвастаться столь обширной и доскональной археографической работой редакторов.

Большое значение Верещагин придавал публикации ценных архивных документов по истории Вятского края. В «Трудах ВУАК» было опубликовано большое количество материала, относящегося к экономической и сословной истории края: писцовые, переписные и дозорные

книги. Переписные и писцовые книги являлись правительственными документами XV-XVII вв. и служили основанием для податного обложения. В писцовых книгах указывалось качество и количество земель местного населения, урожайность, повинности, таблицы доходов. Переписные книги содержали перепись населения, сгруппированного в единицы управления (волости, станы, починки, займища). Сначала в данных документах шло описание города и посада, затем волости с погостами, деревнями и починками. В конце подводились итоги о количестве населения, земель, уплачиваемых налогах.

В V-VI выпусках за 1905 г. были напечатаны документы, извлеченные из Московского архива иностранных дел: «Расписной список стольника и воеводы князя Петра Семеновича Прозоровского...7184 (1676) года», в этом списке заключается довольно полное описание Хлынова на 1676 г. Далее была напечатана «Расходная книга земского старосты г. Хлынова Ивана Репина 1678-1680 годов», по рукописи, хранящейся в Императорской библиотеке. Так же на страницах «Трудов» публиковались писцовые и переписные книги Елабуги, Котельнича, Орлова, Уржума, Яранска. В записях внесенных в эти книги много ценного материала по быту населения Вятского края и особенно много подробных сведений о кормлении воевод и приказных людей на Вятке. Есть здесь и немало указаний на местные события того времени, которых нет в других летописях.

Хорошее знание истории русской церкви позволило Верещагину собрать и составить фундаментальные сборники документов «Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря 1580-1764 гг.» и «Грамоты и акты Вятского архиерейского Дома». Эти грамоты были заимствованы Верещагиным из архива Вятской казенной палаты, Московского архива Министерства Юстиции и частных собраний. Еще Ключевский изучал жития святых в качестве источника по изучению роли монастырей в колонизации. Особенно важную роль монастырской колонизации Ключевский видел в Северо-Восточной Руси.

На Вятской земле первые монастыри появились в конце XVI в. В 1580 г. игуменом Трифоном был основан первый на Вятке Успенский монастырь. На Вятке сложились благоприятные условия для быстрого развития монастырских вотчин, так как здесь были большие никем не занятые пространства. Монастыри являлись незаменимым колонизатором пустующих земель, поскольку крестьян желающих занять дикие земли было немного. Кроме того, правительство, стесняя льготы монастырей в густонаселенных местностях, предоставляло большие льготы на окраинах. Заселение Северной и Северо-Западной Руси во многом обязано монастырям.

Грамоты Успенского Трифонова монастыря и Вятского архиерейского дома дают богатый материал для детальной разработки истории колонизации Вятского края и заселения русскими новых земель. Ценные показания грамоты и акты дают относительно местного финно-угорского населения XVII в. Не менее важны данные документы для истории заселения монастырскими крестьянами земель Вятского края. Успенский монастырь в данном отношении являлся главным колонизатором края не только преимущественно перед другими монастырями Вятки, но даже и Вятского архиерейского дома²⁸. Особенно возросла колониальная работа монастыря во второй половине XVII в., когда он получил земли по берегам Кырмыжа, Кумены, Суны, Ноли, Вои и их мелким притокам. В 1678 г. население, проживающее на землях Успенского монастыря, в два раза превышало население пяти вятских городов.

Таким образом, в «Трудах ВУАК» изданных под редакцией Верещагина, был напечатан ценнейший материал по истории, экономике, быту Вятского края. Документы снабжались подробными предисловиями, именными и географическими указателями, что вполне соответствовало уровню провинциальных историков того времени.

В третьем разделе «Сообщения и Рефераты» печатались различные исторические документы (грамоты, письма, указы, дозорные и писцовые книги, мемуары и воспоминания деятелей Вятки). Кроме того, в данном

разделе было помещено большое количество исследований членов ВУАК по истории, этнографии, археологии, экономике, народному образованию и быту Вятского края. Здесь были опубликованы статьи А.С. Верещагина: «Суздальско-Нижегородские князья в истории древней Вятки», «Новооткрытая Ермолинская летопись», «О походе вятчан на Югру в 1499 году» и многие другие.

В третьем разделе было опубликовано большое количество наказов в комиссию 1767 г. «для сочинения нового уложения». Среди них «Наказ депутату в комиссию нового уложения от купечества города Хлынова (1767 г.)», «Наказ Царевосанчурского уезда от сотников разных волостей», множество наказов от черносотенных крестьян разных уездов Вятской губернии. В этих документах рассеян значительный материал по истории удмуртов, мари, татар, русификаторской политики властей и христианизации края.

Одной из важнейших тем, которой занимались местные исследователи, являлась тема народонаселения края. Видным историком Вятского края, посвятившим около 60 работ истории удмуртов, был член ВУАК Павел Николаевич Луппов¹⁰². Одной из центральных его работ являлось диссертационное сочинения «Христианство у вотяков в первой половине XIX века» и целый комплекс документов, составлявших источниковую базу данной работы. По истории удмуртов в то время практически не существовало литературы, но Луппов любил быть первопроходцем в своих исследованиях. Эту свою черту он объяснял так: «В своем кандидатском сочинении мне хотелось сказать что-нибудь новое, неизвестное читателям, а не перефразировать только старый, уже заезженный материал»¹⁰³. Луппову повезло – он нашел в архиве Вятской духовной консистории брошенный в беспорядке фонд XVIII в. по обращению удмуртов в христианство. Луппов писал, что удмурты являлись одним из финских племен Северо-Восточной Руси. Это племя было невелико, всего около 380 тысяч человек. Основная их масса (до 90%) обитала в Вятской губернии¹⁰⁴. В Глазовском уезде Вятской

губернии удмурты являлись преобладающей частью населения, в Сарапульском и Елабужском уездах - составляли вторую по численности группу населения. В своей работе Луппов в общих чертах рассказал о первоначальной истории удмуртов, их быте, дал сведения о распространении среди них христианства, развитии просвещения и т.д.

Будучи членом ВУАК, Луппов написал вторую монографию по истории удмуртов «Христианство у вотяков в первой половине XIX века». Она была напечатана в I-II выпусках «Трудов» ВУАК за 1911 г. Как и первая монография, вторая работа Луппова носила историко-этнографический характер, но в большей степени отвечала своему названию. В ней автор дал подробный анализ деятельности Вятских епархиальных властей и миссионеров по христианизации удмуртов в XIX в. Главной задачей исследования Луппов видел освещение хода миссионерской деятельности в одном из нерусских племен Европейской России.

Луппов подчеркивал, что первая половина XIX в. являлась временем значительного оживления миссионерства в России, христианизация удмуртов стала предметом усиленной заботы Вятского епархиального начальства и Высшего духовного управления. Организовывались специальные миссии среди удмуртов, а миссионерами выбирали лиц, владеющих удмуртским языком и хорошо знакомых с их бытом и обычаями. Задачи миссионеров оставались прежними: приучение удмуртов ходить в церковь на богослужение, совершение христианских обрядов. Усилилось обучение удмуртских детей грамоте, оно велось в специальных начальных школах и на квартирах членов причта. Главным способом христианизации Луппов называл принуждение, но в XIX в. все чаще стали использовать увещевание, убеждение.

Тщательно проанализировав источниковую базу, Луппов пришел к выводу, что процесс обращения удмуртов в христианство ко второй половине XIX в. еще не был завершен, оставались тысячи некрещеных удмуртов. Удмурты принимали христианство в основном либо по принуждению, либо

из-за материальной выгоды (денежные награды, льготы по воинской повинности). Луппов писал, что в XIX в. среди удмуртов начало укореняться религиозно-психологическое состояние двоеверия, когда в их умах укрепилась мысль, что и христианская вера может быть полезна, что «надо и по-вотски, и по-русски молиться»¹⁰⁵. К данной монографии Лупповым было дано солидное приложение в виде документального материала на 339 страницах. Этот материал является ценной источниковой базой: в 145 документах (указах, письмах властей, отчетах миссионеров и т.д.) можно найти сведения по домашнему быту удмуртов, пище, одежде, их обычаях.

Другим исследователем истории народов Вятского края был историк, археолог, этнограф Михаил Георгиевич Худяков. Он начал сотрудничать с ВУАК будучи студентом историко-филологического факультета Казанского университета. Худяков всерьез занялся археологией и историей родного Малмыжского уезда. В 1915-1917 гг. в «Трудах» ВУАК было опубликовано более 10 его работ по истории Малмыжа: «Исторический очерк города Малмыжа», «Материалы по истории татар Малмыжского уезда» и другие. Эти работы содержат ценный материал по истории удмуртов, татар, марийцев.

Одним из направлений деятельности ГУАК была археологическая работа. Единственным специалистом в области археологии среди членов ВУАК был В.Д. Емельянов. Он написал несколько статей по археологии Вятского края. В статье «О необходимости изучения Вятского края в археологическом отношении» Емельянов писал о том, что на территории Вятского края столкнулись различные культуры: финно-угорская, болгарская и русская. Поскольку письменные документы тех времен до нас не дошли, то весьма важно проводить планомерные раскопки городищ, могильников, курганов.

В «Трудах ВУАК» помещались сообщения об археологических раскопках проводимых в других губерниях. Например, А.С. Лебедев сделал доклад «О Пижемском городище»(1908 г.), В.И. Шабалин написал статью

«Чертовое городище»(1908 г.), Н.Н. Блинов - «К раскопкам в городе Сарапуле на Оползине»(1909 г.). М.Г. Худяков в статье «Древности Малмыжского уезда»(1917 г.) рассказал о памятниках эпохи неолита и бронзы, найденных в Малмыжском уезде.

Отдельные выпуски «Трудов ВУАК», как и других комиссий, посвящались юбилейным датам в истории Отечества. Так III выпуск «Трудов» за 1912 г. был посвящен столетию Отечественной войны 1812 года. В нем были напечатаны материалы о причастности Вятской губернии к событиям военных лет: «Материалы для истории Отечественной и освободительной войны 1812-1813-1814 годов по Вятской губернии», собранные членом Императорского военно-исторического общества В.Р. Апухтиным по поручению Вятской губернской земской управы. Апухтин работал над сбором материала в Московском отделе Главного исторического архива, архиве МВД и ряде других московских и петербургских архивах. В этом выпуске так же были помещены «Материалы об истории Отечественной и освободительной войны по архиву Вятской духовной консистории», повествующие об участии вятского духовенства в событиях Отечественной войны 1812 г., документы о французских военнопленных в Вятке.

К 300-летию дома Романовых публиковались документы об участии вятчан в борьбе с польско-шведской интервенцией. Например, статья И.Е. Забелина «Вятчане и князь Дмитрий Пожарский». В I-II выпуске «Трудов» за 1913 г. была опубликована объемная работа (345 страниц) Л.Н. Спасской «Прошлое Вятки с ее заселения русскими до воцарения Михаила Федоровича Романова. Исторический очерк». Цель данного труда Спасская видела в изложении в связном хронологическом порядке всего, что относилось к старой жизни на Вятке. Автор проделала огромную кропотливую работу по извлечению и систематизации материала относящегося к истории Вятского края, разбросанного по небольшим статьям местных исследователей и капитальным трудам русских историков. ВУАК

приняла активное участие в праздновании 300-летия со дня кончины Преподобного Трифона Вятского Чудотворца. В «Трудах ВУАК» были напечатаны обширные материалы, посвященные Трифону Вятскому. Преподобный Трифон не принадлежал к числу святых чтимых всей русской церковью, а был известен как местный святой и чествовался только в Вятской губернии и в некоторых районах Архангельской и Пермской губерний.

После смерти А.С. Верещагина встал вопрос о выборе нового редактора. На заседании 19 января 1909 г. редактором был избран В.Д. Емельянов, как наиболее подготовленный к этой деятельности член комиссии, получивший специальное образование в Археологическом институте. Емельянов согласился на эту должность с условием, что он не будет связан какой-либо программой и сроками издания «Трудов ВУАК». В.Д. Емельянов являлся редактором в течение двух лет. За это время вышло 6 выпусков «Трудов ВУАК». По своему содержанию они были беднее, чем «верещагинские» и меньше по объему. Емельянов подготовил к печати писцовые книги г. Котельнича и г. Орлова 1629 г., переписную книгу г. Орлова 1678 г., 50 царских грамот XVII в., разрозненный материал по истории села Макарье Вятского уезда и Елабужского Троицкого монастыря.

Емельянов пытался продолжать традиции, заложенные А.С. Верещагиным, и снабжал публикуемый материал своими предисловиями и послесловиями. Так, при публикации писцовых и переписных книг он дал характеристику данного материала в качестве исторического источника, произвел сравнительный анализ переписных книг разных лет. Так, сравнивая переписные книги 1629 и 1678 гг. по Котельничу и Орлову, Емельянов сделал вывод о слабом процессе колонизации Вятского края в XVII в. Причину этого он видел в низкой урожайности земли, высоких податях и свободолюбии населения. «Ища привольного жития и свободы, население Вятского края, - писал Емельянов, - едва садилось на землю, тотчас покидало ее, убегая в степи к казакам»¹⁰⁶.

На заседании 10 февраля 1909 г. Емельянов поставил вопрос о необходимости печатать в «Трудах ВУАК» статьи по этнографии и археологии Вятского края. Другой особенностью «Трудов» под редакцией В.Д. Емельянова стало помещение в них статей и рефератов, написанных не по первоисточникам, как это было при Верещагине, а составленных по материалам уже опубликованным в малодоступных для широкой публики изданиях. В «Трудах ВУАК» начали перепечатываться статьи и документы, относящиеся к истории Вятского края, которые в разное время появлялись в различных изданиях.

На первоначальном этапе деятельности комиссии, когда редактором был А.С. Верещагин, «Труды ВУАК» встречали множество положительных отзывов как со стороны других ГУАК, так и со стороны столичных научных обществ и видных историков. В начале XX в. на страницах «Исторического вестника» регулярно помещались критические отзывы В.Г. Рудакова о деятельности различных ГУАК. Рудаков не был знаком ни с одним из членов ВУАК и потому его трудно обвинить в предвзятости. Так, в отзыве на «Труды ВУАК» за 1905 г. Рудаков писал: «Ценность помещенных материалов для истории Вятского края настолько неоспорима и значительна, что остается только пожелать многолетия главному работнику комиссии Александру Степановичу Верещагину, и проявления большего сочувствия и денежной поддержки со стороны земства, жертвователей и местной губернской типографии в деле издания «Трудов»¹⁰⁷. Оценивая «Труды ВУАК» за 1906 г. Рудаков подчеркивал, что «можно только удивляться и благодарить Вятскую ученую архивную комиссию за весьма просвещенное и неутомимое исследование исторических судеб Вятского края»¹⁰⁸. Подобные отзывы встречались в «Журнале МВД», «Известиях Императорской Археологической комиссии» и других периодических изданиях.

В то же время появлялись и критические замечания в адрес редакторской работы Верещагина. Столичные ученые обвиняли местных исследователей в «мелкотемье», отсутствии самостоятельных концепций, фактографии,

низком научном уровне. В 1908 г. в журнале министерства народного просвещения был напечатан критический отзыв С.А. Шумакова на издание «Грамот и актов Успенского Трифонова монастыря»¹⁰⁹. Шумаков обвинил составителя Верещагина в том, что тот слаб в палеографии, не видит разницы между оригиналами и позднейшими списками, иногда ошибается в терминологии и датировке грамот, «напрасно слепо доверяет» показаниям ряда грамот. В ответе Верещагина по поводу рецензии Шумакова, Александр Степанович продолжал отстаивать свое право на научную самостоятельность. В частности по поводу обвинения в отсутствии подробных юридических изъяснений отдельных терминов, Верещагин указывал, что подобные объяснения не нужны, поскольку «Труды ВУАК» рассчитаны не на ученых-специалистов, а на «среднего местного читателя, преимущественно – евреев, преподавателей средних и начальных школ». Верещагин отметал все обвинения в «неверности» фамилий, названий и терминов, однако признавал возможные неточности в датах¹¹⁰.

В целом А.С. Верещагина отличала непримиримость к чужим мнениям, что иногда приводило к ошибкам. Ряд положений некоторых его работ (особенно по заселению Вятского края русскими) требуют сегодня пересмотра. Проведя детальный источниковедческий анализ, Александр Степанович не всегда переходил к синтезу, обобщению полученных данных. Но высокий научный уровень, энциклопедичность и добросовестность работ завоевала ему авторитет и уважение научной общественности, как Вятского края, так и других областей.

Впоследствии, когда подготовку «Трудов ВУАК» к печати осуществляли В.Д. Емельянов, а затем и Н.А. Спасский, издательская деятельность комиссии не раз подвергалась критике в местной печати. Так, в 1914 г. в газете «Вятская речь» появилась статья неизвестного автора, в которой тот дал резко отрицательную характеристику «Трудам ВУАК». Он называл издательскую деятельность комиссии «унылым гробокопательством»: «Извлекают покойника из одного гроба, именуемого архивами, и переложат в

другой гроб, именуемый «Трудами» комиссии». По словам автора статьи, ВУАК представляла собой «небольшую кучку матерых чиновников и нескольких священников», а «Труды» комиссии – «случайно извлеченные исторические документы, перепечатанные и сброшюрованные»¹¹¹. Подобная критика имела под собой определенную основу. После кончины Верещагина документы часто публиковались без системы, без связки, зачастую это был необработанный материал, да и доля самостоятельных исследований была невелика. Однако, «Труды ВУАК» не являлись научно-популярным сборником, рассчитанным на широкую публику. Документальный материал был рассчитан на местных историков-любителей, которые на основе данных документов могли писать исследовательские работы. Для данного круга лиц, «Труды ВУАК» являлись ценным изданием, поскольку предоставляли возможность ознакомления с материалами, хранящимися не только в архивах Вятской губернии, но и в столичных архивах, а, следовательно, практически недоступных для местных исследователей.

В 1916 г. с резкой критикой в адрес ВУАК обрушились гласные губернского земского собрания, решая вопрос об ассигновании пособия для ВУАК. Они обвиняли членов комиссии в односторонности публикуемых материалов, подчеркивали, что поскольку подавляющее большинство членов комиссии составляли лица духовного звания, то и материал издавался в основном церковного характера. Ряд гласных предложили даже лишить ВУАК пособия, ссылаясь на тяжелое военное время. Однако, благодаря председателю земского собрания М.С. Довгялло, считавшего разработку истории Вятского края важным делом, комиссия все же получила пособие в размере 300 руб. (вместо 500 руб.)¹¹²

Обвинения в адрес ВУАК были не во всем справедливы. Во-первых, из 89 членов комиссии в 1915 г. лицами духовного звания являлись всего 12 человек, а активно принимали участие в деятельности ВУАК 2-3 человека. Кроме того, в «Трудах ВУАК» помещались не только материалы найденные в церковных архивах, но и документы из Московского архива министерства

юстиции, архива МВД, архива губернского правления и других. Редактор «Трудов ВУАК» Н.А. Спасский, защищая позицию ВУАК в издании материалов церковного характера, говорил: «Влияние церкви в жизни русского народа было весьма глубоко. В древние времена на Руси вообще, и в том числе на Вятке, особенно в XVII веке вся жизнь сосредотачивалась около церкви, все творчество преимущественно служило религии и церкви, и около них сосредотачивалась вся письменность, живопись, зодчество, резьба...Одно это служит достаточным основанием для того, чтобы эта сторона жизни была серьезно изучена и нужный для того материал был собран, извлечен и подготовлен для дальнейших научных исследований»¹¹³. Спасский считал весьма полезным публикацию на страницах «Трудов ВУАК» церковных и монастырских актов, тем более что в них встречалось много сведений по колонизации края, его экономике, народонаселению, быту и культуре.

В то же время доля правды в критических замечаниях в адрес «Трудов ВУАК» была и это признавали многие члены комиссии. Так, И.М. Осокин считал, что содержание «Трудов» нуждалось в серьезной корректировке. Он не раз обращал внимание своих коллег на то, что «Труды ВУАК» не пользовались популярностью среди интеллигенции, поскольку печатался в основном необработанный материал – тяжелый для чтения и малоинтересный для обычной публики. Для оживления «Трудов ВУАК» Осокин предлагал оживить саму комиссию, путем «вливания свежей крови» в ВУАК, то есть путем принятия новых членов.

Н.А. Спасский на заседании 13 апреля 1914 г. сделал доклад о необходимости помещать в «Трудах ВУАК» популярные работы по истории края для привлечения внимания публики. И.М. Осокиным был намечен ряд тем по истории края с указанием к ним необходимого исторического материала с тем, чтобы привлечь новых сотрудников для исследовательской работы. Темы были рассчитаны на людей с разным уровнем подготовки: одни предназначались для учащихся Казанской духовной академии и

университетов, в качестве кандидатского сочинения; вторые для семестровых работ; третьи для написания рефератов учащимися средних учебных заведений¹¹⁴. Осокин так же предлагал расширить программу «Трудов» за счет материалов и статей по церковной археологии, первобытной археологии, исторической географии, этнографии и т.д.

В 1917 г. положение ВУАК начало колебаться. В начале 1917 г. вышли последние два выпуска «Трудов ВУАК». Главным препятствием для продолжения издательской деятельности было отсутствие средств (ВУАК перестала получать субсидии от местных властей, процентные бумаги на сумму 5 тыс. рублей, хранящиеся в банке, были аннулированы)¹¹⁵. В 1918 г. члены комиссии подняли вопрос о возобновлении издания «Трудов ВУАК». В новых выпусках планировалось помещать виды церквей, городищ, старинных зданий, «замечательных в архитектурном отношении»¹¹⁶. П.Н. Луппов внес предложение о подготовке к печати археологического путеводителя по Вятке. Однако попытки продолжать выпуск «Трудов» не увенчались успехом.

Печатные материалы являются наиболее значительным наследием, оставленным ВУАК. Редакционная политика опиралась на принцип изучения истории России через изучение истории своей губернии, что было общим принципом всех ГУАК. В 46 выпусках «Трудов ВУАК» были помещены тысячи единиц документов по экономической истории края, по истории церквей и монастырей и их колонизаторской политике, по культуре и быту вятчан. Члены ВУАК печатали свои статьи по истории края, археологии, этнографии, географии, фольклору, по истории народностей Вятки и т.д. Отличительной чертой «Трудов ВУАК» было отсутствие статей по истории дворянства и крепостнического хозяйства, как это было у ряда ГУАК. Эта особенность происходила оттого, что в Вятской губернии практически отсутствовали представители дворянства, а соответственно не было распространено и помещичье землевладение.

Таким образом, ВУАК, как и многие другие комиссии, переросла уровень «архивной» и стремилась делать науку. «Труды ВУАК» являются ценнейшим источником по истории Вятки, так как многие документы, опубликованные в них, позднее были утрачены. Материалы, содержащиеся в «Трудах», являются серьезной источниковой базой для изучения истории Вятского края XIV-первой половины XIX вв. В 1980-90-х гг. документы, опубликованные в «Трудах», были использованы для написания научных работ по темам «Соликамские летописи и архивы XVII-начала XIX вв.», «Рукописные словари марийского языка XVIII-XIX вв. как источник формирования марийской письменности» и другие.

Главными слабостями научно-исследовательской деятельности ВУАК, как и других комиссий, были узость кругозора, локальность выбранной тематики, неумение сопоставлять местные явления с общероссийскими процессами, а порой и с явлениями соседних губерний. Типичным для всех ГУАК являлось отсутствие философской основы исследований и теоретического осмысления материала. Наиболее распространенным способом написания статей и научных работ было изложение фактического материала в связной повествовательной форме. ГУАК не оставили обобщающих трудов по истории России, не создали каких-либо собственных исторических концепций, но подобные задачи и не ставились перед архивными комиссиями. Главным в их деятельности было «прописать» историю своей губернии в общерусской истории.

Наряду с явными слабостями местных исследовательских работ, они имели и ряд положительных черт. Во-первых, провинциальные исследователи применяли комплексный подход к написанию своих работ, они активно использовали данные географии, статистики, этнографии, литературы, фольклористики. Во-вторых, провинциальные историки придерживались принципа, согласно которому полнота знаний зависела от полноты и доброкачественности источников, а потому в своих работах они опирались на широкий комплекс тщательно проверенного архивного

материала и, таким образом, ввели в научный оборот массу архивных документов.

Современный исследователь С.В. Чирков так определил значение издательской деятельности ГУАК: «Полный список всего содержания выпущенных учеными архивными комиссиями сборников и отдельных книг...рождает ощущение почтительного изумления. Здесь не только огромное количество текстов письменных памятников древних и новых времен...не только описи и обзоры архивных материалов, хранившихся в самих комиссиях и в частных руках, но и интересные труды по археологии, архивоведению, археографии, охране памятников древности, церковной истории, истории летописания, дипломатике, нумизматике, иконографии, геральдике, демографии, этнографии, библиографии, книговедению, палеологии и орфографии, не говоря уже об истории литературы, истории науки, сюжетах местной истории, в которой ярко выступает направление истории «повседневности»¹¹⁷.

2.3. Провинциальные музеи на рубеже XIX-XX вв. и деятельность Трифоновского церковно-археологического музея.

Великие реформы 1860-70-х гг. затронули многие аспекты общественно-политической и социально-экономической жизни, оказали они большое влияние и на развитие культуры. Конец XIX-начало XX вв. называют «серебряным веком» русской культуры. Особенностью периода была «неслыханная тяга широких народных масс к просвещению, к свету, к знаниям»¹¹⁸. Тягу к культуре, к просвещению старались удовлетворить возросшей сетью библиотек, устройством лекториев, музыкальных вечеров и, конечно, организацией музеев. Государственные учреждения поощряли интенсивный рост музейной сети, особенно в провинции. Местные музеи, занимавшиеся изучением края, сбором местного материала, коллекций, отражающих природу края, его историю и экономику, являлись прототипами современных краеведческих музеев.

На протяжении XIX в. понятие о назначении музеев менялось. Первые отечественные музеи играли роль древлехранилищ и были доступны лишь ограниченному кругу посетителей. Во второй половине XIX в. музеи начали использовать в образовательных, эстетических и воспитательных целях. В проекте «Положения о попечительных советах при музеях Императорской Академии Наук» говорилось: «Музеи уже давно перестали служить кабинетами редкостей, удовлетворяющими одну только любознательность случайной публики. Помимо широких педагогических задач, музеи являются крайне важными учебными учреждениями, настоящими лабораториями для специалистов»¹¹⁹.

Потребности экономического развития страны (строительство железных дорог, изыскание новых месторождений полезных ископаемых и т. д.) вызвали необходимость изучения природных богатств, хозяйственного развития, истории края. Музеи, занимавшиеся всесторонним изучением родного края, назывались комплексными. Термина «краеведческий музей» до революции не существовало. За период с 1861 по 1917 гг. было открыто

сорок пять музеев комплексного профиля, из которых половина приходилась на отдаленные от центра районы Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока, Кавказа¹²⁰.

Возникали комплексные музеи, специализированные музеи и даже педагогические. Целью педагогических музеев было ознакомление преподавателей с передовым опытом учебно-воспитательной деятельности в России и на Западе¹²¹. В задачи всех музеев входило накопление и научная обработка материала, всесторонне отражающего жизнь края; использование материала для пропаганды научных знаний среди населения с помощью создания экспозиций, организации экскурсий.

В этот период в Западной Европе также шел активный процесс образования музеев. Причем, музеи открывались не только в крупных городах, но даже в небольших селах и почти при каждой школе. Все эти музеи, как и в России, создавались не правительством, а стараниями и инициативой частных лиц.

Комплексные музеи с их коллекциями, собиравшимися в ходе исследований, служили целям познания и просвещения. П.В. Алабин – устроитель музеев в Вятке и Самаре подчеркивал необходимость использования музеев для просветительских целей: «Правильно устроенный и вполне доступный публике музей признается одним из лучших способов проведения полезных и необходимых сведений в народную массу. Музей, представляя своим посетителям первоначально только привлекательную сторону знаний, легко удовлетворяя любознательность без напряжения и труда, невольно увлекает человека к более близкому и глубокому ознакомлению с предметом, пробуждает в своих посетителях интерес к знанию»¹²². Таким образом, музеи благодаря предметности и наглядности материала привлекали внимание широких слоев населения.

А.С. Лаппо-Данилевский указывал на пользу местных музеев в нравственном воспитании населения: «Всестороннее изучение родной земли является одним из самых деятельных факторов нравственного возрождения

народов. Во всех странах, где подрастающее поколение под руководством опытных наставников, изучают природу, быт и прошлое своей земли, в населении постепенно вырабатывается сознательная любовь к отечеству»¹²³.

Сбор материала для музеев шел в нескольких направлениях. Во-первых, экспонаты собирались в ходе экскурсий, устраиваемых для сбора материала характерного для данного края. Например, в основе Полтавского музея находились ботаническая и геологическая коллекции, собранные по поручению профессора В.В. Докучаева¹²⁴. Во-вторых, большое значение имели дары местного населения. Иногда в музеи передавались крупные частные собрания. Так, Енисейский музей был создан на основе собрания золотопромышленника-краеведа А.И. Кытманова. Музей Полтавского губернского земства в 1906 г. обогатился обширным собранием (около 20 тысяч предметов) местной помещицы Е.Н. Скаржинской¹²⁵. В-третьих, притоку вещей в музеи способствовало оповещение об открытии музея и опубликование перечня необходимых предметов. Читинский музей за первый год своего существования получил около 2,5 тысяч предметов от 97 лиц. Предметы поступали от представителей различных социальных групп (от интеллигенции до крестьянства)¹²⁶.

Многие важные вопросы, касающиеся организации и существования музеев в губерниях, были подняты на VII археологическом съезде, проводившемся в Ярославле в 1887 г. Дело в том, что в системе правительственных учреждений дореволюционной России не было специального органа руководящего культурной жизнью, в частности, музейным делом. С докладом «Областные музеи» выступила графиня П.С. Уварова – председатель МАО. Целью своего доклада она назвала привлечение внимания правительства и общественности к тому, «что сделано для археологии России, для изучения нашей страны частными лицами, частной инициативой, которой обязаны мы основанием почти всех музеев и коллекций». Уварова подчеркнула, что губернские, областные и земские музеи являлись по существу «общественным достоянием, но вызванным к

жизни и обязанным своим ростом единственно энергии тех же частных лиц, большей частью совершенно неизвестных скромных местных тружеников»¹²⁷. В то же время она считала вполне естественным тот факт, что местные музеи создавались по частной инициативе, поскольку «для этого дела необходимо знакомство с местностью и местным населением, особенная любовь и преданность делу»¹²⁸.

Коллекции, собранные этими энтузиастами, зачастую играли первенствующую роль в изучении края. Сами коллекции местных музеев были не так богаты как коллекции столичных музеев, но зато предоставляли возможность посетителям «изучать местную культуру со всеми влияниями, которым подвергалось население края с древнейших времен» В то же время Прасковья Сергеевна поставила вопрос о необходимости тесной связи между частными тружениками и правительством, которое должно помогать делу «направленному ко благу всего народа». Правительство, по словам Уваровой, должно было стать ангелом-хранителем ценных музейных коллекций.

На съезде был предложен проект «Положения для губернских и областных музеев»¹²⁹. В нем предусматривался статус музеев как государственных учреждений, чьи коллекции должны составлять государственное достояние. В задачи музеев входило наглядное ознакомление публики с историей и культурой края. Говорилось в проекте и о желательности денежных ассигнований со стороны правительства тем местным музеям, которые просуществовали три года и доказали свою дееспособность. Однако, вопросы поднятые на съезде не были решены ни в 1880-х гг., ни позднее. В отдельных случаях музеи переходили под покровительство государства. Это зависело от значения музейных коллекций, от инициативы местных властей. Например, в 1866 г. при Тверском губернском статистическом комитете был образован музей, целью которого ставилось изучение истории, природы и промыслов края. Со временем в данном музее сосредоточились археологическая, рукописная, этнографическая коллекции и музей встал в ряд самых богатых

провинциальных древлехранилищ. Встал вопрос о необходимости приобретения нового просторного помещения. Благодаря ходатайству местного губернатора музею была передана западная часть Тверского императорского дворца, а затем музей был переведен на государственное финансирование и передан в ведение министерства народного просвещения¹³⁰.

Во второй половине XIX в. существовало два пути образования местных музеев. Один путь – возникновение музеев как результат деятельности учреждений, изучающих край. Это музеи при статистических комитетах, губернских земствах, ГУАК, отделениях Русского географического общества. Другие музеи создавались как самостоятельные учреждения на основе труда краеведов-любителей и местного населения. В 1860-80-х гг. важную роль в организации музеев играли губернские статистические комитеты. Наряду с главной своей задачей – ведением губернской административной статистики, статкомитеты занимались описанием своей губернии в топографическом, историческом, промышленном, сельскохозяйственном отношении. Многие из статистических комитетов собирали коллекции различных предметов старины, сюда же передавались экспонаты с проводившихся выставок (сельскохозяйственных, промышленных), и, таким образом, создавались музеи. Статкомитетами были открыты музеи в Архангельске (1859 г.), в Уфе (1865 г.), в Твери (1866 г.) и во многих других городах¹³¹. Так как в задачу статистических комитетов входило всестороннее описание губернии, то и в музеях скапливался материал, характеризующий природу, экономику, историю родного края. Однако, поскольку для статкомитетов деятельность по изучению края имела второстепенное значение, то музеи создавались в основном из случайных поступлений и не могли обеспечить высокий научный уровень.

Расширение сети местных научных обществ в последней четверти XIX в., проведение в жизнь реформы городского самоуправления и земской реформы привели к тому, что инициатива в создании музеев перешла к

губернским земствам и городским думам. Эти музеи являлись подсобными учреждениями при земствах и призваны были содействовать изучению губернии. Если музеи при статистических комитетах складывались в основном стихийно, то земства имели заранее разработанную программу. Так как земства обычно оказывали материальную поддержку местным образовательным учреждениям, то в их ведении находились некоторые музеи. Например, в Вятской губернии музей при палате государственного имущества в 1874 г. перешел в ведение губернского земства.

Во второй половине XIX в. на местах открывались научные общества различного типа: местные отделения Русского географического общества (в Омске, Иркутске, Хабаровске), Общества любителей естествознания (в Екатеринбурге, Перми, Ярославле), ГУАК. Эти учреждения имели целью всестороннее изучение края. Члены ГУАК понимали всю необходимость создания историко-этнографических музеев для сохранения ценных памятников старины и создания картины жизни родного края. Так, музей Оренбургской ГУАК собирал не только коллекцию «предметов древностей», но и ботаническую, минералогическую, зоологическую коллекции¹³². Сотрудниками Владимирской ГУАК было решено организовать не просто исторический музей, а обще-губернский музей, в задачи которого входило бы изучение «не только памятников старины, дающее понятие о давно прошедшей жизни губернии, но и о современной, выражающейся в ее промышленности, в ее земледелии, кустарных и иных промыслах»¹³³.

Не все ГУАК занимались организацией музеев. Например, в Екатеринославле существовал областной музей имени А.Н. Поля с историческим, археологическим, церковно-историческим и этнографическим отделами. Члены Екатеринославской ГУАК посчитали нецелесообразным открытие собственного музея, дублирующего работу областного музея, и полностью сосредоточились на архивной деятельности¹³⁴.

Музеи местного края возникали и в качестве самостоятельных учреждений в результате работы местных исследователей края. По частной

инициативе были образованы музеи в Тифлисе (1864 г.), Минусинске (1887 г.), Самаре (1880 г.), Казани (1895 г.) и других городах. В Вятке в 1866 г. трудами П.В. Алабина был образован музей при Вятской публичной библиотеке. Алабин разослал по всей Вятской губернии программы для собирания коллекций, купил дом под музей, приобрел мебель, выхлопотал пожертвования на нужды музея у местной администрации. По замыслу Алабина музей должен был стать «учреждением прежде всего образовательным, служащим для наглядного ознакомления с царством природы и с делами рук человеческих ... вместе с тем он должен послужить лучшим вспомогательным средством для изучения истории, и стать хранителем остатков старины обитавших в крае народностей; он же должен послужить надежнейшим средством образования народного вкуса, дать толчок умственной деятельности, развить любовь к науке»¹³⁵.

Музей Алабина включил в себя сельскохозяйственный, историко-этнографический и художественный отделы, а также богатейшее собрание минералов, отлично составленный гербарий, Петр Владимирович приобрел для музея множество ценных русских и иностранных изданий. С отъездом Алабина из Вятки деятельность музея затихла. Попечительный совет публичной библиотеки, не находя в своей среде лиц способных заняться ведением музея, решил его продать в 1874 г. Вятскому земству для учительской семинарии. Продажа стала гибельной для музея. Более 10 тысяч экспонатов музея были перевезены в тесное помещение, выделенное в семинарии, публика посещала музей редко.

Организация музеев местного края в начале XX в. была связана с возникновением «родиноведческого» движения. Имелось в виду изучение сравнительно небольшой территории (уезда, губернии) с целью всесторонней ее характеристики. Подобные музеи открывались в уездных городах и даже в крупных селах. Например, в слободе Кукарке Вятской губернии в 1910 г. был открыт Естественно-этнографический музей Кукарского общества

образования, в Сарапуле с декабря 1914 г. начало действовать Общество изучения Прикамского края, которое также основало свой музей.

Все музеи проводили первичную систематизацию предметов. Одни из музеев (Пермский, Казанский, Самарский) исходили из многообразия собранного материала и стремились приблизить классификацию к общепринятой в науке. Так Пермский научно-промышленный музей имел археологический, исторический, этнографический, зоологический, геологический, ботанический и другие отделы¹³⁶. Члены Орловской ГУАК образовали музей, состоящий из пяти отделов: археологического, церковного, архивного, этнографического и отдела нумизматики¹³⁷. В ряде музеев (Архангельском, Полтавском) при классификации материала учитывались особенности природы, экономики, истории края. Олонецкий музей включал в себя отдел лесной промышленности, отдел судостроения, отдел местных пород растений и насекомых¹³⁸. Таким образом, единой системы систематизации материалов музеями не применялось. Все зависело от материальных возможностей музеев (наличие помещения, средств на приобретение необходимых экспонатов), от желания музейных работников, от поддержки местных властей.

Комплексные музеи образовывались не в одночасье, а складывались постепенно. Характерным было преобладание одних отделов над другими, изменение профиля музея в связи с расширением какого-либо отдела, смены должностных лиц. Например, Тверской музей, созданный местным статистическим комитетом в качестве комплексного, при открытии имел обширные сельскохозяйственный и промышленный отделы. Со временем работники музея собрали богатый историко-археологический материал, а комплектование промышленного отдела совершенно прекратилось¹³⁹.

Центральные власти, как правило, не принимали участия в открытии музеев и постоянной материальной поддержки им не оказывали. Многие ГУАК, чтобы найти деньги на открытие музея, рассылали извещения, подписные листы об образовании музея местным землевладельцам, земским

и уездным собраниям и другим организациям с просьбой о материальном содействии.

Необеспеченность местных общественных музеев средствами, зависимость от случайных обстоятельств (взаимоотношения с местными властями, смены работников музея) приводили к спадам и подъемам в деятельности музеев. Для того чтобы придать местным музеям статус официальных учреждений, их основатели обращались в городские и земские управы с просьбой принять музеи под покровительство городских дум или губернских земств. Это помогало укрепить положение музеев, обеспечить их пособиями от местных властей. Однако, подчинение музеев органам местного самоуправления носило в большинстве случаев формальный характер и выражалось в небольших и нерегулярных пособиях.

Отношение государства к местным музеям выражалось в регистрации музеев, наблюдению за их деятельностью, иногда частичном их финансировании. Единого органа по руководству музеями не существовало. Вопросы финансирования, утверждения уставов музеев могли решаться разными ведомствами. Например, уставы Ярославского, Уфимского, Тверского музеев утверждались министерством народного просвещения¹⁴⁰, а уставы Астраханского и Нерчинского музеев – министерством внутренних дел¹⁴¹. В целом сеть местных музеев складывалась стихийно, без участия государства и этот процесс зависел от экономической, общественной, культурной жизни той или иной губернии.

Мысль об открытии исторического музея при ВУАК стала активно обсуждаться членами комиссии с 1909 г. Они надеялись, что образование музея предотвратит гибель многих предметов древности от расхищения, уничтожения, от собирания их скупщиками и продажи в музеи других губерний. В одной из своих статей член ВУАК М.Г. Васильев писал: «Историку, изучающему прошлую судьбу Вятского края, должны быть особенно дороги так называемые вещественные памятники старины, по которым можно судить, как жили прежде наши предки, какие обычаи имели,

как одевались, как обставляли свои жилища... но, еще пожалуй важнее, проследить высшие запросы их души: их верования, религиозные обряды»¹⁴².

В.Д. Емельянов также говорил о необходимости образования музея: «Собирание и сохранение памятников местной старины есть дело общества сознательно и с интересом относящегося к жизни своих предков. Бережливое или небрежное отношение к обстановке предков – показатель общественной культуры. Историко-археологический музей – есть сокровищница, где предметы вековой и тысячелетней культуры, собранные воедино, могут показать, как постепенно развивалась жизнь наших предков»¹⁴³.

17 марта 1909 г. члены ВУАК избрали подкомиссию для разработки вопроса об открытии музея. Подкомиссия обратилась к проходившему в то время Епархиальному съезду духовенства с просьбой о содействии в деле охраны церковно-археологических памятников. Епархиальный съезд с сочувствием отнесся к идее создания музея и постановил, что необходимо для сохранения церковных памятников учредить особый церковно-археологический музей¹⁴⁴.

С декабря 1909 г. на заседаниях ВУАК началось обсуждение вопросов, касающихся открытия музея. В.Д. Емельянов составил проект нового музея. Главной целью музея ставилось «исследование, собирание, изучение и описание вещественных и письменных памятников местной старины». Планировалось, что работники музея станут наблюдать за сохранением старинных храмов, икон, церковной утвари, исследовать городища и курганы, собирать и хранить вещественные и письменные памятники местной старины, устраивать выставки. Кроме того, в обязанности членов музея должно было войти изучение местных обычаев и преданий. Также музей предполагалось использовать в качестве средства внешкольного просвещения, наглядно рисующего историю родного края.

По проекту, историко-археологический музей являлся комплексным и должен был состоять из шести отделов: отдела церковных древностей, палеонтологического, первобытной археологии, этнографического,

нумизматического, отдела рукописей и художественно-промышленного¹⁴⁵. Для управления музеем предполагалось избрать специальный совет из членов ВУАК, известных своей научной деятельностью и знающих местные древности. Непременным попечителем музея должен был стать губернатор. Предполагалось, что музей будет существовать на членские взносы, пособия от епархиального духовенства, субсидии от земства и городов, частные пожертвования. Для наблюдения за сохранностью памятников архитектуры, собирания сведений о них, составления коллекций для музея, изучения преданий, песен, сказок, музей должен был командировать своих членов для обзора края.

25 июля 1910 г. началось детальное обсуждение проекта. В нем приняли участие председатель ВУАК губернатор П.К. Камышанский, вице-губернатор Д.Д. Григорьев, а также председатель подготовительной к Епархиальному съезду комиссии священник В.М. Тихоницкий. По ряду вопросов мнения членов ВУАК разделились. Так одни считали, что необходимо открыть общий историко-археологический музей с особым церковно-археологическим отделом, мотивируя это тем, что подобный музей будет «более интересен для публики и более серьезен в культурном плане». Другие полагали, что сначала лучше открыть церковно-археологический музей в Епархиальном доме, так как уже имеется помещение. Вторую точку зрения отстаивал и священник Тихоницкий, говоря, что Епархиальный съезд решил учредить только церковно-археологический музей.

Обо всех решениях, принятых на заседаниях ВУАК, было доложено Епархиальному съезду. 4 и 7 сентября 1910 г. Епархиальный съезд обсудил вопросы, касающиеся открытия музея. В.Д. Емельянов разъяснил участникам съезда цели и задачи музея и указал, что музей будет приурочен к 300-летию со дня кончины преподобного Трифона, Вятского Чудотворца и 300-летию царствования Дома Романовых.

Епархиальный съезд решил принять участие в устройстве в Вятке историко-археологического музея, образованием в нем отдела церковных

древностей. Для этого предполагалось доставить в ВУАК из церквей предметы древности, «изъятые из употребления за ненужной ветхостью». Под помещение для отдела церковных древностей съезд выделил две комнаты в Епархиальном доме.

Для сбора средств на организацию музея было решено составить воззвание, напечатать его на подписных листах и разослать настоятелям и церковным старостам. ВУАК разослала подписные листы о сборе средств в местные церкви и монастыри. К 1 января 1911 г. в ВУАК по подписным листам поступило 414 руб.¹⁴⁶, половина листов не была возвращена.

В виду отсутствия необходимых денежных средств и помещения под историко-археологический музей, членам ВУАК пришлось пойти на уступки Епархиальному съезду и ограничиться открытием только отдела церковных древностей. Подкомиссия в составе протоиереев И. Сырцова, И. Осокина, В. Раевского, члена ВУАК В. Емельянова, архивариуса консистории В. Шабалина и художника И. Федорова приступила к подготовке открытия музея. Для музея были куплены витрины, полки и другие предметы обстановки, выработан порядок приема, размещения и хранения старинных предметов. Местным организациям были разосланы письма следующего содержания: «Вятская ученая архивная комиссия, заботясь о сохранении древности вообще и предметов религиозной жизни и быта в частности, в целях изучения условий жизни первоначальных обитателей Вятского края и истории края с древнейших времен предпринимает собирание предметов старины и устраивает для хранения их Историко-археологический музей в г. Вятка»¹⁴⁷.

В «Вятских епархиальных ведомостях» были опубликованы разъяснения о том, какие предметы необходимо высылать в музей: « В интересах изучения Вятского края со стороны исторической, этнографической и религиозной достоин тщательного и бережного отношения и сохранения всякий, на вид даже незначительный и малоценный предмет, если он относится к этим сторонам жизни давно минувших времен, например, века

XVIII, XVII или ранее». Вообще под «историческим памятником» в XIX в. понимали все «что зело старо и необыкновенно», а также «куриозные вещи», «памятники замечательные по своей древности, художественному достоинству или исторической значимости»¹⁴⁸. Отсутствие четких критериев приводило к тому, что главным в оценке памятников была их древность (не менее 150 лет), религиозный и эстетический характер. Однако в разъяснениях данных ВУАК подчеркивалось, что в музее необходимости иметь и предметы, относящиеся к XIX в. и, даже, к началу XX в., которые интересны чем-либо.

Членами подкомиссии были выработаны временные правила для руководства Комитету по заведованию Трифоновским отделом историко-археологического музея¹⁴⁹. В правилах говорилось, что Трифоновский церковно-археологический музей основан как отдел историко-археологического музея, и находится под покровительством Вятского Епархиального архиерея. Заведование музеем отдавалось особому Комитету из семи членов: один избирался на Епархиальном съезде от духовенства епархии, другие избирались из членов ВУАК. Председателем был избран протоиерей Иоанн Сырцов, членами Комитета стали И.М. Осокин, В.В. Раевский, В.М. Тихоницкий, В.Д. Емельянов, В.И. Шабалин. Часть вопросов, касающихся жизни музея, члены Комитета решали самостоятельно на своих собраниях, наиболее важные вопросы рассматривались на заседаниях ВУАК.

В обязанности комитета входил сбор сведений о существующих памятниках старины, принятие мер по их охране, составление коллекций. Члены Комитета имел право обозревать храмы, церкви, соборы, делать указания по охране памятников и по присылке необходимых вещей в музей. По части архитектуры Вятского края в музей присылались фотоснимки монастырей, соборов, часовен, построенных до XIX в. и отличающихся особенным древним стилем; планы фасадов храмов, богаделен; рисунки развалин храмов и памятников; описания интересных надгробий, колоколен. Из письменных исторических памятников в музее предполагалось иметь

жалованные грамоты, указы, рукописи по истории храмов, жизнеописания святых. Кроме того, в музей присылали подсвечники, иконы старого письма, кресты, купели, кадила, кропила. Таким образом, первое место в музее должны были занимать памятники, характеризующие быт православной церкви и православного населения Вятского края. Затем шли памятники религиозного быта проживающих в Вятской губернии католиков, лютеран, англикан, иудеев, магометан. Особое место должны были занять экспонаты рисующие жизнь удмуртов, марийцев, чувашей и других народов¹⁵⁰.

5 октября 1912 г., с благословения и разрешения преосвященного Филарета, епископа Вятского и Слободского, состоялось торжественное открытие Трифоновского церковно-археологического музея. Хотя члены ВУАК задумывали создание историко-археологического музея как комплексного, но, в силу сложившихся обстоятельств, пришлось удовольствоваться открытием специализированного церковно-археологического музея. В то же время члены комиссии надеялись со временем расширить деятельность музея и открыть новые отделы, но начавшаяся Первая мировая война не дала осуществиться этим планам.

Музей был размещен в двух комнатах Епархиального дома. В первой комнате находилась икона преподобного Трифона, а также другие иконы православных святых. Во второй комнате помещалась трехъярусная витрина, в которой размещались различные церковные вещи. Правая стена второй комнаты была уставлена старинными иконами с царскими вратами в середине, у левой стены было устроено подобие жертвенника, на котором находился комплекс оловянных сосудов¹⁵¹.

Главным в деятельности Трифоновского музея стало обогащение его новыми предметами старины. Наиболее распространенным видом работ по сбору материала, как и в других музеях, были краткосрочные выезды (экскурсии) для сбора материала характеризующего местный край. В 1913-16 гг. И.М. Осокин и В.И. Шабалин совершили ряд поездок по Вятскому, Слободскому, Яранскому и Котельническому уездам с целью обзора местных

хранилищ церковной старины. В ходе данных поездок ими были найдены интересные предметы, которые местные священники считали ненужными (старые иконы, церковные сосуды и т.д.).

Все поступающие в музей вещи заносились в хронологический и систематический каталоги. В первый год существования в музее находилось более двухсот номеров различных церковных предметов, под некоторыми номерами значились целые коллекции однородных предметов (медные кресты, монеты). К 1915 г. в музее значились уже более четырехсот номеров различных предметов. Для сравнения: в первые годы работы Полтавский музей получил одну тысячу семьсот различных предметов старины, а в Читинский музей в одном только 1895 г. поступило более десяти тысяч предметов¹⁵².

Посетителями местных музеев являлись учащиеся начальных и средних учебных заведений, а также представители всех классов взрослого населения с преобладанием интеллигенции и народных масс (ремесленники, рабочие и крестьяне из близлежащих деревень). Посещаемость зависела от численности городского населения, состояния музея, экскурсий, платы за вход. Например, Пермский музей, в котором по воскресным дням проводились лекции и велась просветительская работа только в одном 1908 г. побывало более 35 тысяч посетителей¹⁵³. Екатеринославский музей, находившийся в большом промышленном городе, но рассчитанный на узкий круг специалистов в том же 1908 г. посетило около 6 тысяч человек, а небольшой, но очень популярный Минусинский музей в 1908 г. посетило 12 тысяч человек¹⁵⁴. Трифоновский музей открывался для публики по воскресным дням и праздникам с 12 до 15 часов, а для приезжих и в другие дни. Экскурсии обычно проводил Иоанн Сырцов. В 1913 г. музей посетило 300 человек, в 1914 г. – более 500 человек. Музей посетили воспитанники всех учебных заведений Вятки.

Уже в 1915 г. Трифоновский музей фактически перестал работать. Дело в том, что Епархиальный дом в связи с военным временем был отдан под

лазарет¹⁵⁵. В 1915 г. заведующий Епархиальным домом В.М. Тихоницкий, не предупредив ни ВУАК, ни комитет музея, распорядился перенести все вещи, хранящиеся в музее, в одну комнату. Комната оказалась переполненной, вещи были расставлены без классификации, предмет на предмете. Музей оказался закрыт для посетителей, лишь в редких случаях он открывался для знатных иногородних особ. Поступление новых экспонатов продолжалось: в 1915 г. поступило 75 номеров старинных предметов.

В этом же году при Вятском епархиальном братстве был создан Кружок любителей церковной старины - общественное объединение с аналогичными Трифоновскому музею задачами, то есть собирание и сохранение памятников церковной старины. Таким образом, в Вятке оказались два самостоятельных, независимых друг от друга церковно-археологических музея, подчиненных разным губернским учреждениям. Между тем еще графиня П.С. Уварова на VII археологическом съезде предупреждала о вреде существования в одном городе дублирующих друг друга музеев: «Музей в губернском городе должен быть один и конкуренция в собирании коллекций не должна быть допущена, ибо подобная конкуренция только губит дело, разделяя силы и разобщая интересы»¹⁵⁶. Кружок епархиального братства оказался в более выгодных условиях, так как под давлением Консистории сельские священники стали посылать предметы древности в музей братства в обход Трифоновского музея. Сырцов писал в своем отчете о положении музея: «Немудрено, что Трифоновский музей попросят убрать из Епархиального дома, отобрали же одну из комнат, не предупредив ни одним словом»¹⁵⁷.

Летом 1918 г. совет народного образования Вятки принял решение о сосредоточении всех музеев, принадлежащих разным обществам и учреждениям Вятской губернии, в одном месте и образовать в целях просвещения масс общий краевой музей¹⁵⁸. Идея открытия краевого музея не являлась новой. Еще П.В. Алабин поднимал вопрос образования краевого музея и ему удалось положить начало данному музею. Однако музей просуществовал недолго. Вновь вопрос об открытии подобного музея

поставил во время Первой мировой войны член ВУАК - А.С. Лебедев. Он пытался заручиться поддержкой тех обществ и учреждений, которые могли бы передать свои коллекции в общий музей края. Но осуществить задуманное ему не удалось. После победы революции и установления советской власти музейной подсекцией совета народного образования вновь был поднят вопрос об образовании краевого музея. Было принято решение о приспособлении Дома инвалидов в краевой музей в «память великой русской революции»¹⁵⁹. На заседании ВУАК 14 июня 1918 г. членами ВУАК было решено перевезти музей в общий краевой музей с сохранением названия «Трифоновский»¹⁶⁰.

В целом деятельность ВУАК, связанную с открытием и работой Трифоновского музея, можно оценить достаточно высоко, поскольку членам комиссии удалось собрать неплохую коллекцию ценных экспонатов по церковной истории края. Трифоновский церковно-археологический музей при ВУАК просуществовал с октября 1912 по 1918 гг. За это время в нем было собрано более пятисот номеров предметов старины, отражающих быт православной церкви, что по сравнению с коллекциями других музеев при ГУАК являлось достаточно скромным собранием. Однако среди экспонатов музея были весьма ценные вещи: резные изображения Спасителя, Божьей Матери, святых Апостолов, Николая Чудотворца; виды с кратким историческим описанием почти всех соборов и церквей Вятской Епархии; несколько древних икон новгородского типа; редкие церковные вещи (слюдяные фонари, медная паникадиль); старинная рукопись «Житие и служба преподобного Трифона» и многое другое. Посетители музея могли не просто осматривать предметы, собранные в музее, но для них проводились экскурсии и лекции.

До сих пор не известно точное количество музеев, действовавших на территории России до Октябрьской революции, так как списка музеев не существовало. В 1938 г. список музеев по состоянию на 1913-1914 гг. составил известный музейевед Г.Л. Малицкий. Им было зафиксировано около

180 музеев, однако сам Малицкий считал этот список неполным, так как существовали большие расхождения в данных¹⁶¹. К 1917 г. почти во всех губернских и ряде уездных городов существовали музеи. А в некоторых губернских городах было по два-три однотипных музея. Например, в Смоленске одновременно работали историко-археологический музей, церковное древлехранилище, частный историко-этнографический музей княгини М.И. Тенишевой и музей Общества изучения Смоленской губернии¹⁶². Стихийное возникновение однотипных музеев вело к соперничеству и разобщенности в их деятельности, как это случилось в Вятке между Трифоновским музеем и Кружком любителей церковной старины.

В конце XIX в. разобщенность в деятельности музеев, параллелизм в их работе не могли не обратить на себя внимания общественности. Попытки сосредоточить руководство музеями в своих руках предпринимались Московским археологическим обществом, которое не раз поднимало данный вопрос на археологических съездах. На рубеже XIX/XX вв. назрела необходимости созыва Всероссийского съезда деятелей музеев. В 1911 г. на XV археологическом съезде в Новгороде заведующий артиллерийским археологическим музеем, полковник Д.П. Струков, поставил вопрос о необходимости собрать предварительный съезд музейных деятелей. Его поддержали и другие участники съезда. В декабре 1912 г. с разрешения министерства народного просвещения был открыт предварительный съезд музейных деятелей, на котором присутствовало 106 представителей от музеев и работало 5 комиссий (центральных правительственных, церковных, провинциальных, военных музеев, а также комиссия по архивам и библиотекам)¹⁶³.

На съезде были подняты следующие вопросы: о необходимости создания единого органа по управлению музеями, о составлении общего списка музеев, издании журнала для музейных работников, принятии закона об охране памятников старины. Также рассматривались и теоретические

вопросы: классификация музейных предметов, социальные функции музеев и другие. Эти вопросы планировалось рассмотреть на Всероссийском съезде деятелей музеев, который призван был «всесторонне обсудить и выяснить действительные нужды и интересы музеев и архивов, изыскать способы к возможному их объединению на общую взаимную их пользу»¹⁶⁴. К участию в съезде предполагалось привлечь представителей по возможности всех археологических, полковых, военных, исторических, церковных, художественных музеев России, а также работников библиотек и архивов. Открытие съезда намечалось на январь 1915 г., однако в связи с начавшейся Первой мировой войной он был отложен «до более благоприятного времени», но так и не состоялся¹⁶⁵.

Решающую роль в создании музеев до революции играли местные научные общества и инициатива отдельных исследователей края. Ввиду того, что субсидии от правительства и местных органов власти были минимальными, то финансирование осуществлялось в основном за счет пожертвований со стороны местного населения. Отношение государства в основном проявлялось в регистрации музея, в наблюдении за ним. Единого руководящего органа у музеев не существовало. Отдельные вопросы жизни музеев (финансирование, утверждение устава и некоторые другие) решались в министерстве народного просвещения, министерстве внутренних дел, министерстве государственных имуществ. Таким образом, местные музеи складывались стихийно, практически без участия государства, их открытие и деятельность во многом зависел от развития экономики конкретной губернии, культурной и научной жизни края, от отношения к музею местных властей. Несмотря на все трудности, местные музеи сыграли важную роль в деле всестороннего изучения жизни отдельных губерний, в деле просвещения населения и воспитания в нем любви к родному краю.

Заключение

ГУАК представляли собой местные научно-исторические общества дореволюционной России, деятельность которых по своей широте и разносторонности не имела аналогов в предшествующие периоды развития провинциальной исторической мысли. ГУАК были своеобразными культурными гнездами провинции, с момента их создания вели свое начало краеведческие традиции многих российских областей. Теория «областничества» А.П. Щапова обосновывала право провинциальных исследователей на разработку истории родного края, благодаря чему любительское занятие краеведением стало почетным делом и культурной традицией.

Если во второй половине XIX в. объединяющими и координирующими центрами для местных исследователей были губернские статистические комитеты, то с открытием ГУАК эта роль перешла к ним. Основной своей задачей члены ГУАК видели создание тщательно выверенного, скрупулезно прокомментированного корпуса источников по истории родного края.

Создание ГУАК стало следствием массовой гибели ценного архивного материала, что вызвало обеспокоенность в среде научной общественности. Интересы развивающейся исторической науки, а также вспомогательных исторических дисциплин требовали опоры на упорядоченную архивную сеть. Как столичные, так и провинциальные исследователи осознавали необходимость широкого изучения документальных источников как условия научного прогресса. «Положение» 1884 г., на основании которого действовали архивные комиссии, главной задачей ГУАК ставило архивную деятельность (создание провинциальных исторических архивов на основе материала, отобранного из документов, предназначенных разными учреждениями к уничтожению). В то же время, по замыслу создателя ГУАК – академика Н.В. Калачова, комиссии должны были стать не столько архивными, сколько общеисторическими обществами просветительного

характера, а также школой подготовки кадров провинциальных историков и архивистов.

Таким образом, в лице ГУАК соединились две идеи – создание архивных органов и научно-исследовательских обществ на местах. Однако, «Положение» 1884 г. не оговаривало ряд существенных моментов (организационная структура ГУАК, их правовой статус, границы компетенции). С одной стороны, отсутствие четких рамок в деятельности ГУАК позволяло им самостоятельно определять направления своей работы (кроме выполнения задач по формированию исторических архивов, ГУАК могли заниматься созданием музеев, библиотек, публикацией исторических материалов, налаживанием просветительской деятельности среди местного населения). С другой стороны, неопределенность правового статуса комиссий и отсутствие государственных субсидий тормозили их работу, в частности по формированию исторических архивов.

Деятельность ГУАК можно рассматривать с двух точек зрения. Как местные исторические общества они представляли закономерное, положительное явление в культурной жизни провинции, объединили в своих рядах местных любителей старины. С другой стороны, как учреждения, призванные решать задачи упорядочения архивного дела, ГУАК были обречены на неудачу. Фактически ГУАК являлись полуофициальными-полуобщественными обществами, на которые правительство переложило задачи по упорядочению архивного дела и созданию исторических архивов в провинции. Однако положительных результатов в данной работе могли добиться лишь специальные государственные учреждения, обладающие рядом полномочий. Вместе с тем, обвинения в адрес ГУАК выдвинутые Д.Я. Самоквасовым, а также рядом советских историков, в частности И.Л. Маяковским, в уничтожении архивного материала нельзя признать абсолютно верными. Согласно «Положению» 1884 г. на членов ГУАК возлагалась обязанность просматривать описи дел, уже подлежащих уничтожению. Следовательно, ГУАК не обрекали архивный материал на

уничтожение, а спасали, хотя и небольшую (0,5-7% дел), но все же наиболее ценную часть документов. Попытки представителей ГУАК и других научно-исторических обществ, предпринимаемые на областных археологических съездах и съездах представителей ГУАК, изменить правовой статус ГУАК, расширить их полномочия не имели успеха. Все постановления, принимаемые в ходе данных съездов, сводились лишь к рекомендациям и пожеланиям. Лишь в ходе съезда представителей ГУАК в мае 1914 г. верховная власть обратилась к проблемам архивов, признав их делом государственной важности. Однако, начавшаяся Первая мировая война, а затем и революции, не дали осуществиться планам намеченных на съезде.

Идея Н.В. Калачова о создании в провинции исторических обществ была прогрессивной, так как отражала потребности исторической науки, нуждавшейся в источниках местного происхождения. Однако условия появления на свет ГУАК не были благоприятными. 1880-е гг. были временем политической реакции, когда власти с недоверием смотрели на любые общественные начинания. Закон не обеспечивал ГУАК ни помещениями, ни материальными средствами, ни определенными правами. Таким образом, учреждение ГУАК можно рассматривать лишь как частичную реализацию архивной реформы Н.В. Калачова.

История ВУАК охватывает период с 1904 по 1920 гг. Она была создана и начала действовать на волне революционного подъема 1905-07 гг. В деятельности ВУАК проявились все сильные и слабые стороны функционирования архивных комиссий, их достижения и неудачи. Главный итог, к которому комиссии подошли к концу своего существования, заключался в том, что, несмотря на крайне неблагоприятные условия, им удалось зарекомендовать себя жизнеспособными научными учреждениями.

Развитие исторической мысли в провинции второй половины XIX-начала XX вв. имело свои существенные отличия от хода развития общерусской исторической науки. В Вятке интерес к истории края стал культурной традицией в среде местной интеллигенции. Рассчитывать на

внимание столичных историков, исследовавших не только Подмоскowie, но и центральные губернии России, далекая Вятка не могла. Зато благодаря отдаленному своему положению основная часть местных исследователей не уезжала в столицы, а проявляла свои таланты в родном крае.

1860-80-е гг. были временем массового интереса разночинной интеллигенции к истории, экономике, этнографии, культуре и быту родного края. Высокая цель – вывести народ из унижения и темноты путем просвещения воодушевила десятки вятских историков-любителей. В это время начинается научное изучение истории края такими выдающимися личностями как А.С. Верещагин, А.А. Спицын, П.Н. Луппов. Внимание к этнографии, повседневному быту крестьян, тонкое понимание народной жизни характерно было характерным для историков того поколения. Именно из среды местных исследователей, насыщенной интересами такого рода, вышел великий русский этнограф Д.К. Зеленин.

Организационное устройство и основные направления деятельности ВУАК, как и других ГУАК, определялись «Положением» Комитета министров от 1884 г., а также разработанными в самой комиссии правами и обязанностями членов комиссии и должностных лиц. Эти права детализировали организационную структуру ВУАК, регламентировали обязанности сотрудников, уточняли круг задач, входивших в сферу компетенции комиссии.

Ведущая роль в организации деятельности комиссии принадлежала А.С. Верещагину, И.М. Осокину и Н.А. Спасскому. Именно они определили основные направления деятельности комиссии и заложили прочные основы ее плодотворной работы. Главными направлениями деятельности ВУАК стали выявление документальных источников и комплектование губернского исторического архива, а также издание на основе собранного материала «Трудов ВУАК».

Состав ВУАК, как и других ГУАК, был весьма многочисленным - к 1917г. комиссия насчитывала около ста двадцати человек. Отсутствие

какого-либо ценза (образовательного и социального) при приеме в ряды членов комиссии обусловило ее неоднородность. Основную массу членов комиссий составляли представители местной либеральной интеллигенции - историки, археологи, архивные работники, библиотекари, работники музеев, художники, архитекторы, статистики и т.д. В состав членов комиссий входили деятели городского и земского самоуправления, а большое количество преподавателей местных высших и средних учебных заведений.

Отсутствие в Вятке поместного дворянства вело к тому, что наиболее образованной частью общества были представители духовенства, чиновники и преподаватели. По своему социальному происхождению многие провинциальные историки были выходцами из духовенства. Существование церковного архива, ведение метрических книг делали священников сопричастными к ходу истории. Так же несомненна и гуманитарная нацеленность системы духовного образования. Таким образом, именно эта среда создала наилучшие условия на селе для формирования исторического сознания. Сотрудники комиссии рекрутировались также из среды разночинной интеллигенции (преподавателей, чиновников, врачей, архитекторов).

Подобная пестрота рядов комиссии обусловила неравномерность участия ее членов в организационной и научной деятельности. Определенная часть лиц числилась среди сотрудников ВУАК номинально, так как не обладала необходимой для исследовательской работы подготовкой; другие - зарабатывали звание членов комиссии посредством внесения значительных денежных взносов; третьи (преимущественно представители университетской науки и видные деятели местной администрации) включались в число членов комиссии в целях повышения ее престижа. Таким образом, активное участие в работе ВУАК принимали не более десяти-двенадцати человек, представлявших собой настоящих энтузиастов-подвижников.

Основные направления работы ВУАК, как и других комиссий, заключались в выявлении и сборе письменных и вещественных исторических памятников, их научной разработке, организации архива, музея и библиотеки, выпуске периодического издания, предполагающего публикации как результатов научной работы членов комиссии, так и документальных источников, принятии мер по охране памятников старины, проведении просветительской работы среди местного населения.

Деятельность ВУАК по формированию исторического архива не поддается однозначной оценке. С одной стороны, следует признать, что вятским архивистам удалось создать исторический архив, включив в него документы правительственных учреждений, частновладельческие и церковно-монастырские собрания, копии и оригиналы из центральных архивохранилищ. С другой стороны, основной принцип комплектования архивов ГУАК (из предназначенных к уничтожению учреждениями дел) обрекал комиссию на коллекционный подход к формированию своего собрания. Осуществить в полной мере задачу по организации архивного дела на месте ВУАК не позволяло также отсутствие необходимых полномочий, неурегулированность взаимоотношений с ведомственными архивами. В целом деятельность ВУАК по комплектованию архива можно признать удовлетворительной. Несмотря на то, что архив включал в себя немногим более четырехсот единиц хранения, но это были ценнейшие источники по истории Вятского края, отражавшие многочисленные аспекты политической, социально-экономической, административной и культурной истории.

Издательская деятельности ВУАК была весьма плодотворной. На страницах печатного органа комиссии – «Трудов ВУАК» публиковались материалы не только из губернского исторического архива, но и из центральных архивохранилищ и частных собраний. Круг интересов местных любителей истории был разнообразен: этнография, фольклористика, топонимика, география, археология, статистика, культура. Подобная нерасчлененность исторического познания давала любителям местной

старины определенные преимущества перед узкими специалистами. Фигуры историков того времени весьма колоритны, яркие и индивидуальны. Так для желчного реалиста А.С. Верещагина уход в прошлое был и формой самоутверждения, и проявлением личности, и единственным доступным ему способом ухода от действительности. Для А.А. Спицына занятия археологией Вятского края стали школой и трамплином для выхода на общероссийскую научную арену. На его примере отчетливо видно, как происходило обогащение столичных научных кадров за счет местных исследователей.

Деятельность местных исследователей была направлена на добывание абсолютно точных, проверенных фактов местной истории, что зачастую приводило к изолированности провинциальных научно-исследовательских работ и отказу от создания обобщающих работ. Основной группой источников были летописи, содержащие данные по местной истории. Эти летописи собирались и публиковались с многочисленными примечаниями и комментариями их составителей. Данные примечания и сегодня представляют значительный интерес, так как их составители обычно были прекрасно знакомы с историей своего края, его старинными названиями, диалектическими оборотами

В центре внимания издательской деятельности находились документы, характеризующие начальный этап истории края, а также источники историко-церковного характера. Большое значение придавалось изданию писцовых и переписных книг, заключавших в себе значительный объем статистических и экономических данных. Археографический уровень «Трудов ВУАК» под редакцией А.С. Верещагина был достаточно высок (тексты сопровождалась примечаниями, комментариями, предисловиями, указателями). Значение издательской деятельности комиссии заключается во введении в научный оборот большого количества массовых источников, освещавших различные аспекты местной истории. ВУАК наряду с подавляющим большинством ГУАК исходила из стремления соответствовать

названию «ученая» и активно занималась научно-исследовательской работой. Проблематика научно-исследовательской деятельности ВУАК во многом определялась интересами наиболее деятельных членов комиссии. В работах деятелей ВУАК ставились такие вопросы, как древнейшая история обитателей края, его заселение, хозяйственное освоение, церковное строительство, развитие народного просвещения, основание и первоначальная история г. Вятки и других городов губернии. Интерес к данным темам был обусловлен повышенным интересом местных историков к начальному этапу включения края в общероссийскую жизнь. В то же время более значительным, чем в других комиссиях, было количество публикаций, посвященных церковно-историческим сюжетам.

Характер научной работы ВУАК был обусловлен не всегда осознанным, во многом стихийным следованием господствовавшей в науке того времени позитивистской методологии. Свойственный ей эмпиризм, стремление к выявлению мельчайших исторических фактов определили во многом фактографический характер работ вятских историков. Комиссии не удалось создать обобщающего труда по истории края, если не считать книги Л.Н. Спасской, которая свела весь имеющийся материал по истории Вятского края со времени первых русских переселенцев до воцарения Михаила Федоровича Романова в единый труд. Это обстоятельство объясняется позицией провинциальных историков, сознательно ограничивавших свою задачу накоплением отдельных кирпичиков исторических фактов, которые будущим исследователям предстояло заложить в фундамент исторической концепции. Деятели ВУАК всецело разделяли утверждение В.С. Иконникова о том, что «чем более разрабатываются отдельные части, тем более выясняется общее».

Направленность научных публикаций ВУАК неоднородна. В ней прослеживается влияние самых разных направлений отечественной историографии, что обусловлено различными идейно-теоретическими установками ее деятелей. Исторические взгляды первого редактора «Трудов»

А.С. Верещагина во многом находились под влиянием земско-областной теории А.П. Шапова. Так же, как и Шапов, Верещагин видел смысл исторического исследования в изучении деятельности народных масс, опыта их повседневной жизни. Не случайно, в трудах Верещагина наибольшее отражение нашли именно те проблемы, которые были предложены в свое время А.П. Шаповым как первостепенный предмет исторического исследования: областная колонизация, местный быт духовного сословия, состояние и развитие народного образования.

Если деятельность комиссии по выявлению, сохранению и публикации документальных источников была достаточно обширна, то работа в области исследования памятников материальной культуры края уступала ей по своим масштабам. Проведение работ в сфере археологических изысканий было затруднено в связи с отсутствием необходимой финансовой базы и недостаточной квалификацией сотрудников ВУАК в области археологии. В этой связи следует признать значительное отставание Вятской комиссии от ряда других ГУАК, деятельность которых по археологическому обследованию регионов была весьма плодотворной. Неспособность комиссии к проведению планомерных археологических раскопок обусловила характер источников комплектования ее музейных собраний, которые пополнялись главным образом за счет случайных находок и пожертвований. В количественном отношении музейные фонды ВУАК значительно уступали богатым собраниям Тверской, Рязанской и ряда других ГУАК.

Одну из своих непосредственных задач ВУАК видела в просвещении и образовании местного населения. Ее руководителям была близка мысль Н.В. Калачова о том, что ГУАК обязаны стать просветительными обществами, несущими знания и воспитывающими патриотизм в среде местного населения. В силу этого одной из целей комиссии было распространение среди населения знаний о местном крае, как средства пробуждения интереса, как к научным исследованиям, так и к самому краю. Формы достижения этих целей заключались в организации празднования

юбилеев выдающихся исторических событий местного и общенационального масштаба, проведении экскурсий в Трифоновском церковно-археологическом музее, публикация результатов исследования истории края в местной периодической печати.

Существенными чертами дореволюционной историографии являлось осознание единства общероссийской исторической науки, тесная взаимосвязь столичных ученых и местных историков-любителей. В своей деятельности ВУАК обнаруживала явную тенденцию к взаимодействию с другими ГУАК, а также различными научно-историческими обществами и учреждениями. Формы подобных связей были разнообразны: от обмена архивными материалами и печатной продукцией до участия в областных археологических съездах и съездах представителей ГУАК. Участие в данных съездах позволяло членам ГУАК обмениваться мнениями по насущным вопросам организационного характера, координировать свою деятельность. Кроме того, делегируя депутатов на съезды, провинциальные исторические общества получали незаменимую возможность принять участие в разработке проблем широкого научного звучания и вынести на суд научной общественности результаты своих исследований.

Таким образом, можно утверждать, что ВУАК являясь одним из составных элементов общей системы дореволюционной исторической науки, внесла свой посильный вклад в развитие исторических исследований на региональном уровне. Благодаря ее деятельности в Вятской губернии в начале XX в. были заложены организационные и научные основы историко-краеведческого движения. Вятское историческое общество, образованное на базе ВУАК, во многом стало продолжателем деятельности архивной комиссии в области изучения истории края, просвещения местного населения.

Примечания

Введение

1. Хейзинга, Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. / Сост. и переводчик В.Д. Сильвестров. – М., 1997. – С.219.
2. Щапов А.П. Новая эра // Собр. соч. Дополнительный том. Иркутск, 1937. С.16.
3. Шмидт С.О., Ковальченко И.Д., Дмитриев С.С., Сахаров АМ. О содержании университетского курса историографии СССР // Вопросы истории. 1963. № 8. С. 65.
4. Нечкина М.В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. М, 1965. С. 13.
5. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры // Составитель и переводчик В.Д. Сильвестров. М., 1997. С.221.
6. Там же. С.224.
7. Афиани В.Ю. "Открываемая Россия": путешествие как метод исторического изучения // Историческое краеведение. По материалам II Всесоюзной конференции по историческому краеведению Пенза, 1993. С 189.
8. Советская историческая энциклопедия. Т. 6. С. 545.
9. Степанский А.Д. Научные общества и съезды России на рубеже 19-20 вв. и литература вопроса // Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры / Под. ред. Л.Н. Пушкарева. М., 1984. С.204.
10. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. Нижний Новгород, 1991. С 17.
11. Андреевский И.Е. О деятельности ученых архивных комиссий в 1885 г. // Вестник археологии и истории, СПб., 1888. Вып. VII. С 1-12; Он же. Ученые архивные комиссии в 1886 г. Обзор их деятельности // Русская старина. 1887. Т. 56. Кн. II. С. 539-553; Он же. Ученые архивные комиссии в 1887 г. // Русская старина, 1888. Т. 60. № 12. С. 733-752; Он же. Губернские

ученые архивные комиссии в 1886 и 1887 гг. // Вестник археологии и истории. СПб., 1892. Вып. VIII. С. 33-69; Он же. Губернские ученые архивные комиссии в 1888 и 1889 гг. // Вестник археологии и истории. СПб., 1892. Вып. XV. С. 33-70; Вып. IX. С. 1-44; Он же. Губернские ученые архивные комиссии в 1889 г. // Русская старина. 1890. Т. LXVIII. Кн. XI. С. 553-574; Он же. Ученые архивные комиссии. 1886-1889 гг. // Вестник археологии и истории. 1892. Вып. VIII. С. 33-70, Вып. IX. С. 1-44; Труворов А.Н. Отчет о деятельности губернских ученых архивных комиссий в 1890 г. // Русский архив. 1891. Кн. 1. С. 583-606; Он же. Обзор деятельности губернских ученых архивных комиссий за 1891-й год // Русский архив. 1893. № 2. С. 183-201; Рудаков В.Е. Археология и история в трудах губернских ученых архивных комиссий // Исторический вестник. 1899. № 6. С. 937; 1901. № 12. С. 1095-1116; Покровский Н.В. Губернские ученые архивные комиссии // Вестник археологии и истории. СПб., 1909. Вып. XVIII. С. 27-48; Лященко А.И. Наши губернские ученые архивные комиссии // Исторический вестник. 1891. № 2. С. 600-608; Краткий свод сведений о деятельности губернских ученых архивных комиссий за 1894, 1895 и 1896 годы // Вестник археологии и истории. 1900. Вып. XIII. С. 229-264.

12. Довнар-Запольский М.В. Обзор деятельности губернских архивных комиссий 1896-1898 // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. М., 1902. Т. II. С. 90-99; Иконников В.С. Губернские ученые архивные комиссии. 1884-1890. Киев, 1892; Лаппо-Данилевский А.С. Доклад о деятельности некоторых ученых архивных комиссий по их отчетам за 1904-1911 гг. // Известия Имп. Академии наук. СПб., 1913. С. 76-79; Он же. Доклад о деятельности некоторых губернских ученых архивных комиссий по их отчетам за 1903-1907 гг. СПб., 1908; Снежневский В.И. Губернские ученые архивные комиссии и архивное дело в них. М., 1902; Сторожев В.Н. Губернские ученые архивные комиссии // Историческое обозрение. 1891. Т.2. С. 205-209; Он же. Губернские архивные комиссии // Этнографическое

обозрение. 1890. № 4. С. 195; Он же. Одна из очередных задач губернских ученых архивных комиссий. Тверь, 1911.

13. Покровский Н.В. Указ. соч. С.28.

14. Рудаков В.Е. Указ. соч. С. 1095.

15. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. М., 1902. Кн. 1, 2.; Он же. Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России. М., 1902.

16. Гессен Ю.И. Из жизни архивных комиссий // Сборник материалов и статей: Редакция журнала «Исторический архив». Пг, 1921. Вып.1. С. 3-21.

17. Назин И.С. Из истории архивного дела в дореволюционной России // Архивное дело. 1936. № 39. С. 26-37.

18. Там же. С. 37.

19. Чернов А.В. История и организация архивного дела в СССР. (Краткий очерк) // Под. ред. Д.С. Бабурина. М., 1940.

20. Там же. С.74.

21. Бржостовская Н.В. Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела, 1884-1917 гг.: Автореф. дисс...к.и.н. М., 1951.

22. Бржостовская Н.В. Деятельность губернских ученых архивных комиссий по созданию исторических архивов // Труды МГИАИ. М., 1954. Вып. 5. С. 70-116.

23. Там же. С.83.

24. Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960 С. 274.

25. Там же. С.268.

26. Сивков К.В. Архивное дело. Публикация письменных источников // Очерки истории исторической науки. М., 1960. Т. II. С. 609. Яцунский В.К. Историческая география. История географических открытий. Краевая историография // Очерки истории исторической науки. М., 1960. Т. II. С. 652.

27. Шведова О.И. Указатель "Трудов" губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 377-433.
28. Бржостовская Н.В. Вопросы архивного дела на археологических съездах в России, 1869-1911 гг. // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 89-105.
29. Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. Уч. пособ. для ВУЗов по специальности «Историко-архивоведение» М., 1980.
30. Аббасов А.М. Вклад Полтавской ученой архивной комиссии в развитие исторического краеведения // История и историки, 1980. М., 1984. С. 275-286;
- Никитина К.Ю. Орловская ученая архивная комиссия: Краткий очерк деятельности // 40 лет научному студенческому кружку источниковедения истории СССР. М., 1990. С. 164-166; Булах В.Н. К вопросу о деятельности Пермской ученой архивной комиссии (1888-1916 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974. Сб. 1. С. 99-114; Тельчарова А.Д. Фонд Владимирской ученой архивной комиссии // Археографический ежегодник за 1985 г. М., 1987. С. 229-233; Ковальский Н.П., Абросимова С.В. Из истории Екатеринославской ученой архивной комиссии (1903-1916 гг.) // Археографический ежегодник за 1988 г. М., 1989. С. 52-57; Зобов Ю.С. Роль Оренбургской ученой архивной комиссии в становлении исторического краеведения на южном Урале // II Всесоюзная конференция по историческому краеведению. Апрель 1989. Тезисы докладов и сообщений. Пенза, 1989. С. 80-81.
31. Митрофанов Н.Н. В.Г. Короленко и Нижегородская архивная комиссия // Труды МГИАИ. М., 1961. Вып. 16. С. 281-300; Чекурин В. А.И. Черепнин - руководитель Рязанской ученой архивной комиссии // Общественное движение в центральных губерниях России во второй половине XIX - начале XX вв. Рязань, 1981. 123-134; Дубов И.В., Седых В.Н. В.А. Городцов и Ярославская губернская ученая архивная комиссия // Вестник ЛГУ. Ист.-фил. сер. Л., 1984. Вып. 4. С. 16-21.

32. Размустова Т.О. Губернские ученые архивные комиссии и изучение памятников археологии в дореволюционной России // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990. С. 89-104.
33. Макарихин В.П. Исторический опыт русского народа в трудах губернских ученых архивных комиссий // Материальная и духовная культура феодальной России. Горький, 1990. С. 99-107; Он же. Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России в конце XIX-начале XX века // История СССР. 1989. № 1. С. 160-170; Он же. Профессор С.Ф. Платонов и губернские ученые архивные комиссии Поволжья // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1990. № 4. С. 69-75; Он же. Губернские ученые архивные комиссии и развитие исторической мысли российской провинции на рубеже XIX-XX веков // История и культура Волго-Вятского края. (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии.) Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. Киров, 1994. С. 3-7.
34. Зубова Н.Л. Архивно-просветительные организации в России в конце X-начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1990. №2. С. 62-72.
35. Писарькова Л.Ф. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 187-198.
36. Там же. С. 188.
37. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. Нижний Новгород, 1991.
38. Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. М., 2003.
39. Там же. С.169.
40. Там же. С.150.
41. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. М., 1981.

42. Миронов Б.Н. Социальная история России. М., 2000. Т.1-2.
43. Спасская Л.Н. Вятская ученая архивная комиссия // Вятская жизнь. 1923. №3. С. 74-79.
44. Луппов А.Н. Биографический очерк об Иване Михайловиче Осокине. Вятка, 1922.
45. Чудова Г.Ф. В те далекие годы. Киров, 1981.
46. Там же. С. 116.
47. Бердинских В.А. Уездные историки. Русская провинциальная историография. М., 2003.; Он же. Вятский архивариус И.М.Осокин // Занимательное краеведение: вятский сундук. Вятка, 1996; Марков А.А. Состав Вятской ученой архивной комиссии // Вятская земля в прошлом и настоящем (К 125-летию со дня рождения П.Н. Луппова). Тезисы, доклады и сообщения II научной конференции. Т.1. Киров, 1992. С. 217-218; Хан Н.А. Деятельность вятской ученой архивной комиссии по археологическому изучению Вятской губернии // Вятская земля в прошлом и настоящем. Материалы III научной конференции, посвященной 50-летию победы в Великой Отечественной войне. Т.1. Киров, 1995. С. 92-95.; Ванчиков В.В., Сенникова Л.А. Искатели древностей // По родному краю. Киров, 1991. С.26-56.; Комарова Г.Е. Обзор фонда «Вятской губернской ученой архивной комиссии» государственного архива Кировской области // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. Киров, 1994. С. 160-162..; Половинкин Н.С. Источники по истории дворцовых крестьян в материалах «Трудов Вятской ученой архивной комиссии» // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. Киров, 1994. С. 162-163.; Сапегина Ю.П. Вятская ученая архивная комиссия и Малмыж // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии).

Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. Киров, 1994. С. 497-499.

48. Охрана памятников истории и культуры в России XVIII - начала XX вв. Сб. документов. М., 1978; Официальные документы по учреждению ученых архивных комиссий и губернских исторических архивов // Вестник археологии и истории. Вып. I. СПб, 1885. С. 5-11; Сборник материалов, относящиеся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. 1; Пг., 1917. Т. II; Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917-июнь 1941 гг.) М., 1961; Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. М., 1921; Декреты Советской власти. М, 1959. Т. II; Декреты Советской власти. М, 1968. Т. IV.

49. Калачов Н.В. Архивы // Труды Первого археологического съезда в Москве. Т. I. М., 1871. С. 207-218; Он же. Некоторые данные о разработке материалов в наших архивах и об изучении нашего народного быта // Труды Четвертого археологического съезда в Казани. 1877. Казань, 1884. Т. I. С. 14-28; Он же. В каких городах могли бы быть учреждены центральные архивы и каким образом могли бы быть учреждены при них местные исторические общества // Труды Третьего археологического съезда. 1874. Т. I. Киев, 1878. С. XXXIX; Лашков Ф.Ф. К вопросу о губернских исторических архивах // Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. 1890. М., 1895. Т. 2. С. 209-212; Львов А.Н. О печальном положении наших архивов, преимущественно губернских и о необходимости упорядочения всего архивного дела в России // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890. М., 1897. Т. III. С. 274-277; Он же. Русское законодательство об архивах // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899. М., 1902. Т. II. С. 1-11; Миронов А.А. Несколько слов об архивах уездных дворянских учреждений // Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде в 1911 г. М., 1914. Т. 1. С. 165; Савелов Л.М. О семейных архивах // Труды третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г.Владимире 20-26 июня 1906 г. Владимир, 1909. С. 1-4; Самоквасов Д.Я.

Современное состояние научной разработки древних архивных материалов // Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905 г. М., 1908. Т. II. С. 153-165; Он же. О будущей архивной реформе в России // Труды Двенадцатого археологического съезда. М., 1905. Т. III. С. 374-375; Он же. Проект Оснований архивной реформы в России // Труды Одиннадцатого археологического съезда. М., 1902. Т. II. С. 84-85.

50. Преображенский И.Д. К вопросу о составлении архивных описей // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10-20 августа. Тверь, 1906. С. 39-42; Шмелев Г.Н. Теория и практика архивных описей // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. М., 1902. Т. II. С. 30-37.

51. Ардашев Н.Н. Об основных положениях транскрипции текста XVI-XVIII вв. // Протоколы заседаний Предварительного комитета Шестнадцатого археологического съезда в Пскове. М., 1912. С. 7-8.

52. Лихачев И.Ф. Об устройстве провинциальных музеев и основании Общества охраны национальных памятников // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887. М., 1891. Т. II. С. 337-356; Проект Положения для губернских и областных музеев // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887. М., 1891. Т. II. С. 282-284; Уварова П.С. Областные музеи // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887. М., 1891. Т. II. С. 259-328.

53. Довнар-Запольский М.В. Обзор деятельности ученых губернских архивных комиссий. 1896-1898 // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. М., 1902. Т. II. С. 90-99; Дубасов И.И. О деятельности губернских ученых архивных комиссий // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887 г. М., 1892. Т. III. С. 106; Малченко В.С. Об официальном назначении и научно-исторических задачах губернских архивных комиссий // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10-20 августа. Тверь, 1906. С. 1-8;

Савелов Л.М. В защиту ученых архивных комиссий: по поводу книги проф. Самоквасова «Архивное дело в России» М., 1904.

54. Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6-8 мая 1914 года. СПб., 1914.

55. Рыбаков М.А. О некоторых вопросах исторического краеведения // История СССР. 1980. № 4. С. 217.

Глава I. Губернские ученые архивные комиссии и русское общество в конце XIX - начале XX вв.

1.1. Проблемы разработки и прохождения в научных и правительственных кругах проекта архивной реформы. Создание губернских ученых архивных комиссий.

1. Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. 1. С. 132-170.
2. Львов А.Н. О печальном положении наших архивов, преимущественно губернских, и о некотором упорядочении всего архивного дела в России // Труды Восьмого Археологического Съезда в Москве. 1890. М., 1897. Т. 3. С. 274.
3. Львов А.Н. Русское законодательство об архивах // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899. Т. II. Киев, 1902. С. 5.
4. Высочайше утвержденное 9 июня 1864 г. Положение Кабинета министров // Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. 1. С. 667.
5. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. Кн.1. М., 1902. С. 122.
6. Зубарев И.И. Прошлые и настоящее русских архивов. (Краткий исторический очерк). Спб., 1911. С. 10-11.
7. Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. 2. С.579.
8. Зубарев И.И. Прошлые и настоящее русских архивов. (Краткий исторический очерк). Спб., 1911. С. 12.
9. Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. М., 2003. С.145-146.
10. См: Смирнов А.В. Н.В. Калачов (1819-1885) //Русская старина. 1886. Т.49. С. 256-260.; Андреевский И.Е. О Н.В. Калачове как юристе-археографе и учредителе Археологического института // Вестник археологии и истории. Спб., 1886. Вып.V. С. 3-14.; Львов А.Н. Воспоминания О Н.В. Калачове как

руководители занятиями Археологического института // Вестник археологии и истории. СПб, 1886. Вып.V. С. 25-27.; Шохин Л.И. Н.В. Калачов и Д.Я. Самоквасов как реформаторы архивного дела в России. (Опыт характеристики по архивным документам) //Археографический ежегодник за 1992г. М., 1994. С. 183-190.

11. ГАРФ. Ф.99. Оп.1. Д.82. Лл.1-10.

12. Там же. Л.2.

13. ГАРФ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 81. Л.1-1об.

14. Журналы высочайше учрежденной комиссии об устройстве архивов // Сборник статей по архивоведению / Под. ред. И.И.Зубарева. СПб., 1910. Т. 1. Ч.1. С. 49.

15. Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960. С. 257.

16. ГАРФ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 8, 81-86.

17. Фон-Легер Баварские архивы // Сборник статей по архивоведению / Под. ред. И.И.Зубарева. СПб., 1910. Т. 1. Ч. 2 С. 41.

18. Кедров С.И. Настоящее и будущее архивных комиссий //Русский архив. 1900. Кн.III. №9. М., 1900. С. 95-96.

19. См: Старостин Е.В., Чудиновских В.А. Архивы и архивное дело в зарубежных странах. Уч. пособ. Свердловск, 1991. С. 46-69.

20. Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1917. Т. 2. С. 402.

21. ГАРФ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 82. Л. 6.

22. 1878-1903. Императорский Археологический Институт в Санкт-Петербурге. Речи, адреса и приветствия. 1878-1908. СПб., 1908. С. 7.

23. Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России: уч. пособие для вузов по специальности «Историко-архивоведение» М., 1989. С. 134-135..

24. Лихачев Н.П. Из истории дипломатики (XIX век). СПб., 1906. С. 3-4.

25. Архив ПО РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 53. Л. 38.

26. Там же. Л. 39.
27. Журналы высочайше учрежденной комиссии об устройстве архивов // Сборник статей по архивоведению / Под. ред. И.И.Зубарева. СПб., 1910. Т. 1. Ч. 1. С. 52.
28. Розенкампф Г.А. План о проведении в лучшее устройство архивов вообще //Труды Комиссии составления Законов. Спб., 1821. Т. 1. С. 182-203.
29. Труды Третьего археологического съезда. 1874. Т. 1. Киев, 1878. С. 37.
30. Калачов Н.В. В каких городах могли бы быть учреждены центральные архивы и каким образом могли бы быть учреждены при них местные исторические общества? // Труды Третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Т. I. Киев, 1878. С. XXXIX.
31. Труды Четвертого археологического съезда бывшего в Казани с 31 июля по 15 августа 1878г. Казань, 1884. Т. 1. С. 24.
32. Труды Третьего археологического съезда. 1874. Т. 1. Киев, 1878. С. 24.
33. Архив ПО РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Лл. 9-28.
34. Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. 1. С. 660.
35. Там же. С. 662.
36. Высочайше утвержденное Положение об учреждении ученых архивных комиссий и губернских исторических архивов // «Труды Вятской ученой архивной комиссии» за 1905г. Вып. I. Вятка, 1905. Отд. I. С. 1.
37. Там же. С. 2.
38. Писарькова Л.Ф. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности.//Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 190.
39. Высочайше утвержденное Положение об учреждении ученых архивных комиссий и губернских исторических архивов // «Труды Вятской ученой архивной комиссии» за 1905г. Вып. I. Вятка, 1905. Отд.I. С.2.

40. Писарькова Л.Ф. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности.//Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С.198.
41. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. Кн.1. М., 1902. С.21-49.
42. Савелов Л.М. В защиту ученых архивных комиссий // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года. 10-20 августа. Тверь, 1906. С.14-15.
43. Там же. С.12.
44. Сторожев В.Н. Отголоски Харьковского съезда // Русская мысль. 1902. Декабрь. С.118-129.
45. Труды Третьего областного Историко-археологического съезда бывшего в г. Владимире 20-26 июня 1906г. Владимир, 1909. С.70-71.
46. РГИА. Ф.733. Оп.145. Д.120. Лл.1-3.
47. ГАКО. Ф.170. Оп.2. Д.23. Л.10.
48. ГАКО. Ф.170. Оп.2. Д.17. Л.11.
49. Съезд представителей ГУАК // Исторический вестник. 1908. №6. С.1137.
50. ГАКО. Ф.170. Оп.2. Д.17. Лл.12-13.
51. Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. 1. С.667.
52. Труды I съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6-8 мая 1914. Спб., 1914. С.41.
53. Норцов А.Н. Записка Тамбовской ученой архивной комиссии к съезду 6-8 мая 1914.// Известия Тамбоской ученой архивной комиссии. Вып.57. С.303-312.
54. Отчет Вятской ученой архивной комиссии за 1914 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1915 г.. Вып. I. Вятка, 1915. Отд.I. С.39.
55. Ферро М. Кино и история //Вопросы истории. 1993. №2. С.47.
56. Бржостовская Н.В. Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов // Труды МГИАИ. Вып. 5. М., 1954. С. 84.

57. Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России: учебное пособие для вузов по специальности «Историко-архивоведение». М., 1989. С. 133.

58. Иоффе Г.З. Читая «архив русской революции» // Архив русской революции: в 22 томах. М., 1991. Т. 1. С. XI.

1.2. Научно-исторические общества на рубеже XIX-XX вв. Проблемы учреждения и основные направления деятельности Вятской ученой архивной комиссии.

59. Менделеев Д.И. Какая же Академия нужна России?// Новый мир. 1966. №12. С. 182.
60. Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 38.
61. ЦГИА г.М-вы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 413. Л. 9.об.
62. Уварова П.С. Обзор деятельности 12-ти первых археологических съездов // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902. М., 1905. Т. III. С. 409.
63. ЦГИА г.М-вы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 10. Л. 111.
64. ЦГИА г.М-вы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 10. Лл. 32-33.
65. Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1888. Т. XI. С. 157.
66. Корнева И.И., Тальман Е.М., Эпштейн Д.М. История археографии в дореволюционной России. Уч. пособие. М., 1968. Под. ред. Селезнева М.С. С. 126.
67. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 204.
68. Гражданское уложение. Проекты высочайше утвержденной редакционной комиссии. СПб. 1899. Кн. 5. Т. 4. С. 543-570.
69. Бестужев-Рюмин К.Н. Современное состояние русской исторической науки // Московское обозрение. М., 1859. Кн. I. С. 3.
70. Костомаров Н.И. Лекции по русской истории. Ч. 1. СПб., 1861. С. 21.
71. Успенский М.И. краеведение в сочинениях А.П. Щапова (к 50-летию со дня смерти) // Краеведение. 1926. №3. С. 318.
72. Щапов А.П. Новая эра // Собрание сочинений. Дополнительный том. Иркутск, 1937. С. 16-17.

73. Труды I съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6-8 мая 1914. СПб., 1914. С. 4-5.
74. Гацисский А.С. Смерть провинции или нет? (Открытое письмо Д.Л. Мордовцеву). Н.Новгород, 1876. С.6,20.
75. Комарова И.И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов // Археологический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 86.
76. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел (1858-1868). СПб., 1873. Т. 1. С. 311.
77. Чудова Г.Ф. в те далекие годы. Киров, 1981. С. 78-79.
78. ЦГИА г.М-вы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 103. Л. 8об.
79. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.
80. Там же. Лл. 2-7об.
81. Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905г. Вып. I. Вятка, 1905. Отд. I. С. 7.
82. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2. Л. 8.
83. Там же. Л. 16.
84. Там же. Л. 15.
85. Там же. Л. 60.
86. Торжественное открытие Вятской ученой архивной комиссии 28 ноября 1904 года // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1905 г. Вятка, 1905. С. 163.
87. Открытие Вятской ученой архивной комиссии 28 ноября 1904 года. Речь И.М.Осокина // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905г. Вып. I. Вятка, 1905. Отд. I. С. 19-20.
88. ГАКО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 1. Л. 223.
89. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 219. Л. 1.
90. Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905г. Вып. I. Вятка, 1905. Отд. I. С. 33-34.
91. Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905г. Вып. I. Вятка, 1905. Отд. I. С. 39.

92. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 4. Л. 49-52.
93. Там же. Л. 53.
94. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 18. Л. 3-4.
95. Журнал 63 заседаний ВУАК. 20 сентября 1907г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1907г. Вып. II. Вятка, 1908. Отд. I. С. 4-5.
96. Мусихин В.Е. Вятский губернатор Сергей Дмитриевич Горчаков // Из истории Вятского края. К пятилетию кафедры краеведения. ВГПУ/ Под ред. В.С. Данюшенкова. Киров, 1997. С. 39.
97. Журнал заседаний 24 апреля 1909 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1909 г. Вып. II-III. Отд. I. Вятка, 1910. С. 9.
98. См: Чудова Г.Ф., Колупаева В.Н. Указатель содержания «Трудов Вятской ученой архивной комиссии 1905-1917гг.». Киров, 1993.
99. Решетников М.Н. Учреждение в г. Вятке губернской ученой архивной комиссии. (Задачи деятельности комиссии и условия успешного выполнения ею этих задач) // Вятские епархиальные ведомости. 1905. №3. С. 157.
100. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 8. Л. 12об.
101. Норцов А.Н. Губернские ученые архивные комиссии и их значение // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. 50. Ч. 1. С. 49.
102. Митрофанов Н.Н. В.Г. Короленко и Нижегородская архивная комиссия // Труды МГИАИ. М., 1961. Т. 16. С. 287.
103. Спицын А.А. Саратовские древности // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1912. Вып. 29. Прил. 1-7. С. 1-2.
104. Спицын А.А. Мои научные работы // Семинарий Кордакова. Прага, 1928. Т. 2. С. 331.
105. Отчет Археологической комиссии за 1906г. СПб., 1909. С. 115-116.
106. Архив ПО РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 53. Л. 366.
107. Журнал 85 заседаний ВУАК. 19 января 1909 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1909 г. Вып. I. Вятка, 1905. Отд. I. С. 8-19.
108. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 29а. Лл. 7-9.
109. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. 17. С. 5.

110. Протоколы заседаний Московского археологического общества // Древности. Труды археографической комиссии Императорского Московского археологического общества. Т. XII. М., 1898. С. 156.
111. Архив ПО РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 53. Л. 109.
112. Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). М., 1902. С. X.
113. Арепьев Н.Ф. Первый областной археологический съезд в России. СПб., 1904. С. 8.
114. Покровский Н.В. Губернские ученые архивные комиссии // Вестник археологии и истории. СПб., 1909. Вып. XVIII. С. 36.
115. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 6. Л. 1.
116. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 67. Л. 1-5.
117. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 18. Л. 19.
118. Журнал 37 заседаний ВУАК. 4 мая 1906г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1906 г. Вып. I-II. Вятка, 1906. Отд. I. С. 40.
119. Труворов А.Н. Обзор деятельности губернских ученых архивных комиссий за 1891г. // Русский архив. 1893. №2. С. 199.
120. ЦГИА г.М-вы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 521. Л. 3.
121. Андреевский И.Е. О деятельности ученых архивных комиссий в 1885г. // «Вестник археологии и истории» СПб., 1888. Вып. VII. С. 10.
122. Кедров С. Настоящее и будущее архивных комиссий // Русский архив». 1900. №9. С. 92.
123. Архив ПО РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 53. Л. 44.
124. Там же. Л. 289.
125. Снежневский В.И. Губернские ученые архивные комиссии и архивное дело в них // Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). М., 1902. С. 8.
126. Там же. С. 9.

127. Отчет Вятской ученой архивной комиссии за второй год существования (с декабря 1905 по январь 1907гг.) // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1906 г. Вып. V-VI. Вятка, 1907. Отд. I. С. 36.
128. Отчет Вятской ученой архивной комиссии за 1908 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1909 г. Вып. I. Вятка, 1909. Отд. I. С. 47.
129. Отчет Вятской ученой архивной комиссии за 1916 год // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1917 г. Вып. I-II. Вятка, 1917. Отд. I. С. 13.
130. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 227. Л. 2.
131. ЦГИА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 1. Д. 521. Лл. 1-2.
132. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 12. Л. 10.
133. Архив ПО РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 53. Л. 329об.
134. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.
135. Ветринский Ч. В.Г.Короленко в Нижнем // Нижегородский сборник. СГб., 1906. С. 78.

1.3. Сотрудники ВУАК: социальный состав, менталитет, деятельность.

136. Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. 1. С. 660.
137. Майорова А.С. Из истории Саратовской губернской ученой архивной комиссии// Отечественные архивы. 1997. №4. С. 13.
138. Шумейко М.Ф. Витебская ученая архивная комиссия – центр архивно-археографических и краеведческих изысканий в губернии в первой четверти XX в. // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сборник к 80-летию служения Сигурда Отговича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 318.
139. Двадцатилетие Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н.Новгород, 1912. С. 16.
140. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 203-204.
141. Архив ПО РАН. Ф. 2. Оп. 1-1900. Д. 40. Л. 36.
142. Отчет Симбирской губернской ученой архивной комиссии за 1916 г. Симбирск, 1916. С. 37-38.
143. Норцов А.Н. Записки Тамбовской ученой архивной комиссии к съезду 6 мая 1914 г. // Известия Тамбовской ГУАК. Вып.57. С.312.
144. Макарихин В.П. Историческая мысль Российской провинции на рубеже XIX/XX вв. // Россия в XX в. Судьбы исторической науки. М., 1990. С. 110.
145. Там же. С. 111.
146. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. Кн. 1. М., 1902. С. 24.
147. Савелов Л.М. В защиту ученых архивных комиссий // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года. 10-20 августа. Тверь, 1906. С. 20.
148. Труды I съезда представителей ГУАК и соответствующих им установлений. 6-8 мая 1914 г. СПб., 1914. С. 48.
149. Известия Тамбовской ГУАК. Тамбов, 1909. Вып. 53. С. 13.
150. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

151. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2. Л. 68.
152. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3. Л. 23.
153. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2. Л. 25.
154. Состав членов Вятской ученой архивной комиссии // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905 г.. Вып. I. Отд. I. Вятка, 1905. С. 10-13.
155. Отчет о деятельности ВУАК за 1905 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1906 г. Вып. V-VI. Отд. I. Вятка, 1907. С. 23.
156. Отчет о деятельности ВУАК за 1913 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1914 г. Вып. II-III. Отд. I. Вятка, 1914. С. 12.
157. Архив ПО РАН. Ф. 2. Оп. 1-1900. Д. 40. Л. 89об.
158. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 5. Л. 2об.
159. Уставы Императорского Вольного экономического общества и высочайшие рескрипты, ему данные 1765-1898. СПб., 1899. С. 114.
160. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 7. Л. 23.
161. Там же. Л. 34.
162. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 105.
163. Миронов Б.Н. Социальная история России. М., 2000. Т. 1. С. 130.
164. Статистические сведения // Памятная книжка и Календарь Вятской губернии на 1895 г. Вятка, 1896. С. 15.
165. Шмидт С.О. Сельские церковно-приходские летописи как историко-краеведческий материал // Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1996. С. 141.
166. Бердинских В.А. Уездные историки. Русская провинциальная историография. М., 2003. С. 226.
167. Луппов А.Н. Биографический очерк об Иване Михайловиче Осокине. Вятка, 1922. С. 7.
168. Там же. С. 33.
169. Бердинских В.А. Вятский архивариус И.М.Осокин // Занимательное краеведение: вятский сундук. Вятка, 1996. С. 139.

170. Луппов А.Н. Биографический очерк об Иване Михайловиче Осокине. Вятка, 1922. С. 34.
171. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С.5.
172. Бердинских В.А. Русская провинциальная историография второй половины девятнадцатого века. Москва-Киров, 1995. С. 26.
173. ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 842. Л. 1об.
174. Спицын А.А. Н.А. Спасский //Краеведение. 1925. Т. II. №1-2.
175. ГАКО. Ф. 583. Оп. 608. Д. 842. Л. 3об..

Глава II. Деятельность Вятской ученой архивной комиссии по изучению истории Вятского края.

2.1. Деятельность ВУАК по созданию и комплектованию исторического архива.

1. Кедров С.И. Настоящее и будущее архивных комиссий (по поводу книги Д.Я. Самоквасова «Централизация государственных архивов Западной Европы в связи с архивной реформой в России» М., 1899.) //Русский архив. 1900. Кн. III. №9. М., 1900. С. 85.
2. Емельянов В.Д. Несколько слов об архивных документах // Вятский вестник. 1906. №45. С. 2.
3. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3. Л. 3.
4. Андреевский И.Е. Наука об архивах. СПб., 1887. С. III.
5. РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1081. Л. 81об.
6. РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1081. Л. 82об.
7. Львов А.Н. Русское законодательство об архивах // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899. Т. II. Ч. I. М., 1902. С.1.
8. Самоквасов Д.Я. Централизация государственных архивов в Западной Европе в связи с архивной реформой в России // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899. Т. II. Ч. III. М., 1902. С. 105-107.
9. Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960. С. 278-281.
10. Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899. Т. III. М., 1902. С. 375.
11. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. Кн. 1. М., 1902. С. 14.
12. Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. М., 2003. С. 207.
13. Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902. Т. III. М., 1905. С. 375-376.

14. Малченко В.С. Официальное назначение и научно-исторические задачи губернских ученых архивных комиссий // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года. 10-20 августа. Тверь, 1906. С.5.
15. Там же. С. 8.
16. Архив ПО РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 908. Л. 3об
17. Архив ПО РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 53. Л. 315.
18. Архив ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 86а. Л. 74.
19. Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960. С. 278-284.
20. Колосов В.И. К вопросу о преобразовании архивных комиссий // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года. 10-20 августа. Тверь, 1906. С. 11.
21. Труды Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий. 6-8 мая 1914г. СПб., 1914. С. 37.
22. Лашков Ф.Ф. К вопросу о губернских исторических архивах // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890. Т. II. М., 1895. С. 210.
23. Императорское Русское историческое общество. 1866-1916. СПб., 1916. С. 137.
24. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 47. Л. 2.
25. К съезду представителей губернских ученых архивных комиссий, устраиваемому Императорским Русским историческим обществом 6-8 мая 1914 г. СПб., 1914. С.8-9.
26. Журнал 12 мая 1912 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1912 г. Вып. III. Отд. I. Вятка, 1913. С. 36-37.
27. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 47. Л. 17.
28. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 50. Лл. 1-56.
29. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 56. Лл. 2-28.
30. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 52.
31. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 33. Л. 13-13об.
32. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 47. Л. 19.

33. Осокин И.М. Отчет об археологической экскурсии по Вятской губернии. 23 мая-16 июня 1916г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1917г. Вып. I-II. Отд. I. Вятка, 1917. С. 35-47.
34. РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1390. Лл. 2-6.
35. Архив ПО РАН. Ф.2. Оп.1. Д.34. Л.1об.
36. Гераклитов А.А. Исторические архивы при ученых архивных комиссиях // «Труды Саратовской ученой архивной комиссии». Вып. 32. Саратов, 1915. С. 60.
37. Там же. С. 61.
38. ЦГИА г.Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 158. Л. 3.
39. ЦГИА г.Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 196. Лл. 6-6об.
40. ГАКО.Ф. 170. Оп. 2. Д. 18. Лл. 15-16.
41. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 29а. Лл. 7-9.
42. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 47. Л. 60.
43. Отчет Вятской ученой архивной комиссии за 1909 г. //Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1910 г. Вып. I. Отд. I. Вятка, 1910. С. 48.
44. Журнал 22 августа 1911 г.// Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1912 г. Вып. III. Отд. I. Вятка, 1912. С. 5.
45. Труды Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий. 6-8 мая 1914 г. СПб., 1914. С. 12-13.
46. Калачов Н.В. Архивы, их государственное значение, состав и устройство. СПб., 1877. С. 28.
47. Бржостовская Н.В. Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов // Труды МГИАИ. М., 1954. Вып. 5. С. 89-90.
48. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 356. Лл. 2-26.
49. Журнал 28 октября 1906 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1906 г. Вып. III-IV. Отд. I. Вятка, 1906. С. 19.
50. Отчет Вятской ученой архивной комиссии за 1908 г. //Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1909 г. Вып. I. Отд. I. Вятка, 1909. С. 40.

51. Отчет Вятской ученой архивной комиссии за 1910 г. //Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1912 г. Вып. I-II. Отд. I. Вятка, 1912. С. 48.
52. Отчет Вятской ученой архивной комиссии за 1913 г. //Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1914 г. Вып. II-III. Отд. I. Вятка, 1914. С. 39.
53. Отчет за Вятской ученой архивной комиссии за 1914 г. //Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1915 г. Вып. I. Отд. I. Вятка, 1915. С. 46.
54. ГАКО.Ф. 170. Оп. 2. Д. 48. Л. 80.
55. Сорокин В.В. Ленинское учение об отношении к буржуазной науке и оценка «провиенц-принципа» // Труды МГИАИ. М., 1975. Т. 31. Вып. 2. С.33.
56. Воронов А.П. Французские областные архивы // Труды Одиннадцатого Археологического съезда в Киеве. 1899. М., 1902. Т. 2. Ч. 1. С. 46-47.
57. Воронов А.П. Архивоведение. СПб., 1904. С. 16.
58. Шобухов М.Н. Описание документального материала в архивах дореволюционной России: Уч. пособие. М., 1955. С. 48.
59. Бржостовская Н.В. Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов // Труды МГИАИ. М., 1954. Вып. 5. С. 104.
60. Автократов В.Н. Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX-начала XX в. // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 9.
61. Архив ПО РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1917. Д. 164. Л. 439об.
62. Архив ПО РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1917. Д. 164. Л. 474об.
63. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 48. Л. 56.
64. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 48. Л. 63об.
65. Декрет СНК РСФСР о реорганизации и централизации архивного дела. 1. июня 1918 // Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917-июнь 1941). М., 1961. С. 12-13.
66. Архив ПО РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165. Л. 443.
67. Декрет СНК РСФСР о губернских архивных фондах. 31 марта 1919 // Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917-июнь 1941). М., 1961. С. 14-15.

68. Максаков В.В. Архивное дело в первые годы советской власти. М., 1959. С.81.
69. Луппов А.Н. Биографический очерк об Иване Михайловиче Осокине. Вятка, 1922. С. 50.
70. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. Н.Новгород, 1991. С. 70,73.
71. Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917-июнь 1941). М., 1961. С. 101.
72. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 195. Л. 233об. См. так же: ГАКО Ф. Р-1016. Оп. 1. Д. 27. Л. 12.
73. Бржостовская Н.В. Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов // Труды МГИАИ. М., 1954. Вып. 5. С. 101, 104.

2.2. Археографическая деятельность ВУАК. Научно-исследовательские работы вятских краеведов.

74. Барсуков Н. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 70.
75. Корнева И.И., Тальман Е.М., Эпштейн Д.М. История археографии в дореволюционной России. Уч. пособие // Под. ред. М.С. Селезнева М., 1968. С. 127-128.
76. Санкт-Петербургские ученые ведомости на 1771 г. №.4. Издание 2-е А.Н. Неустроева. СПб., 1873. С. 28.
77. Чирков С.В. К истории разработки правил издания исторических источников в начале XX в. // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986. С. 64.
78. Батаева Т.В., Селезнев М.С., Корнева И.И., Тальман Е.М., Эпштейн Д.М. Разработка правил публикации исторических документов в дореволюционной России и советской археографии // Труды МГИАИ. Т. 29. М., 1972. С. 90.
79. Проект правил для отдельных изданий Императорской Археографической комиссии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1905 г. СПб., 1907. Вып. 18.
80. Извлечения из правил для переписи и издания документов // Сборник Московского архива министерства юстиции. М., 1913. Т. 1. Ч. 1. С. 1-6.
81. Архив ПО РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 207. Л. 127.
82. Копанев А.И. Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. 9. С. 84.
83. Самоквасов Д.Я. Современное состояние научной разработки древних архивных материалов // Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославле. М., 1908. Т. II. С. 158.
84. Юбилей двадцатипятилетия Рязанской губернской ученой архивной комиссии. Рязань, 1911. С. 9, 11.

85. Шведова О.И. Указатель трудов губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 377-453.
86. Там же.
87. Двадцатипятилетие Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н.Новгород, 1913. С. 34-35.
88. Карманов Д.И. Исторические известия Тверского княжества, почерпнутые из общих русских летописаний с приобщением новейших оного приключений. Тверь, 1907.
89. Меморский А.М. Основатель Нижнего Новгорода великий князь Георгий (Юрий) II Всеволодович. Н.Новгород, 1889.
90. Историческое обозрение Г. Симбирска от первых времен до возведения на статус губернского города // Сост. П. Мартынов. Симбирск, 1896.
91. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 219. Л. 2.
92. Журнал 3 марта 1905 г. //Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905 г. Вып. II. Отд. I. Вятка, 1905. С. 69.
93. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 5. Л. 2об.
94. Там же. Л. 21-21об.
95. Там же. Л. 65.
96. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 218. Л. 1.
97. Уо Д. Новое о «Повести о стране Вятской». Киров, 1998. С. 33.
98. Верещагин А.С. Послесловие к «Повести о стране Вятской» // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905 г. Вып. III. Отд. II. Вятка, 1905. С. 77.
99. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 77. Л. 4.
100. Там же. Л. 2об.
101. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.
102. П.Н. Луппов: библиографический указатель // Сост. Г.Ф. Чудова. Ижевск, 1985. С. 92.
103. Луппов П.Н. Автобиография. Киров, 1947. С. 52.

104. Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических сведений о них до XIX века. Вятка, 1901. С. 111.
105. Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1911 г. Вып. I-II. Отд. III. Вятка, 1911. С. 568.
106. Емельянов В.Д. Послесловие к переписным книгам г. Орлова и г. Котельнича //Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1910 г. Вып. I. Отд. III. Вятка, 1910. С. 123.
107. Рудаков В.Г. Труды Вятской ученой архивной комиссии // Исторический вестник. 1906. Май. С. 631.
108. Рудаков В.Г. Труды Вятской ученой архивной комиссии // Исторический вестник. 1906. Ноябрь. С. 703.
109. Шумаков С.А. Рецензия на «Грамоты и Акты Успенского Трифонова монастыря» // Журнал министерства народного просвещения. Март. 1908. С. 188-196.
110. Верещагин А.С. Краткие известия по поводу рецензии С.А. Шумакова на издание «Грамот и Актов Успенского Трифонова монастыря» //Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1907 г. Вып. III. Отд. III. Вятка, 1907. С. 101-111.
111. Гипербола // Вятская речь. 1914. №.81. С. 3.
112. Заседание городского земского собрания // Вятская речь. 1915. №.257. С. 2.
113. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 33. Л. 52-52об.
114. Там же. Л. 95об.
115. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 48. Л. 115об.
116. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 33. Л. 62.
117. Чирков С.В. Рецензия на «Издания губернских ученых архивных комиссий 1884-1924 гг.» // Отечественные архивы. 1994. №5. С. 127.

2.3. Провинциальные музеи на рубеже XIX-XX вв. и деятельность Трифоновского церковно-археологического музея.

118. Дмитриев С.С. Очерки истории культуры начала XX в. М., 1985. С. 26.
119. РГИА. Ф. 733. Оп. 145, 1906 г. Д. 100. Л. 1.
120. Равикович Д.Я Музеи местного края во второй половине XIX-начале XX в. // Очерки истории музейного дела в России. Вып. II. М., 1960. С. 170.
121. Каспаринская С.А. Музеи в России и влияние государственной политики на их развитие (XVIII-начале XX вв.) // Музеи и власть. Сб. науч. трудов. Ч. 1. М., 1991. С. 63.
122. Алабин П.В. Трехвековая годовщина г. Самары. Самара, 1887. С. 76.
123. Архив ПО РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 53. Л. 329.
124. Равикович Д.Я Музеи местного края во второй половине XIX-начале XX в. // Очерки истории музейного дела в России. Вып. II. М., 1960. С. 176.
125. Там же. С. 177.
126. Голубцов Н.А. Записка об Архангельском городском публичном музее. Архангельск, 1910. С. 21-26.
127. ЦГИА г.М-вы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 103. Л. 8-8об.
128. Там же. Л. 11.
129. Там же. Лл. 12-16.
130. РГИА.Ф.733. Оп.143, 1897 г. Д.53. Л.118.
131. Равикович Д.Я Музеи местного края во второй половине XIX-начале XX в. // Очерки истории музейного дела в России. Вып. II. М., 1960. С. 152-153.
132. РГИА. Ф. 733. Оп. 145, 1906 г. Д. 452. Л. 9.
133. Архив ПО РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 53. Л. 86.
134. Там же. Л. 78.
135. ЦГИА г.М-вы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 103. Л. 8.
136. Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1901 г. Пермь, 1902. С. 6-8.
137. Архив ПО РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 53. Л. 255.

138. Равикович Д.Я Музеи местного края во второй половине XIX-начале XX в. // Очерки истории музейного дела в России. Вып. II. М., 1960. С. 185.
139. Краткое описание Тверского музея. Тверь, 1911. С. 12.
140. РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 133, 815, 880.
141. РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. Д. 5. Л. 28.
142. Василье М.Г. К вопросу о сохранении памятников церковной старины // Вятские епархиальные ведомости. 1910. №24. С. 1.
143. Емельянов В.Д. О необходимости изучения Вятского края в археологическом отношении // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1910 г. Вып. I. Отд. III. Вятка, 1910. С. 13.
144. Осокин И.М. Об историко-археологическом музее при ВУАК // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1913 г. Вып. I-II. Отд. II. Вятка, 1913. С. 19-20.
145. Проект историко-археологического музея при ВУАК // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1910 г. Вып. II-III. Отд. II. Вятка, 1911. С. 31.
146. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 35. Лл. 2-18.
147. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 24. Л. 24.
148. Осокин И.М. Об историко-археологическом музее при ВУАК // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1913 г. Вып. I-II. Отд. II. Вятка, 1913. С.20.
149. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 29а. Лл. 45-47.
150. Там же. Л. 46.
151. Открытие Трифоновского церковно-археологического музея // Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1913 г. Вып. I-II. Отд. III. Вятка, 1913. С. 128.
152. Равикович Д.Я Музеи местного края во второй половине XIX -начале XX в. // Очерки истории музейного дела в России. Вып. II. М., 1960. С. 178-179.
153. Отчет Пермского научно-промышленного музея за 1908 г. Пермь, 1909. С. 11.

154. Равикович Д.Я Музеи местного края во второй половине XIX-начале XX в. // Очерки истории музейного дела в России. Вып. II. М., 1960. С. 192.
155. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 77. Л. 120об.
156. ЦГИА г.М-вы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 103. Л. 7.
157. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 77. Л. 123.
158. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 33. Л. 61.
159. Там же. Л. 61об.
160. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 48. Л. 98.
161. Каспаринская С.А. Музеи в России и влияние государственной политики на их развитие (XVIII-начале XX вв.) // Музеи и власть. Сб. науч. трудов. Ч. 1. М., 1991. С. 76.
162. Равикович Д.Я Музеи местного края во второй половине XIX-начале XX в. // Очерки истории музейного дела в России. Вып. II. М., 1960. С. 171.
163. РГИА. Ф. 733. Оп. 155. 1912. Д. 330. Л. 25.
164. РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1912. Д. 211. Л. 23-23об.
165. РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д.3 30. Л. 108.

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные источники

Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГИА г. М-вы)

Ф. 454. Московское археологическое общество: Оп. 2. Д. 10, 31, 66, 83, 91, 102, 103, 139, 153, 154, 155, 157, 173, 196, 206, 243, 267, 328, 413, 461, 519, 520.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 560. Общая канцелярия министерства финансов: Оп. 187. Д. 164. Оп. 26. Д. 1390.

Ф. 565. Департамент государственного казначейства министерства финансов: Оп. 5. Д. 20214. Оп. 6. Д. 21385.

Ф. 733. Министерство народного просвещения: Оп. 142. Д. 509. Ч. 1. Оп. 143. Д. 240. Оп. 145. Д. 120. Оп. 155. Д. 1277. Оп. 156. Д. 36. Оп. 455. Д. 287.

Ф. 1284. Департамент общих дел министерства внутренних дел: Оп. 26. Д. 1390. Оп. 60. Д. 15а. Оп. 185. Д. 9, 96, 107, 460. Оп. 186. Д. 11. Ч. III., 13, 30, 40, 42, 44, 116, 117, 138, 143, 178, 300. Оп. 187. Д. 164. Оп. 188. Д. 64.

Архив Петербургского отделения Российской Академии наук (ПО РАН)

Ф. 1. Конференция Академии наук: Оп. 1а. 1883. Д. 131; 1908. Д. 155; 1914. Д. 161; 1917. Д. 164; 1918. Д. 165; 1919. Д. 166.

Ф. 2. Канцелярия Конференции Академии наук: Оп. 1. Д. 9, 40, 43, 53.

Ф. 113. А.С. Лаппо-Данилевский: Оп. 1. Д. 908. Оп. 2. Д. 53. Оп. 3. Д. 268.

Ф. 849. Д.К. Зеленин: Оп. 3. Д. 398.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 99. Временная комиссия об устройстве архивов. 1873-1880: Оп. 1. Д. 8, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 88.

Государственный архив Кировской области (ГАКО)

Ф. 170. Вятская ученая архивная комиссия: Оп. 1. Д. 23, 24, 77, 79, 197, 212, 215, 227, 411а-419. Оп. 2. Д. 2-8, 10-14, 16-19, 21-25, 27-29а, 30, 32-34, 36, 48-66а, 67-75, 77, 80.

Ф. Р-875. Вятское губернское архивное управление: Оп. 1. Д. 195, 223, 225.

Ф. Р-1016. Вятское историческое общество: Оп. 1. Д. 1, 27.

Ф. Р-1137. Отдел народного образования Вятской губернии: Оп. 1. Д. 1, 9.

Ф. 583. Вятское губернское правление: Оп. 608. Д. 842.

Опубликованные источники

Законодательные и нормативные документы

Гражданское уложение. Проект Высочайше утвержденный редакционной комиссии [Текст]: официальный текст. – СПб., 1899. Кн. 5. Т. 4.

Декреты Советской власти [Текст]. – М., 1958. Т. II.

Декреты Советской власти [Текст]. – М., 1968. Т. IV.

Журналы высочайше учрежденной комиссии об устройстве архивов [Текст] // Сборник статей по архивоведению. / Под ред. И.И. Зубарева. – СПб., 1910. Т. 1. Ч. 1.

Охрана памятников истории и культуры в России XVIII - начала XX вв. [Текст]: сб. док. М., 1978.

Официальные документы по учреждению ученых архивных комиссий и губернских исторических архивов [Текст] // Вестник археологии и истории. – СПб., 1885. Вып I.

Сборник материалов, относящиеся до архивной части в России [Текст]: сб. док. – Пг., 1916. Т. 1. Пг., 1917. Т. 2.

Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917-июнь 1941 гг.) [Текст]: сб. док. – М., 1961.

Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу [Текст]. – М., 1921.

Периодическая печать

Археографический ежегодник за 1957 г. [Текст]. – М., 1958.

Археографический ежегодник за 1971 г. [Текст]. – М., 1972.

Археографический ежегодник за 1974 г. [Текст]. – М., 1975.

Археографический ежегодник за 1978 г. [Текст]. – М., 1979.

Археографический ежегодник за 1981 г. [Текст]. – М., 1982.

Археографический ежегодник за 1983 г. [Текст]. – М., 1985.

Археографический ежегодник за 1984 г. [Текст]. – М., 1986.

Археографический ежегодник за 1985 г. [Текст]. – М., 1986.

Археографический ежегодник за 1986 г. [Текст]. – М., 1987.

Археографический ежегодник за 1988 г. [Текст]. – М., 1989.

Археографический ежегодник за 1989 г. [Текст]. – М., 1990.

Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом. [Текст]: сб. науч. тр. – СПб., 1886. Вып. V; 1904. Вып. XV; 1909. Вып. XVIII.

Вестник Московского университета [Текст]: Серия 8. История. – 1990. №2, 4.

Вопросы истории [Текст]. – 1963. №8; 1973. №8; 1993. №2.

Вятская жизнь [Текст]. – 1923. №3.

Вятская речь [Текст]. – 1913. №47, 51, 213; 1915. №257.

Вятский вестник [Текст]. – 1906. №45, 83.

Вятские епархиальные ведомости [Текст]. – 1905. №3, 5.

Герценка. Вятские записки [Текст]. – 2003. Вып. 4.

Древности. Труды археографической комиссии Московского археологического общества [Текст]. – М., 1901. Т. 19. Вып. 1.

Известия Тамбовской ученой архивной комиссии [Текст]. – 1905. Вып. 50. Ч. II.

Исторический вестник [Текст]. – 1891. №1; 1899. №6; 1901. №12; 1905. №7; 1906. №5, 11; 1907. №10; 1908. №1, 2, 4, 6, 8, 11; 1909. №6, 8, 9, 12; 1910. №12; 1916. №7.

Историческое обозрение [Текст]. – 1891. Т. 2.

История СССР [Текст]. – 1980. №4.

Краеведение [Текст]. – 1925. №3; 1926. №3.

Новый мир [Текст]. – 1966. №12.

Отечественные архивы [Текст]. – 1997. №4; 1999. №2; 2000. №2; 2003. №1; 2004. №2.

Отечество [Текст]: Краеведческий альманах. – 1990. Вып. 1.

Отчет Археологической комиссии за 1905 г. [Текст]. – СПб., 1908.

Отчет Археологической комиссии за 1906 г. [Текст]. – СПб., 1909.

Отчет Археологической комиссии за 1907 г. [Текст]. – СПб., 1910.

Отчет Археологической комиссии за 1908 г. [Текст]. – СПб., 1912.

Отчет Археологической комиссии за 1909 и 1910 гг. [Текст]. – СПб., 1913.

Отчет Археологической комиссии за 1911 г. [Текст]. – Пг., 1914.

Отчет Археологической комиссии за 1912 г. [Текст]. – Пг., 1916.

Отчет Археологической комиссии за 1913-15 гг. [Текст]. – Пг., 1918.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1889 г. [Текст]. – СПб., 1892.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1892 г. [Текст]. – СПб., 1894.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1895 г. [Текст]. – СПб., 1897.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1902 г. [Текст]. – СПб., 1904.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1903 г. [Текст]. – СПб., 1906.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1905 г. [Текст]. – СПб., 1908.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1909-1910 гг. [Текст]. – СПб., 1913.

Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1905 г. [Текст]. – Вятка, 1905.

Памятная книжка Кировской области и Календарь на 2004 г. [Текст]. – Вятка (Киров), 2003.

Русская мысль [Текст]. – 1902. Декабрь.

Русская провинция [Текст]. – 1995. Вып. 2.

Русская старина [Текст]. – 1887. Т. 56. Кн. II.; 1888. Т. 57, 60. №12.; 1888. Т. 57; 1916. №4.

Русский архив [Текст]. – 1900. Кн. I II. №9.

Русский вестник [Текст]. – 1900. №1.

Русский исторический журнал [Текст]. – 1918. Книга.5.

Советские архивы [Текст]. – 1978. №2; 1985. №5.

Труды Воронежской ученой архивной комиссии за 1905 г. [Текст]. – Воронеж, 1905.

Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905 г. [Текст]. – Вятка, 1905. Вып. I, II-III, IV, V-VI.

Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1906 г. [Текст]. – Вятка, 1906. Вып. I-II, III-IV, V-VI.

Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1907 г. [Текст]. – Вятка, 1907. Вып. I, II.

Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1907 г. [Текст]. – Вятка, 1908. Вып. III, IV

Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1908 г. [Текст]. – Вятка, 1909. Вып. I-II.

Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1909 г. [Текст]. – Вятка, 1909. . Вып. I, II-III.

Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1910 г. [Текст]. – Вятка, 1910. Вып. I-II, III.

Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1911 г. [Текст]. – Вятка, 1912. Вып. I-II, III.

Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1912 г. [Текст]. – Вятка, 1912. Вып. I-II, III.

Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1913 г. [Текст]. – Вятка, 1913. Вып. I-II, III-IV

Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1914 г. [Текст]. – Вятка, 1914. Вып. I, II-III.

Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1915 г. [Текст]. – Вятка, 1915. . Вып. I, II-III.

Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1916 г. [Текст]. – Вятка, 1916. Вып. I-II.

Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1916 г. [Текст]. – Вятка, 1917. Вып. III-IV.

Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1917 г. [Текст]. – Вятка, 1917. Вып. I-II.

Труды Саратовской ученой архивной комиссии. [Текст]. – Саратов, 1890. Т. III. Вып. I, 1915. Вып. 32.

Труды Московского государственного историко-архивного института [Текст]. – М., 1948. Т.4; 1954. Вып. 5; 1965. Т. 22; 1972. Т. 29; 1974. Т. 30. Вып.1; 1975. Т. 31. Вып. 2.

Научная литература

Автократов, В.Н. Общая теория архивоведения [Текст] / В.Н. Автократов // Вопросы истории. – 1973. №8. – С. 59-72.

Автократов, В.Н. Понятие происхождения в архивоведении [Текст] / В.Н. Автократов // Археографический ежегодник за 1978 г. – М., 1979. – С.142-149.

Автократов, В.Н. Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении 19-начала XX в. [Текст] / В.Н. Автократов // Археографический ежегодник за 1981 г. – М., 1982. – С. 9-20.

Автократова, М.И. Лекции С.К. Богоявленского о Н.В. Калачове [Текст] / М.И. Автократов, В.Н. Самошенко // Археографический ежегодник за 1985г. – М., 1986. – С. 246-250.

Автократова, М.И. Н.В. Калачов и развитие архивного дела в России во второй половине XIX в. [Текст] / М.И. Автократова, В.Н. Самошенко // Советские архивы. – 1985. №5. – С. 28-31.

Алексеев, В.А. Архивные мытарства [Текст] / В.А. Алексеев // Исторический вестник. – 1910. №12. – С. 1034-1057.

Андреевский, И.Е. Ученые архивные комиссии в 1886 г. Обзор их деятельности [Текст] / И.Е. Андреевский // Русская старина. – 1887. Т. 56. Кн. II. – С. 539-553.

Андреевский, И.Е. Ученые архивные комиссии в 1887 г. [Текст] / И.Е. Андреевский // Русская старина. – 1888. Т. 60. № 12. – С. 733-752.

Андреевский, И.Е. Десятилетие археологического института [Текст] / И.Е. Андреевский // Русская старина. – 1888. Т. 57. – С. 489-515.

Андреевский, И.Е. Археологический институт в С.-Петербурге. Первое его десятилетие 1878-1888 [Текст] / И.Е. Андреевский // Русская старина. – 1888. Т. 57. – С. 489-515.

Аникович, М.В. Проблема определения археологии как науки в русской дореволюционной историографии [Текст] / М.В. Аникович // Историки об истории. – Омск, 1989. – С. 4-26.

Арепьев, Н.Ф. Первый областной съезд исследователей истории и древностей в России [Текст] / Н.Ф. Арепьев // Вестник археологии и истории издаваемый Императорским Археологическим институтом. СПб., 1904. Вып. XVI. – С. 90-109.

Архангельский, С.И. Из истории краеведческой мысли в Нижегородском крае [Текст] / С.И. Архангельский // Краеведение. – 1925. №3. – С. 69-80.

Афиани, В.Ю. «Открываемая Россия»: путешествие как метод краеведческого изучения [Текст] / В.Ю. Афиани // Историческое

краеведение. По материалам II Всесоюзной конференции по историческому краеведению. – Пенза, 1993. – С. 189-200.

Барсуков, Н. Жизнь и труды П.М. Строева [Текст] / Н. Барсуков. – СПб., 1878.

Бердинских, В.А. Русская провинциальная историография второй половины девятнадцатого века [Текст] / В.А. Бердинских. – Москва-Киров, 1995.

Бердинских, В.А. Губернские статистические комитеты России XIX в. и изучение проблемы долголетия [Текст] / В.А. Бердинских // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сборник к 50-летию служения С.О. Шмидта Историко-архивному институту. – М., 2000. – С. 268-270.

Бердинских, В.А. Уездные историки. Русская провинциальная историография [Текст] / В.А. Бердинских. – М., 2003.

Бердинских, В.А. Вятский архивариус И.М. Осокин [Текст] / В.А. Бердинских // Занимательное краеведение: вятский сундук. – Вятка, 1996.

Бржостовская, Н.В. Вопросы архивного дела на археологических съездах в России, 1869-1911 гг. [Текст] / Н.В. Бржостовская // Археографический ежегодник за 1971 г. – М., 1972. – С. 89-105.

Бржостовская, Н.В. Деятельность губернских ученых архивных комиссий по созданию исторических архивов [Текст] / Н.В. Бржостовская // Труды МГИАИ. – М., 1954. Вып. 5. – С. 70-116.

Ванчиков, В.В. Искатели древностей [Текст] / В.В. Ванчиков, Л.А. Сенникова // По родному краю; под общ. ред. Л.С. Татаренкова. – Киров, 1991. – С. 26-56.

Васильев, М. К вопросу о сохранении памятников церковной старины [Текст] / М.К. Васильев. – Вятка, 1910.

Воронов, А.П. Архивоведение. Конспект лекций, читанных в С.-Петербургском археологическом институте [Текст] / А.П. Воронов. – СПб., 1902.

Воронов, А.П. Французские областные архивы [Текст] / А.П. Воронов // Труды Одиннадцатого Археологического съезда в Киеве. 1899. – М., 1902. Т. 2. Ч. 1. – С. 43-47.

Воронов, А.П. Архивоведение [Текст] / А.П. Воронов. – СПб., 1901.

Воронов, А.П. Статьи по архивоведению. (Пособие для слушателей Императорского С.-Петербургского Археологического Института) [Текст] / А.П. Воронов. – СПб., 1909.

Востоков, А.А. Литературная деятельность Н.В. Калачова [Текст] / А.А. Востоков // Вестник археологии и истории издаваемый Императорским Археологическим институтом. – СПб., 1886. Вып. V. – С. 33-78.

Вяликов, В.И. К истории архивного дела в первые годы советской власти [Текст] / В.И. Вяликов // Труды МГИАИ. М., 1975. Т. 31. Вып. 2. – С. 87-95.

Гацисский, А.С. Смерть провинции или нет? (Открытое письмо Д.Л. Мордовцеву) [Текст] / А.С. Гацисский. – Н.Новгород, 1876.

Гацисский, А.С. Историческая записка об учреждении в Нижнем Новгороде губернской ученой архивной комиссии (1884-1887 г.) [Текст] / А.С. Гацисский. – Н.Новгород, 1887.

Герасимов, А. Исторические архивы при ученых архивных комиссиях [Текст] / А. Герасимов // Труды Саратовской ученой архивной комиссии за 1915 г. – Саратов, 1915. Вып. 32. – С. 57-71.

Гессен, Ю. Из жизни Архивных комиссий [Текст] / Ю. Гессен // Сборник материалов и статей: Редакция журнала «Исторический архив». – Пг., 1921. Вып. 1. – С. 3-21.

Голицын, Л.Л. Архивы и порядок их разбора [Текст] / Л.Л. Голицын // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. – Саратов, 1890. Т. III. Вып. I. – С. 1-11.

Готовицкий, М.В. Вопрос об ученых архивных комиссиях на VIII Археологическом съезде [Текст] / М.В. Готовицкий // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. – Саратов, 1890. Т. III. Вып. I. – С. 263-270.

Двадцатипятилетний юбилей Тверской ученой архивной комиссии [Текст]. – Тверь. 1911.

Десятилетие Оренбургской ученой архивной комиссии [Текст]. – Оренбург, 1898.

Двадцатипятилетние Саратовской ученой архивной комиссии. 1886-1911. [Текст]. – Саратов, 1911.

Добрушкин, Е.М. Основы археографии [Текст]: уч. пособ. / Е.М. Добрушкин. – М., 1992.

Добрушкин, Е.М. История отечественной археографии: современные проблемы и задачи изучения [Текст] / Е.М. Добрушкин. – М., 1989.

Дремкина, Г.А. Основные периоды организации государственного архивного фонда СССР (1918-1970 гг.) [Текст] / Г.А. Дремкина // Труды МГИАИ. Т. 29. Актуальные проблемы архивоведения, археографии и документоведения / Под ред. С.И. Мурашова. - М., 1972. – С. 9-31.

Елизаров, Б.С. О формировании терминов «архив», «архивный документ» и их современная интерпретация [Текст] / Б.С. Елизаров // Архивы СССР. История и современность. Межвузовский сборник научных трудов. / Под ред. В.Е.Корнева. – М., 1989. – С. 4-10.

Емельянов, В.Д. Несколько слов об архивных документах [Текст] / В.Д. Емельянов // Вятский вестник. – 1906. №45. – С. 2.

Емельянов, В.Д. Нужды нашей архивной комиссии [Текст] / В.Д. Емельянов // Вятский вестник. – 1906. №83. – С. 2-3.

Зубарев, И.И. Прошлое и настоящее русских архивов. (Краткий исторический очерк) [Текст] / И.И. Зубарев. – СПб., 1911.

Зубова, Н.Л. Архивно-просветительные организации в России в конце X-начале XX в. [Текст] / Н.Л. Зубова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1990. №2.С. – 62-72.

Иконников, В.С. Значение архивных комиссий для русской исторической науки и для русского общества [Текст] / В.С. Иконников, С.А.

Харизоменов // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. – Саратов, 1890. Т. III. Вып. 1. – С. 292-300.

Иконников, В.С. Губернские ученые архивные комиссии. 1884-1890 [Текст] / В.С. Иконников. – Киев, 1892.

Иконников, В.С. Опыт русской историографии [Текст] / В.С. Иконников. – Киев, 1891. Т. 1. Кн. 1.

Иловайский, Д.И. Всероссийские археологические съезды [Текст] / Д.И. Иловайский // Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. 1885-1915. – М., 1916. – С. 1-4.

Императорское Русское историческое общество. 1866-1916 [Текст]. – Пг., 1916.

1878-1903. Императорский Археологический Институт в С.-Петербурге. Речи, адреса и приветствия. 1878-1908 [Текст]. – СПб., 1908.

Историческое краеведение [Текст]. / Под ред. Г.Н. Матюшина. – М., 1975.

Калачов, Н.В. Некоторые данные о разработке материалов в наших архивах и об изучении нашего народного быта [Текст] / Н.В. Калачов // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877. – Казань, 1884. Т. 1. – С. 14-28.

Калачов, Н.В. Архивы [Текст] / Н.В. Калачов // Труды Первого археологического съезда в Москве. – М., 1871. Т. 1. – С. 207-218.

Калачов, Н.В. В каких городах могли бы быть учреждены центральные архивы и каким образом могли бы быть учреждены при них местные исторические общества [Текст] / Н.В. Калачов // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. – Киев, 1878. Т. 1. – С. XXXIX.

Каспаринская, С.А. Музеи России и влияние государственной политики на их развитие (18- начало XX в.) [Текст] / С.А. Каспаринская // Музеи и власть: сб. науч. тр. – М., 1991. Ч. 1. – С. 8-95.

Кедров, С.И. Настоящее и будущее архивных комиссий. (По поводу книги Д.Я. Самоквасова: «Централизация государственных архивов Западной Европы в связи с архивной реформой в России» М., 1899г.) [Текст] / С.И. Кедров // Русский архив. – М., 1900. Кн. III. № 9. – С. 85-104.

Кимбелл, Э. Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху великих реформ. 1859-1863 [Текст] / Э. Кимбелл // Великие реформы в России 1856-1874. / Под ред. Л.Г.Захаровой. – М., 1992. – С. 260-282.

Абросимова, С.В. Из истории Екатеринославской ученой архивной комиссии (1903-1916) [Текст] / С.В. Амбросимова, Н.П. Ковальский // Археографический ежегодник за 1988 г. – М., 1989. – С. 52-27.

Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. К 80-летию академика И.Д. Ковальченко [Текст] / И.Д. Ковальченко. – М., 2003.

Ковальченко, И.Д. Основные тенденции в развитии исторической науки в России в эпоху империализма К 80-летию академика И.Д. Ковальченко [Текст] / И.Д. Ковальченко, А.Е. Шикло // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР. – М., 1985. – С. 6-22.

Козлов, В.Ф. Из истории составления фундаментального описания церквей и монастырей г. Москвы (XIX-XX вв.) [Текст] / В.Ф. Козлов // Историческое краеведение. По материалам II Всесоюзной конференции по историческому краеведению. – Пенза, 1993. – С. 225-237.

Колосов, В.И. К вопросу о преобразовании архивных комиссий [Текст] / В.И. Колосов // Труды Второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10-20 августа. – Тверь, 1906. – С. 9-12.

Комарова, Г.Е. Обзор фонда «Вятской губернской ученой архивной комиссии» государственного архива Кировской области [Текст] / Г.Е. Комарова // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. – Киров, 1994. – С. 160-162.

Комарова, И.И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов [Текст] / И.И. Комарова // Археографический ежегодник за 1986 г. – М., 1987. – С. 85-96.

Комарова, И.И. Московское археологическое общество и его роль в развитии местных краеведческих организаций в России [Текст] / И.И. Комарова // Археографический ежегодник за 1989 г. – М., 1990. – С. 80-87.

Кондратьев, В.А. Архивное дело и публикация исторических источников [Текст] / В.А. Кондратьев, К.В. Сивков // Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1965. Т. III. – С. 577-586.

Корнева, И.И. История археографии в дореволюционной России [Текст]: учеб пособие / И.И. Корнева, Е.М. Тальман, Д.М. Эпштейн; под общ. ред. М.С. Селезнева. – М., 1969.

Короленко, В.Г. «Дело об описании прежних лет архивов» сто лет назад и в наше время [Текст] / В.Г. Короленко. – Нижний Новгород, 1895.

К съезду представителей губернских ученых архивных комиссий, устраиваемому Русским историческим обществом 6-8 мая 1914 г. [Текст]. – СПб., 1914.

Курникова, И.А. Документы первой конференции архивных деятелей по проблеме подготовки кадров исторических архивов [Текст] / И.А. Курникова // Архивы СССР. История и современность. Межвузовский сб. науч. трудов. / Под ред. В.Е.Корнева. – М., 1989. – С. 115-121.

Лаппо-Данилевский, А.С. Доклад о деятельности некоторых ученых архивных комиссий по их отчетам за 1904-1911 гг. [Текст] / А.С. Лаппо-Данилевский // Известия Императорской Академии Наук. – СПб., 1913. – С. 76-79.

Лаппо-Данилевский, А.С. Особая комиссия Императорского Русского исторического общества и ее деятельность по сохранению местного архивного материала 1911-1916 гг. [Текст] / А.С. Лаппо-Данилевский. – Пг., 1917.

Лашков, Ф.Ф. К вопросу о губернских исторических архивах [Текст] / Ф.Ф. Лашков // Труды Восьмого археологического съезда в Москве 1890 г. – М., 1895. Т. II. – С. 209-212.

Лейкина-Свирская, В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. [Текст] / В.Р. Лейкина-Свирская. – М., 1971.

Лихачев, И.Ф. Об устройстве провинциальных музеев и основании Общества охраны национальных памятников [Текст] / И.Ф. Лихачев // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887. – М., 1891. Т. II. – С. 337-356.

Луппов, П.Н. О собирании материалов по истории Вятского края [Текст] / П.Н. Луппов // Путь просвещенца. – 1925. №8-9. – С. 31-36.

Луппов, П.Н. Автобиография [Текст] / П.Н. Луппов. – Киров, 1947.

Львов, А.Н. О печальном положении наших архивов, преимущественно губернских и о некотором упорядочении архивного дела в России [Текст] / А.Н. Львов // Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. 1890. – М., 1892. Т. III. – С. 274-277.

Львов, А.Н. Русское законодательство об архивах [Текст] / А.Н. Львов // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. 1899. – М., 1902. Т. II. – С. 1-11.

Лященко, А.И. Наши губернские ученые архивные комиссии [Текст] / А.И. Лященко // Исторический вестник. – 1891. №1. – С. 600-608.

Мазин, К.А. Из истории отечественной архивоведческой мысли второй половины XIX в. (Проект архивной реформы И.Е. Андреевского) [Текст] / К.А. Мазин // Археографический ежегодник за 1989 г. – М., 1990. – С. 88-93.

Мазин, К.А. Монография Д.Я. Самоквасова «Архивное дело в России» как исторический источник [Текст] / К.А. Мазин // Архивы СССР. История и современность. Межвузовский сборник научных трудов. / Под ред. В.Е. Корнева. – М., 1989. – С. 58-65.

Майорова, А.С. Саратовская губернская ученая архивная комиссия [Текст] / А.С. Майорова // Отечественные архивы. – 1997. №4. – С. 12-19.

Макарихин, В.П. Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России в конце XIX-начале XX века [Текст] / В.П. Макарихин // История СССР. – 1989. №1. – С. 160-170.

Макарихин, В.П. Губернские ученые архивные комиссии России [Текст] / В.П. Макарихин. – Нижний Новгород, 1991.

Макарихин, В.П. Исторический опыт русского народа в трудах губернских ученых архивных комиссий [Текст] / В.П. Макарихин // Материальная и духовная культура феодальной России. – Горький, 1990. – С. 99-107.

Макарихин, В.П. Профессор С.Ф. Платонов и губернские ученые архивные комиссии Поволжья [Текст] / В.П. Макарихин // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 1990. № 4. – С. 69-75.

Макарихин, В.П. Губернские ученые архивные комиссии и развитие исторической мысли Российской провинции на рубеже XIX-XX вв. [Текст] / В.П. Макарихин // История и культура Волго-Вятского края. (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). – Киров, 1994. – С. 3-7.

Макарихин, В.П. Историческая мысль Российской провинции на рубеже XIX-XX вв. [Текст] / В.П. Макарихин // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. – М., 1996. – С. 109-115.

Максаков, В.В. Архивное дело в первые годы советской власти [Текст] / В.В. Максаков. – М., 1959.

Малченко, В.С. Официальное назначение и научно-исторические задачи губернских ученых архивных комиссий [Текст] / В.С. Малченко // Труды Второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10-20 августа. – Тверь, 1906. – С. 1-12.

Марков, А.А. Состав Вятской ученой архивной комиссии [Текст] / А.А. Марков // Вятская земля в прошлом и настоящем (К 125-летию со дня рождения П.Н. Луппова). Тезисы, доклады и сообщения II научной конференции. – Киров, 1992. Т. 1. – С. 217-218.

Маяковский, И.Л. Н.В. Калачов как историк-архивист [Текст] / И.Л. Маяковский // Труды МГИАИ. – М., 1948. Т. 4. – С. 161-181.

Маяковский, И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР [Текст] / И.Л. Маяковский. – М., 1960.

Мельникова, С.А. Деятельность Симбирской губернской ученой архивной комиссии [Текст] / С.А. Мельникова // Отечественные архивы. – 1999. №2. – С. 32-36.

Менделеев, Д.И. Какая же Академия нужна России? [Текст] / Д.И. Менделеев // Новый мир. – 1966. №12. – С. 175-183.

Миронов, А.А. Из жизни археологических учреждений [Текст] / А.А. Миронов // Исторический вестник. – 1908. №2. – С. 647-648; №8. – С. 619-625; 1909. №6. – С. 1027-1036; №12. – С. 1063-1071.

Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империализма (18-начало XX в.) [Текст]: в 2 т. / Б.Н. Миронов. – СПб., 2000. Т. 1.

Митрофанов, Н.Н. В.Г. Короленко и Нижегородская архивная комиссия [Текст] / Н.Н. Митрофанов // Труды МГИАИ. – М., 1961. Вып. 16. – С. 281-300.

Моисеев, А.В. Содержание понятия «Археология» (по материалам первых Археологических съездов) [Текст] / А.В. Моисеев // История отечественной археологии: дореволюционный период. Материалы IV чтений по историографии археологии Евразии. – Воронеж, 2004. – С. 16-24.

Назин, И.С. Из истории архивного дела в дореволюционной России [Текст] / И.С. Назин // Архивное дело. – 1936. № 39. – С. 26-37.

Нарцов, А.Н. XII Всероссийский археологический съезд. Доклад председателя Тамбовской ученой архивной комиссии А.Н. Нарцова на заседании комиссии 16 сентября 1902 г. [Текст] / А.Н. Нарцов. – Тамбов, 1902.

Нарцов, А.Н. Губернские ученые архивные комиссии и их значение [Текст] / А.Н. Нарцов // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов, 1905. Вып. 50. Ч. II. – С. 48-59.

Нечкина, М.В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) [Текст] / М.В. Нечкина // История и историки. Историография истории СССР. Сб. статей. – М., 1965. – С. 6-26.

Низов, В.В. Павел Николаевич Луппов – гражданин, ученый, педагог [Текст] / В.В. Низов // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 125-летию со дня рождения П.Н. Луппова). Тезисы докладов и сообщений II научной конференции. – Киров, 1992. Т. 1. – С. 3-11.

Овчинникова, Б.Б. Из истории русских музеев [Текст]: уч. пособ. / Б.Б. Овчинникова. – Екатеринбург, 1992.

Отзыв Оренбургской ученой архивной комиссии о книге проф. Д.Я. Самоквасова «Архивное дело в России» [Текст]. – Оренбург, 1902. Кн. 1,2.

Отзыв Рязанской ученой архивной комиссии о книге проф. Д.Я. Самоквасова «Архивное дело в России» [Текст]. – Рязань, 1903.

Открытие Вятской ученой архивной комиссии [Текст] // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1905 г. – Вятка, 1905. – С. 163-164.

Петряев, Е.Д. Люди, рукописи, книги. Литературные находки [Текст] / Е.Д. Петряев. – Киров, 1970.

Писарькова, Л.Ф. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности [Текст] / Л.Ф. Писарькова // Археографический ежегодник за 1989 г. – М., 1990. – С. 187-198.

Покровский, Н.В. Губернские ученые архивные комиссии [Текст] / Н.В. Покровский // Вестник археологии и истории издаваемый Императорским Археологическим институтом. – СПб., 1909. Вып. VIII. – С. 27-48.

Покровский, Н.В. Отчет губернский ученых архивных комиссий за 1899 г. [Текст] / Н.В. Покровский // Вестник археологии и истории. – СПб., 1901. – С. 117-210.

Половинкин, Н.С. Источники по истории дворцовых крестьян в материалах «Трудов Вятской ученой архивной комиссии» [Текст] / Н.С. Половинкин // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской

ученой архивной комиссии). Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. – Киров, 1994. – С. 162-163.

Преображенский, И.Д. К вопросу о составлении архивных описей [Текст] / И.Д. Преображенский // Труды Второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10-20 августа. – Тверь, 1906. – С. 39-42.

Пресняков, А.Е. Реформа архивного дела [Текст] / А.Е. Пресняков // Русский исторический журнал. – 1918. Кн. 5. – С. 205-222.

Присенко, Г.П. Историческое краеведение и источники его изучения (по результатам исследования истории тульского краеведения XVIII-начала XX в.) [Текст] / Г.П. Присенко // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. – М., 1980. – С. 108-110.

Проект Положения для Губернских и областных музеев [Текст]. // Труды Седьмого Археологического съезда в Ярославле. 1887. – М., 1891. Т. II. – С. 282-284.

Равикович, Д.А. Музеи местного края во второй половине 19-начала XX в. (1861-1917) [Текст] / Д.А. Равикович // Очерки истории музейного дела в России. – М., 1960. – С. 145-224.

Разгон, А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861-1917 гг.) [Текст] / А.М. Разгон // История музейного дела в СССР: сб. ст. – М., 1957. – С. 73-128.

Размустова, Т.О. Губернские ученые архивные комиссии и изучение памятников археологии в дореволюционной России [Текст] / Т.О. Размустова // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. – М., 1990. – С. 89-104.

Редин, Е.К. Значение деятельности археологических съездов для науки русской археологии. К XII археологическому съезду в Харькове [Текст] / Е.К. Редин. – Харьков, 1901.

Ростовцев, Е.А. Наследие А.С. Лаппо-Данилевского в отечественной исторической науке [Текст] / Е.А. Ростовцев // Историческая наука и

методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. – СПб., 2003. Вып. 1. – С. 99-142.

Рудаков, В.Е. Археология и история в трудах губернских ученых архивных комиссий [Текст] / В.Е. Рудаков // Исторический вестник. – 1899. №6. – С. 937-952; 1901. №12. С. 1095-1116; 1908. №1. С. 384-386; №2. С. 647-648; №8. С. 619-625; 1906. №6. С. 1027-1036.

Рудаков, В.Е. Историко-археологический съезд в Костроме [Текст] / В.Е. Рудаков // Исторический вестник. – 1909. №9. – С. 1013-1036.

Рыбаков, М.А. О некоторых вопросах исторического краеведения [Текст] / М.А. Рыбаков // История СССР. – 1980. №4. – С. 216-220.

Савелов, Л.М. В защиту губернских ученых архивных комиссий (по поводу книги проф. Д.Я. Самоквасова «Архивное дело в России» М., 1902.). Доклад Тверскому Областному Археологическому съезду 12 августа 1903 г. [Текст] / Л.М. Савелов. – М., 1904.

Савелов, Л.М. Мнение товарища председателя Комиссии Савелова о созыве областного археологического съезда в Тамбове [Текст] / Л.М. Савелов // Труды Воронежской ученой архивной комиссии. – Воронеж, 1904. Вып. II. – С. XXVIII-XXX.

Сапегина, Ю.П. Вятская ученая архивная комиссия и Малмыж [Текст] / Ю.П. Сапегина // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. – Киров, 1994. – С. 497-499.

Самоквасов, Д.Я. Архивное дело на Западе [Текст] / Д.Я. Самоквасов. – М., 1900.

Самоквасов, Д.Я. Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России [Текст] / Д.Я. Самоквасов. – М., 1902.

Самоквасов, Д.Я. Архивное дело в России [Текст]: в 2 т. / Д.Я. Самоквасов. – М., 1902. Т. I, II.

Самошенко, В.Н. История архивного дела в дореволюционной России: Уч. пособие для ВУЗов по специальности «Историко-архивоведение» [Текст] / В.Н. Самошенко. – М., 1989.

Сборник статей по архивоведению [Текст]. / Под. ред. И.И. Зубарева. – СПб., 1911. Т. 1. Ч. 2.

Селиванов, Л.М. По поводу проекта архивной реформы [Текст] / Л.М. Селиванов // Русский вестник. – 1900. №1. – С. 406-416.

Селиванов, А.В. Проект учреждения губернских архивов [Текст] / А.В. Селиванов // Древности. Труды археографической комиссии Московского археологического общества. – М., 1901. Т. 19. Вып. 1. – С. 36-45.

Снежневский, В.И. Губернские ученые архивные комиссии и архивное дело в них [Текст] / В.И. Снежневский // Труды Ярославского областного съезда (съезда представителей истории и древностей Ростово-Суздальской области). – М., 1902. – С. 7-23.

Софинов, П.Г. Из истории русской дореволюционной археографии [Текст] / П.Г. Софинов. – М., 1957.

Спасская, Л.Н. Вятская ученая архивная комиссия [Текст] / Л.Н. Спасская // Вятская жизнь. – 1923. №3. – С. 74-79.

Спасская, Л.Н. Краеведческая деятельность Николая Александровича Спасского [Текст] / Л.Н. Спасская // Герценка. Вятские записки. – Киров, 2003. Вып. 4. – С. 101-108.

Старостин, Е.В., Чудиновских В.А. Архивы и архивное дело в зарубежных странах [Текст]: уч. пособ. / Е.В. Старостин, В.А. Чудиновских. – Свердловск, 1991.

Степанский, А.Д. К изучению организации исторической науки в дореволюционной России [Текст] / А.Д. Степанский // Труды МГИАИ. – М., 1974. Т. 30. Вып. 1. Историография и источниковедение истории СССР. – С. 96-103.

Степанский, А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России [Текст] / А.Д. Степанский // Археографический ежегодник за 1974 г. – М., 1975. – С. 38-53.

Степанский, А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX-XX вв. [Текст]: уч. пособие по спецкурсу / А.Д. Степанский; под ред. Н.П. Ерошкина. – М., 1980.

Степанский, А.Д. Научные общества и съезды России на рубеже XIX-XX вв. и литература вопроса [Текст] / А.Д. Степанский // Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры: сб. ст.; ред. коллегия: Л.Н. Пушкирев (отв. ред.) и др. – М., 1984. – С. 187-210.

Сторожев, В.Н. Губернские ученые архивные комиссии [Текст] / В.Н. Сторожев // Историческое обозрение. – 1891. Т. 2. – С. 205-209.

Сторожев, В.Н. Отголоски Харьковского археологического съезда [Текст] / В.Н. Сторожев // Русская мысль. – 1902. Декабрь. – С. 116-132.

Сторожев, В.Н. Одна из очередных задач губернских ученых архивных комиссий [Текст] / В.Н. Сторожев. – Тверь, 1911.

Судовиков, М.С. Святыня краеведения (К 100-летию Вятской ученой архивной комиссии) [Текст] / М.С. Судовиков // Памятная книжка Кировской области и Календарь на 2004 г. – Вятка (Киров), 2003. – С. 198-207.

Тельчарова, А.Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX в. [Текст] / А.Д. Тельчаолва // Проблемы истории СССР. М., 1976. Вып. V. – С. 415-431.

«Труды Вятской ученой архивной комиссии» 1905-1917 гг. Указатель содержания [Текст] / Сост. В.В. Низов. – Киров, 1993.

Труды I съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6-8 мая 1914 [Текст]. – СПб., 1914.

Туманова, А.С. Научно-исторические общества г. Тамбова в конце XIX-начале XX вв. [Текст] / А.С. Туманова // Общественная жизнь центральной России в XVI- начале XX в. – Воронеж, 1995. – С. 177-192.

Уо, Д. К истории Вятского летописания [Текст] / Д. Уо // *Memoriam*. Сборник памяти Я.С. Лурье. – СПб., 1997. – С. 303-319.

Уо, Д. Новое о «Повести о стране Вятской» [Текст] / Д. Уо. – Киров, 1998.

Успенский, М.И. Краеведение в сочинениях А.П. Щапова (К 50-летию со дня смерти) [Текст] / М.И. Успенский // *Краеведение*. – 1926. №3. – С. 318-328.

Февр, Л. Бои за историю [Текст] / Л. Февр. – М., 1991.

Фон-Легер Баварские архивы [Текст] / Фон-Легер // *Сборник статей по архивоведению* / под. ред. И.И. Зубарева. – СПб., 1910. Т. 1. Ч. 2. – С. 41-95.

Ферро, М. Кино и история [Текст] / М. Ферро // *Вопросы истории*. – 1993. №2. – С. 47-57.

Фролов, А.И. Московское археологическое общество и охрана памятников старины в дореволюционной России [Текст] / А.И. Фролов // *Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры: сб. науч. трудов*. – М., 1990. – С. 74-88.

Хан, Н.А. Деятельность Вятской ученой архивной комиссии по археологическому изучению Вятской губернии [Текст] / Н.А. Хан // *Вятская земля в прошлом и настоящем. Материалы III научной конференции, посвященной 50-летию победы в Великой Отечественной войне*. – Киров, 1995. Т. 1. – С. 92-95.

Харизоменов, С.А. Значение архивных комиссий для русской исторической науки и для русского общества [Текст] / С.А. Харизоменов // *Труды Саратовской ученой архивной комиссии*. – Саратов, 1890. Т. III. Вып. I. – С. 293-300.

Хевролина, В.М. К вопросу о термине «археография» [Текст] / В.М. Хевролина // *Советский архив*. – 1978. №2. – С. 48-57.

Хейзинга, Й. *Homo Ludens*. Статьи по истории культуры [Текст] / Й. Хейзинга / сост. и переводчик В.Д. Сильвестров. – М., 1997.

Хмельницкий, Д. Учебно-воспитательные задачи ученых архивных комиссий [Текст] / Д. Хмельницкий. – Н.Новгород, 1914.

Хорхордина, Т.И. Д.Я. Самоквасов: консерватор-реформатор [Текст] / Т.И. Хорхордина // Отечественные архивы. – 2000. №2. – С. 26-41.

Хорхордина, Т.И. Российская наука об архивах. История. Теория. Люди [Текст] / Т.И. Хорхорлина. – М., 2003.

Хохлов, А.А. О времени первых музеев на территории Вятской губернии [Текст] / А.А. Хохлов // Вятская земля в прошлом и настоящем. К 100-летию со дня рождения профессора А.В. Эммаусского. Материалы республиканской IV научно-практической конференции. – Киров, 1991. – С. 65-68.

Чекурин, Л.В. Историческое краеведение. Историография и источниковедение. Учебное пособие для студентов специальности музееведение и охрана памятников истории и культуры [Текст] / Л.В. Чекурин. – М., 1991.

Чернов, С.Н. Краеведение и архивное дело [Текст] / С.Н. Чернов // Отечество: Краеведческий альманах. – М., 1990. Вып. 1. – С. 217-222.

Чернов, А.В. История и организация архивного дела в СССР. (Краткий очерк) [Текст] / А.В. Чернов / под ред. Д.С. Бабурина. – М., 1940.

Чирков, С.В. А.С. Лаппо-Данилевский – археограф [Текст] / С.В. Чирков // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. – СПб., 2003. Вып. 1. – С. 160-204.

Чирков, С.В. В.О. Ключевский о русской археографии [Текст] / С.В. Чирков // Актуальные вопросы теории, методики и истории публикации исторических документов. – М., 1991. – С. 32-43.

Чирков, С.В. О применении термина «археография» в начале XX в. [Текст] / С.В. Чирков // Археографический ежегодник за 1981 г. – М., 1982. – С. 21-32.

Чирков. С.В. Некоторые проблемы развития русской археографии в начале XX в. [Текст] / С.В. Чирков // Археографический ежегодник за 1983 г. – М., 1985. – С. 12-26.

Чирков, С.В. К истории разработки правил издания исторических источников в начале XX в. [Текст] / С.В. Чирков // Археографический ежегодник за 1984 г. – М., 1986. – С. 64-75.

Чирков, С.В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX-начала XX в. [Текст] / С.В. Чирков // Археографический ежегодник за 1989 г. – М., 1990. – С. 19-27.

Чудова, Г.Ф. В те далекие годы [Текст] / Г.Ф. Чудова. – Киров, 1981.

Шабалина, Н. «Шаг к цивилизованию края...» У истоков Вятского публичного музеума [Текст] / Н. Шабалина // По родному краю / под ред. Л.С. Татаренкова. – Киров, 1991. – С. 8-9.

Шведова, О.И. Указатель "Трудов" губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий [Текст] / О.И. Шведова // Археографический ежегодник за 1957 г. – М., 1958. – С. 377-433.

Шишлова, М.В. Из истории Курской губернской ученой архивной комиссии (к 100-летию образования) [Текст] / М.В. Шишлова // Отечественные архивы. – 2003. №1. – С. 9-16.

Шмидт, С.О. О содержании университетского курса историографии СССР [Текст] / С.О. Шмидт // Вопросы истории. – 1963. № 8. – С. 59-87.

Шмидт, С.О. Археография. Архивоведение. Памятниковедение [Текст] / С.О. Шмидт. – М., 1997.

Шмидт, С.О. Сельские церковно-приходские летописи как историко-краеведческий материал [Текст] / С.О. Шмидт // Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. – М., 1997. – С. 136-155.

Шмидт, С.О. Некоторые вопросы источниковедения и историографии [Текст] / С.О. Шмидт // Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию акад. М.В. Нечкиной / под ред. Л.В. Черепнина. – М., 1976. – С. 264-275.

Шмидт, С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки [Текст] / С.О. Шмидт // Труды МГИАИ. – М., 1965. Т. 22. Историография истории СССР / под ред. В.Е. Иллерицкого. – С. 3-49.

Шохин, Л.И. Н.В. Калачов и Д.Я. Самоквасов как реформаторы архивного дела в России (Опыт характеристики по архивным документам) [Текст] / Л.И. Шохин // Археографический ежегодник за 1992 г. – М., 1994. – С. 183-190.

Шумейко, М.Ф. Витебская ученая архивная комиссия – центр архивно-археографических и краеведческих изысканий в губернии в первой четверти XX в. [Текст] / М.Ф. Шумейко // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сборник к 80-летию С.О. Шмидта Историко-архивному институту. – М., 2000. – С. 318-320.

Щавелев, С.П. Вопросы теории и методики в археологических трудах Д.Я. Самоквасова [Текст] / С.П. Щавелев // Очерки истории русской и советской археологии / под ред. В. И. Гуляева. – М., 1991. – С. 25-50.

Щавелев, С.П. Д.Я. Самоквасов – историк, археолог, архивовед [Текст] / С.П. Щавелев // Вопросы истории. – 1993. №3. – С. 177-182.

Щапов, А.П. Великорусские области в смутное время (1606-1613) [Текст] / А.П. Щапов // Отечественные записки. – 1861. Октябрь. – С. 519-616.

Эпштейн, Д.М. История археографии дореволюционной России (период капитализма) [Текст] / Д.М. Эпштейн. – М., 1979.

Яцунский, В.К. Историческая география. История географических открытий. Краевая историография [Текст] / В.К. Яцунский // Очерки истории исторической науки. – М., 1960. Т. II. – С. 647-656.

Авторефераты и диссертации

Аленова, В.А. Историко-краеведческая деятельность Тамбовской губернской ученой архивной комиссии, 1884-1922 гг. [Текст]: дис. ...канд. ист. наук / В.А. Аленова. – Воронеж, 1997.

Бондаренко, В.К. Проект архивной реформы в России 60-70-х годов XIX в. [Текст]: автореф. дис. ...канд. ист. наук / В.К. Бондаренко. – М., 1952.

Дорошин, Б.А. Организация и деятельность Пензенской губернской ученой архивной комиссии [Текст]: дис. ...канд. ист. наук / Б.А. Дорошин. – Пенза, 1999.

Камардина, О.В. Императорское русское историческое общество: очерк истории и научной деятельности (1866-1916 гг.) [Текст]: автореф. дис. ...канд. ист. наук / О.В. Камардина. – Самара, 1999.

Кожевникова, Т.Г. Печатные издания научно-краеведческих обществ Пермской губернии как источник по истории Урала (вторая половина XIX – начала XX в.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т.Г. Кожевникова. – Екатеринбург, 2005.

Макарихин, В.П. Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России конца XIX-начала XX в. [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.П. Макарихин. – М., 1991.

Присенко, Г.П. Тульское историческое краеведение. Досоветский период [Текст]: автореф. дис. ...канд. ист. наук / Г.П. Присенко. – М., 1985.

Седых, Д.В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX-начале XX вв. [Текст]: автореф. дис. ...канд. ист. наук / Д.В. Седых. – Ижевск, 2006.

Шипилов, А.Д. Историко-краеведческая деятельность в Костромской губернии в конце XVIII-начале XX вв. [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.Д. Шипилов. – М., 1984.

Хасанов, Э.Р. Историческое краеведение на Южном Урале (вторая половина XIX-начало XX вв.) [Текст]: дисс. ... канд. ист. наук / Э.Р. Хасанов. – Оренбург, 2002.

Приложения

**1. Сообщение министерства внутренних дел вятскому губернатору
П.Ф. Хомутову по вопросу об открытии
Вятской ученой архивной комиссии**

9 октября 1904 г.

...Со стороны министерства не встречается препятствий к учреждению в г. Вятке губернской архивной комиссии на основаниях, изложенных в Высочайше утвержденном 13 апреля 1884 г. положении Комитета Министров об учреждении сих комиссий.

ГАКО. Ф.170. Оп.2. Д.3. Л.73. Подлинник.

2. Из речи Н.А. Спасского на открытии Вятской ученой архивной комиссии

28 ноября 1904 г.

Позвольте, гг. члены, принести искреннюю и глубокую благодарность за оказанную вами мне высокую честь – избрание меня в председатели ученой архивной комиссии и поздравить вас с открытием этого нового в г. Вятке просветительного учреждения, основание которого составляло давнишнюю заветную мечту многих из вас...

Немало забот и хлопот выпадет на долю каждого из нас, в том числе и на меня. Не говоря уже о задачах научных, Прежде всего предстоят заботы и хлопоты по организации комиссии, устройству ее квартиры и обстановки...

Затем мне кажется, исполнение лежащей на нас важнейшей и многосложной обязанности, именно – собирание и приведение в порядок архивных дел и документов, будет тяжело уже потому, что состояние архивов теперь неудовлетворительно... Наши архивы – это лес дремучий, также богаты, также малодоступны. И чем скорее мы приведем в известность нужные для историка лежащие в них материалы, чем больше затратим на это труда, чем больше сохраним и опишем памятников старины, тем цель нашей комиссии скорее будет достигнута, долг наш выполнен.

Далее не могу не указать на трудность дела и с другой стороны. Наша история, например, далеко еще не разработана. Жатвы много, Вятская губерния весьма обширна, пестра по населению и в историческом отношении не представляет одной целой, особенно по вопросу заселения края. Едва не половина ее русского населения не считает себя вятчанами. Многочисленные факты свидетельствуют, что колонизация края шла с разных сторон, что отдельные части губернии развивались под влиянием различных условий разнообразно. Поэтому в предстоящих наших трудах, например, при выработке программы деятельности комиссии, при исследовании старины, указанные обстоятельства надо принять в соображение. Для планомерности работ придется быть весьма бдительными при разработке материала, не ограничиваться только местными источниками, но и обратить внимание также на соседние, так и на более отдаленные губернии, придется завязать сношения со всеми существующими архивными комиссиями и другими учеными обществами, потребуется, наконец, командировать кого-нибудь для

извлечения материалов из столичных архивов и т.п. Все это усложняет нашу задачу.

Сознавая, таким образом, всю трудность принятой на себя обязанности, однако я ободряюсь единственно тем, что ближайшими сотрудниками мне избраны и согласились быть: уважаемый наш историк, почетный член Вятского статистического комитета А.С. Верещагин, а также М.Н. Решетников и действительный член С-Петербургского археологического института Л.И. Софийский...С такими учеными силами задача моя, как председателя, значительно облегчается.

Итак, есть обстоятельства, которые дают мне надежду смотреть светло на предстоящие труды комиссии и верить, что поставленная нам цель будет достигнута.

Приступая с такой надеждой к своей деятельности, мы ради успеха должны следовать по испытанному уже пути, должны объединиться, слиться в одно стремление, в одно желание поддержать друг друга. Это усилит нашу совместную деятельность, даст энергию старым работникам и привлечет новых. Лучшим средством к этому по-моему является предположенный к изданию особый печатный орган комиссии...

В заключение выскажу ряд благопожеланий: от всей души желаю Вятской архивной комиссии такого же широкого развития, которого достигли Тверская, Костромская, Ярославская и др.; желаю вам всякого преуспеяния в делах, зная, что «труд ваш не тщетен»; желаю полного процветания печатному органу комиссии. Говорят: «История все смертное оживляет и не дает скрыться в бездне забвения». Пусть же труды комиссии сберегут все прошедшее. Пусть (выражаясь стихом поэта Жуковского): «Там все погибшее пред нами оживет»!

**Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905 г. Вып. I. Отд. I.
Вятка: 1905. С.33-38.**

3. Письма почетных и действительных членов Вятской ученой архивной комиссии

**19 ноября 1904 г.,
г. С.-Петербург**

Г. Непременному попечителю Вятской ученой архивной комиссии.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в моей искренней признательности за память о моем близком касательстве к истории и археологии Вятского края. Рад служить Вятской архивной комиссии по мере сил и способностей, особенно же в кругу специальных занятий моих последнего времени – археологии.

**Член Императорской
археологической комиссии
А. Спицын**

**25 января 1905 г.,
г. Киев**

Шлю мое горячее спасибо моим землякам, членам Вятской губернской архивной комиссии за внимание и честь, оказанные мне избранием меня в действительные члены комиссии, и за присылку интересного очерка истории возникновения ее, составленного Л.И. Софийским. В этом скромном, негромком событии я вижу новый и немаловажный шаг, сделанный родным мне Вятским краем по пути к культурному прогрессу. И как вятчанин (вятчанин, а не вятч!) по роду-племени, и как историк по ремеслу не могу не приветствовать от души появление на вятском горизонте новой светлой точки – в лице новорожденного ученого учреждения. сердечный ему привет и искренне пожелание успеха.

**Павел Ардашев, профессор университета
Св. Владимира в Киеве**

31 января 1905 г.

С удовольствием принимаю на себя звание действительного члена Вятской ученой архивной комиссии, об открытии которой в Вятке я давно мечтал. От души желаю комиссии широкой и плодотворной работы по истории родного края.

**Действительный член Императорского
Русского географического общества**

С.-Петербургского археологического института П.Луппов

3 февраля 1905 г.

г. Москва

Милостивый государь Владимир Михайлович!

извещение Вашего Превосходительства об избрании меня в почетные члены Вятской архивной комиссии я имел честь получить и покорнейше прошу Вас засвидетельствовать комиссии мою глубокую благодарность за оказанное мне внимание. Одновременно с сим сопровождаю в библиотеку комиссии некоторые мои печатные сочинения, какие у меня в настоящее время имеются. Буду искренно рад, если мне представится возможность быть чем-либо полезным комиссии или оказать содействие ее целям. Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Василий Ключевский

**ГАКО. Ф.170. Оп.2. Д.3. Л.95; Там же. Д.7. Л.13, 17, 21, 23.
Подлинники.**

Приложение II.
Таблица 1.

Отчет о приходе и расходе денежных сумм ВУАК за 1906 г.*

Приход	Руб.	Коп.	Расход	Руб.	Коп.
Остаток с 1905 г.	674	53	Выплата статкомитету	12	
Пособия от Вятского губернского земского управления	300		Покупка мебели для ВУАК	8	
Тоже от Вятской городской управы	100		Типографские расходы	355	30
Тоже от почетных членов	250		Сторожу, истопнику, рассыльному	63	15
% от банковского капитала	36	6	Вознаграждение писцам	50	
Плата за «Труды ВУАК»	522		Вознаграждение зав. складом «Трудов ВУАК» И.И. Зубареву	20	
Членские взносы	6		квартира	30	
			освещение	3	31
			отопление	25	20
			Почтовые расходы	7	97
			Мелочные расходы	9	90
Итого:	1.888	79	Итого:	584	89

*Отчет ВУАК за 1906 г. // Труды ВУАК за 1906 г. Вып. I – II. Отд. I. Вятка: 1906. С.52-56.

Таблица 2.

Отчет о приходе и расходе денежных сумм ВУАК за 1909 г. *

Приход	Руб.	Коп.	Расход	Руб.	Коп.
Остаток с 1910 г.	1.360	51	Арендная плата за квартиру	335	50
Пособия от Вятской губернской земской управы, уездных земских управ, городских управ Вятской губернии	1.008		Покупка дров	66	70
За покупку «Трудов ВУАК»	72		Типографские расходы	348	26
Квартирная плата за помещение, занимаемое инспекцией мелкого кредита	290		Истопнику, рассыльному, плотнику	20	
% от банковского капитала	45	80	Вознаграждение писцам	28	20
Пособие от казны	200		На покупку книг для библиотеки ВУАК	49	15
Случайные доходы	25	50	Почтовые расходы	14	20
			Члену-редактору В.Д. Емельянову на снятие копий с документов в столичных архивах	50	
			Члену-казначее аванс	190	
			Художнику за написание портрета А.С. Верещагина и фотографу за изготовление фотографии с портрета	45	29
			Покупка книг А.С. Верещагина у Е.А. Вечтомовой	20	5
			% при покупке билетов государственного казначейства	11	14
			Мелочные расходы		10
Итого:	3.001	81	Итого:	1.115	24

*Отчет ВУАК за 1909 г. // Труды ВУАК за 1910 г. Вып. II – III. Отд. I. Вятка: 1910. С.66-69.

Таблица 3.

Отчет о приходе и расходе денежных сумм ВУАК за 1911 г. *

Приход	Руб.	Коп.	Расход	Руб.	Коп.
Остаток с 1910 г.	2.461	34	Арендная плата за квартиру	420	
Пособия от Вятского губернского земского управления	530		Покупка дров	111	65
Тоже от уездных земских управ: Вятской—50 руб., Малмыжской — 50 руб., Глазовской — 50 руб., Елабужской — 50 руб., Сарапулской — 50 руб., Слободской — 30 руб., Орловской и Котельнической по 25 руб, Нолинской -5 руб.	335		Типографские расходы	1.035	53
Тоже от городских управ: Сарапулской -25 руб., Елабужской — 25 руб., Слободской — 20 руб., Малмыжской — 10 руб., Котельнической и Нолинской по 5 руб.	90		Сторожу, истопнику, рассыльному	59	23
% от банковского капитала	107	78	Вознаграждение писцам	15	40
Пожертвования от духовенства на открытие Церковно-археологического музея при ВУАК	429	93	На покупку книг для библиотеки ВУАК	49	15
Пособие от казны	200		Почтовые расходы	14	20
Пособие от Вятского мужского монастыря на издание жития преп. Трифона	250		Мелочные расходы	25	9
Плата за «Труды ВУАК»	96				
Случайные поступления	10	50			
Арендная плата за квартиру. занимаемую инспекцией мелкого кредита	420				
Итого:	4.930	55	Итого:	1.730	25

*Отчет ВУАК за 1911 г. // Труды ВУАК за 1912 г. Вып. I II. Отд. I. Вятка: 1912. С.52-53.

Таблица 4.

Отчет о приходе и расходе денежных сумм ВУАК за 1914 г.*

Приход	Руб.	Коп.	Расход	Руб.	Коп.
Остаток с 1913 г.	5.952		Плата за квартиру	180	
Пособия от земских управ	650		Типографские расходы	1.137	15
Тоже от городских управ	85		Путевые расходы членов ВУАК	50	6
% от банковского капитала	205	21	Наборщику	12	
Плата за «Труды ВУАК»	394	19	Вознаграждение писцам	15	
Пособие от казны	200		Мелочные расходы	2	55
Итого:	7.486	59	Итого:	1.396	76

*Отчет ВУАК за 1914 г. // Труды ВУАК за 1915 г. Вып. I. Отд. I. Вятка: 1915. С.24-25.

Таблица 5.

Отчет о приходе и расходе денежных сумм ВУАК за 1916 г.*

Приход	Руб.	Коп.	Расход	Руб.	Коп.
Остаток с 1915 г.	4.832	64	Плата за квартиру	180	
Пособия от Вятского губернского земского управления	350				
Тоже от городских управ	110		Типографские расходы	2.156	95
Тоже от уездных земских управ: Уржумской – 20 руб., Слободской – 5 руб., Малмыжской – 20 руб., Вятской – 25 руб., Сарапулской – 5 руб., Котельнической – 50 руб., Орловской – 25 руб., Нолинской -5 руб.	505		Наборщику	20	
Тоже от других учреждений и частных лиц	55	75	Жалование рассыльному	86	
% от банковского капитала	360	17	Зав. складом «Трудов ВУАК» В.И. Шабалину на почтовые расходы	15	
За процентные бумаги	2.000		Переписчику	122	83
			И.М. Осокину на путевые расходы	87	
			На покупку билетов государственного казначейства	3.014	
			За перевозку архивного материала	39	90
			Мелочные расходы	2	71
Итого:	7.863	56	Итого:	5.724	40

*Отчет ВУАК за 1916 г. // Труды ВУАК за 1917 г. Вып. I – II. Отд. I. Вятка: 1917. С.53-54.

Приложение III.

Персоналии членов ВУАК.

Блинов Николай Николаевич (1839-1917), педагог, литератор, этнограф, церковный деятель. Родился в с. Зашижемье Орловского уезда Вятской губернии. Его отец был псаломщиком в Кафедральном соборе в Вятке. В 1961 г. Блинов окончил Вятскую духовную семинарию, был священником в с. Карсавай Глазовского уезда. Блинов издал первую азбуку удмуртов «Лыдзон»(1867). Служил учителем в с. Бахта, в г. нолинске, преподавал арифметику, географию, занимался проблемами народного образования. С 1879 г. служил священником в Сарапуле, Орлове, писал рассказы, занимался историей. Этнографией удмуртов. Являлся действительным членом ВУАК. В «Трудах» комиссии было помещено несколько статей Блинова: «К раскопкам в городе Сарапуле на Оползине», «Благоразумный разбойник» (об иконах «благоразумного разбойника»).

Васильев Михаил Григорьевич, учитель Вятской мужской гимназии, член ВУАК с 1907 по 1911 гг. Он не мог принимать активного участия в работе комиссии, поскольку с 1908 г. был занят написанием истории Вятской гимназии за 100 лет, с 1811 по 1911 г. Данный труд вошел в число классических краеведческих исследований о Вятке. Он служил основным пособием по истории народного образования Вятки в XIXв. В 1912 г. данная работа была помещена в виде приложения к «Памятной книжке». Закончив работу над книгой, М.Г. Васильев в октябре 1911 г. уехал из Вятки в Казань.

Верещагин Григорий Егорович (1851-1930), первый этнограф-удмурт из с. Полом Глазовского уезда. Значительную часть жизни проработал земским учителем в ряде сел Сарапульского уезда, а затем 27 лет был приходским священником. Верещагин написал 21 работу посвященную этнографии, фольклору, религии, народной медицине, языку удмуртского народа. Две его работы «Вотяки Сосновского края» и «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» были опубликованы Русским географическим

обществом (1886, 1889 гг.). За эти работы Верещагин получил серебряные медали от Русского географического общества.

Емельянов Владимир Дмитриевич (1883-1962), педагог, краевед. Родился в С. Архангельское Нолинского уезда Вятской губернии. Окончил Вятскую семинарию, Петербургскую духовную академию, Петербургский археологический институт. Преподавал в Вятском епархиальном женском училище. С 1909-1910 гг. являлся редактором «Трудов ВУАК». Емельянов написал несколько статей по археологии: «Археологические раскопки в Киеве», «Могины, открытые в г. Сарапуле на Оползине», «Местные археологические находки» «О необходимости изучения Вятского края в археологическом отношении». В 1917 г издал учебник «география Вятской губернии» с подробной картой. С 1924 г. заведовал краеведческим музеем в г. Нолинске.

Замятин Андрей Алексеевич (1852-1913), священник, краевед. Родился в семье дьякона. По окончании Вятской духовной семинарии был учителем начальной школы, преподавал в Елабужском духовном училище. С 1878 г. был настоятелем храмов в г. Слободском. В последние годы жизни являлся протоиереем Преображенского собора. Занимался общественной деятельностью. Большинство его работ были посвящены истории г. Слободского. Большое внимание уделял работе с архивами. Замятин являлся действительным членом ВУАК. Оказывал помощь в создании ее библиотеки и Церковно-археологического музея.

Замятин Герман Андреевич (1882-1953), историк. Родился в г. Слободском в семье священника, краеведа А.А. Замятина. Окончил Вятскую духовную семинарию. Учился в Юрьевском университете, а затем в Петербургском, который окончил в 1907 г. В 1907-1910 гг. участвовал в работе ВУАК. В «Трудах ВУАК» было напечатано несколько работ Замятина по истории гг. Слободского и Вятки. С 1910 г. преподавал в Юрьевском университете. В 1919-1921 гг. работал в Вятском пединституте, затем в Воронежском университете.

Зеленин Дмитрий Константинович (1878-1954), этнограф, филолог, член-корр. Академии наук. Родился в с. Люк Сарапульского уезда. Окончил Вятскую духовную семинарию и историко-филологический факультет Юрьевского университета. Ученик академика А.А. Шахматова, под руководством которого написал диссертационную работу «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации». В 1904 г. вступил в члены Русского географического общества, в «Записках» которого опубликовал два больших труда. Общее количество научных работ Зеленина около 150, не считая мелких заметок и рецензий. Большинство его работ связано с родным краем, куда ученый приезжал в экспедиции и поддерживал тесные контакты с Вятской ученой архивной комиссией, чьим действительным членом являлся. Наиболее выдающимися его работами являются «Великорусские сказки Вятской губернии» (1915 г.). «Кама и Вятка» (1904 г.).

Луппов Павел Николаевич (1867-1949), историк Вятского края, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Удмуртской ССР. Родился в с. Усть-Чепца Вятской губернии (ныне г. Кирово-Чепецк). Окончил Вятскую духовную семинарию, затем Московскую духовную академию. Доктор церковной истории (1913 г.), специалист по христианизации удмуртов. Под его руководством был создан Государственный архив Вятской губернии, скомплектованный из множества разрозненных ведомственных архивов в тяжелейших условиях Гражданской войны и голода. Луппов являлся действительным членом ВУАК. Работы Луппова были посвящены истории миссионерской деятельности православной церкви среди удмуртов в XVIII-XIX вв. В «Трудах ВУАК» были опубликованы следующие работы Луппова: «Волнения вотяков Вятской губернии по поводу прикрепления их к горным заводам», «Христианство у вотяков в первой половине XIX века» и «Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX в.».

Наумов Петр Иванович (1861-1925), историк, этнограф, краевед. Родился в с. Сметанино Вятской губернии в семье бывших крепостных крестьян Яранского помещика Лермонтова. Окончил Яранское уездное училище, затем Вятское земское училище. 20 лет проработал в Сметанинской школе, собирал материалы по этнографии края. С 1880-х гг. начал присылать свои заметки и статьи в «Ниву», «Родину», «Вятские губернские ведомости», «Нижегородский листок». Собирает для Академии наук санчурский фольклор. В 1899 г. переехал в Вятку, работал в губернской земской управе. В 1910-1915 служил в Глазовской земской управе, затем в Оренбурге секретарем земской управы. За период с 1901 по 1911 гг. написал для «Памятных книжек» ряд краеведческих статей. Например, статью о событиях в Вятском крае времен польско-шведской интервенции. Большая работа «Материалы для истории торговли Вятской губернии» была напечатана в «Памятных книжках» в 1903-1904 гг. В 1908 г. вышла его статья «Краткие сведения о Вятской губернии», в которой автор рассказывал о природе, населении, землевладении. В том же году вышла другая его работа «Картография Вятской губернии», содержащая историю составления губернских карт с 1781 г., с приложением выполненной им карты Вятской губернии на 1907 г. Последняя его работа была написана в 1911 г. и представляла собой хронологический указатель событий «смутного времени» на Вятке 1601-1603 гг. по древним актам, собранным А.С. Верещагиным в 1880-х гг. В 1911 г. Наумов уехал из Вятской губернии и след его был потерян.

Решетников Михаил Николаевич (1876-1950), краевед, общественный деятель, литератор. Родился в с. Токашур Вятской губернии в семье священнослужителя. В 1896 г. окончил Вятскую духовную семинарию, а в 1901 г. Петербургскую духовную академию. Преподавал в Вятке в духовном училище и женском епархиальном училище латинский язык и русскую литературу. Недолгое время был секретарем Вятской губернской земской управы, а с 1908 г. земским начальником в Уржуме, Слободском и Малмыже. В истории ВУАК являлся эпизодическим лицом. После открытия комиссии

Решетников был избран библиотекарем в ВУАК, однако уже в конце 1905 г. отказался от должности. В «Вятских епархиальных ведомостях» была опубликована его статья «Учреждение в городе Вятка губернской ученой архивной комиссии. (Задачи деятельности комиссии и условия успешного выполнения ею этих задач)». Также Решетником написал рецензию на один из выпусков «Трудов ВУАК».

Софийский Леонид Иванович, член Петербургского археологического общества. В 1904–1919 гг. служил податным инспектором в Опочке, Риге и Москве. Являлся одним из основателей ВУАК. Написал «Историческую записку об учреждении в Вятке архивной комиссии, а также статью о целях и задачах ВУАК, опубликованную в «Приложении» к «Губернским ведомостям». В «Трудах ВУАК за 1912 г.» была напечатана его статья по истории архива Вятской духовной консистории «Первые опыты в упорядочении архива Вятской духовной консистории и в разработке сырых материалов». В 1912 г. Осокин уехал из Вятки, в Пскове вышел его труд «Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем(1414-1914 гг.)». В 1923 г. Осокин вернулся в Вятку и стал одним из учредителей исторического общества при Вятском научно-исследовательском институте краеведения.

Спасская Лидия Николаевна (1856-1928), историк, краевед. Родилась в г. Вятке в семье врача Н.В. Ионина, знакомого М.Е. Салтыкова-Щедрина в годы его пребывания в вятской ссылке. В. 1873 г. окончила Вятскую Мариинскую женскую гимназию. Многие годы посвятила собиранию материалов о Вятском крае. В отличие от мужа, известного вятского историка Н.А. Спасского, придерживалась консервативных взглядов, была членом Вятской монархической партии. С 1904 г. являлась членом ВУАК. В 1910 г. на одном из заседаний комиссии она выступила с рефератом «Вятский край во время великой Северной войны» в связи с 200-летием Полтавской битвы. В «Трудах ВУАК» были помещены несколько статей Спасской в основном относящиеся к жизни Салтыкова-Щедрина в Вятке. На основании воспоминаний своей матери Спасская написала очерк «Михаил

Евграфович Салтыков-Щедрин. Опыт характеристики», помещенный в «Памятной книжке» на 1908 г. К празднованию 300-летия дома Романовых Л.Н. Спасская составила книгу «Прошлое Вятки с ее заселения русскими до воцарения Михаила Федоровича Романова». Данная работа была опубликована в «Трудах ВУАК» за 1913 г. С 1918 по 1922 Спасская работала секретарем книжно-библиографической комиссии при публичной библиотеке им. А.И. Герцена. Она была членом Вятского исторического общества, участником Вятского краеведческого съезда, занималась литературной деятельностью.

Спицын Александр Александрович (1858-1931), археолог, действительный член Академии истории материальной культуры (1892), член-корр. Российской Академии наук (1927). Родился в г. Яранске вятской губернии. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1882 г. В течение 10 лет работал преподавателем словесности в Вятской женской гимназии, был членом Вятского статистического комитета. В 1880-х гг. он собрал, систематизировал и издал «Каталог древностей Вятского края», провел разведку 29 памятников. С 1891 г. член русского археологического общества, в 1892 г. был приглашен в Петербург работать в Археологической комиссии. В Петербурге Спицын изучал археологию и историю Приуралья. Им написано более 300 работ, многие посвящены вятским темам. Спицын был одним из инициаторов организации в Вятке ученой архивной комиссии.

Столбов Алексей Иванович (1874-1937), художник, педагог, общественный деятель. Родился в г. Вятке в купеческой семье. Учился в Вятской гимназии, затем Бакинском реальном училище, Императорском училище технического рисования Штиглица, окончил рисовальную школу Императорского общества поощрения Поощрения художеств. Преподавал лепку и рисование в учебных заведениях Вятки. Член Вятского художественного кружка, действительный член ВУАК.

Худяков Михаил Георгиевич (1894-1936), историк, археолог, этнограф. Родился в г. Малмыже Вятской губернии в купеческой семье. Окончил гимназию в Казани и Казанский университет (1918 г.). Худяков стал сотрудником ВУАК в 20-летнем возрасте. Он занимался историческими и археологическими исследованиями Малмыжского уезда. В 1915-1917 гг. в «Трудах ВУАК» было опубликовано более 10 краеведческих работ о Малмыже. С 1919 г. Худяков состоял членом совета Казанского общества археологии, истории и этнографии, сотрудничал в «Казанском музейном вестнике». В 1920-1923 гг. в Казани вышли его работы: «Мусульманская культура в Среднем Поволжье» и «Очерки по истории Казанского ханства».

Шабалин Василий Иванович (1867-1923), краевед, архивист. Родился в с. Сунском Вятской губернии в семье священника. Окончил Нолинской духовное училище и I класс Вятской духовной семинарии. С 1889 г. работал делопроизводителем, затем архивариусом Вятской духовной консистории, с 1919 по 1921 гг. научным сотрудником Вятского губернского архивного бюро, под руководством П.Н. Луппова занимался обследованием архивов г. Вятки, охраной архивов от расхищений. Состоял членом ВУАК, губернского архивного комитета, Церковно-археологического музея. Под его редактированием было издано четыре сборника архивных документов XVIII в. Шабалин составил основную часть «Историко-географического и статистического описания Вятской епархии».

Приложение IV.

Таблица 1.

Ведомость о том, сколько и кому выдано «Трудов ВУАК» с 1905 по 1907 гг.*

	1905 г.					1906 г.			1907 г.			
	I	II	III	IV	V- VI	I-II	III- IV	V- VI	I	II	III	IV
Земским управам	90	90	90	90	90	53	53	53	71	71	71	71
Городским управам	40	40	40	40	40	30	30	30	21	21	21	21
Научным обществам	54	55	55	38	38	40	40	40	34	34	33	33
Ученым лицам	15	15	15	15	13	12	12	13	11	10	10	11
Разным учреждениям за плату	16	16	16	16	16	12	12	12	13	13	13	13
Разным лицам за плату	34	34	34	33	33	20	19	17	7	7	7	7
Учреждениям бесплатно	18	17	17	16	16	12	12	11	13	11	11	11
Разным лицам бесплатно	44	46	45	36	34	25	24	22	25	22	10	20
продано	30	27	27	25	26	6	5	5	5	5	5	6
итого	341	340	339	309	306	210	207	203	200	194	191	193

*Составлено по отчетам ВУАК за 1905-1907 гг.

Таблица 2.

Ведомость о том, сколько и кому выдано «Трудов ВУАК» с 1908 по 1911 гг.*

	1908 г.		1909 г.		1910 г.		1911 г.	
	I	II	I	II-III	I	II-III	I-II	III
Земским управам	52	52	52	42	65	65	62	62
Городским управам	13	13	16	16	7	7	11	11
Научным обществам бесплатно	43	43	62	51	53	51	48	50
Разным учреждениям за плату	6	7	3	3	4	4	2	2
Разным лицам бесплатно	34	34	48	47	44	46	43	42
Разным лицам за плату	3	3	5	5	4	4	22	22
продано	5	5	2	1	1	-	1	2
итого	156	158	188	175	178	177	189	191

*Составлено по отчетам ВУАК за 1908-1911 гг.